

УДК 930.2
ББК 63.3(2)622.78
Г 11

Авторы идеи
Вячеслав ТИМОШЕНКО
Юрий КУХАРСКИЙ

Редактор
Елена КОЗИНОВА

Финансовая поддержка выпуска книги
ЗАО «СВР ГРУПП»
ИД «Аргументы недели»
ДП «Аргументы недели – Крым»

Г 11 ГОВОРЯТ ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ. ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ.
КРЫМ. Сборник интервью и воспоминаний участников Великой
Отечественной войны. М.: ЗАО «СВР-Медиапроекты», 2012.— 256 с., илл.
ISBN

Книга распространяется бесплатно.

УДК 930.2
ББК 63.3(2)622.78

ISBN

© ЗАО «СВР-Медиапроекты», 2012

Уважаемый читатель!

Со Дня Победы в Великой Отечественной войне прошло 67 лет. Это довольно большой срок, для кого-то целая жизнь. Но на нашей крымской земле есть люди, которые 67 лет назад встретили Победу молодыми танкистами, артиллеристами, летчиками, моряками, партизанами, подпольщиками... Их жизнь — настоящий роман, который стоит того, чтобы быть напечатанным.

В этой книге собраны интервью и воспоминания ветеранов, фронтовиков и очевидцев войны. Это не параграф в учебнике. Здесь нет сложных слов и бесстрастных предложений. Здесь живой, искренний рассказ — о мыслях в окопах, о чувствах в бою, о друзьях и врагах, о любви... К женщине. К матери. К Родине. Здесь — диалог поколений.

Сборник создавали школьники и студенты. Они задавали разные вопросы: наивные и серьезные, философские и бытовые. И получали интересные, мудрые, подчас неожиданные ответы. Какие? Откройте этот сборник, и увидите сами. Мы уверены, что вам не захочется отрываться. И вы точно не потеряете время зря. Ведь перед вами оживет наша история.

Крым пережил оккупацию и тяжелейшие бои. Благодаря его защитникам он не стал немецкой землей Готенланд, как планировал Гитлер. Симферополь не превратился в Готсбург, а Севастополь — в Теодорихсхафен.

Мы родились и выросли в Керчи и очень любим свой город! Именно здесь происходили одни из самых жестоких сражений. Керченско-Феодосийская операция, оборона Аджимушкая, Эль-

тигенский десант — героические страницы Великой Отечественной войны. И мы очень хотим, чтобы молодые ребята и девчонки не забывали об этом.

Сегодня мало книг, правдиво и откровенно рассказывающих о фронтовой судьбе Крыма. И тем ценнее, что сборник создали юные авторы, которым безразлична судьба своих дедов и прадедов. А нам безразлична судьба молодых ребят и ветеранов войны. Поэтому и появилась эта книга — связующее звено, мост между двумя поколениями.

Пока еще возможно поговорить с людьми, которые защищали нашу землю. И поучиться у них силе, выдержке, самопожертвованию и безграничной любви к жизни. Мы обязаны быть достойными этих людей и сохранить память об их подвиге для будущих поколений крымчан.

Вячеслав ТИМОШЕНКО,
основатель спортивно-патриотического клуба «Слава», председатель Совета директоров ЗАО «СВР-Медиапроекты» (ИД «Аргументы недели»)

Юрий КУХАРСКИЙ,
председатель Совета спортивно-патриотического клуба «Слава»

Дорогие друзья!

«Кто не помнит своего прошлого, тот не имеет будущего». Эти слова древнего изречения полностью применимы к нашей жизни. Ведь если мы хотим, чтобы наши школьники стали самодостаточными и волевыми людьми, крайне важно, чтобы каждый из них помнил, через что пришлось пройти их предкам в годы Великой Отечественной войны.

Ветераны Великой Отечественной — это наши отцы, наши деды, наши прадеды. Они олицетворяют тот пример самоотверженности и самопожертвования, который должен стать путеводной звездой для современного поколения. Сегодня мы восхищаемся гордой сединой наших пожилых, но энергичных ветеранов. А ведь в годы войны они были мальчишками и девчонками, многие из них прямо со школьной скамьи после короткого обучения отправлялись на фронт.

Меня всегда восхищали примеры человеколюбия, которые особенно ярко проявлялись в годы Великой Отечественной войны. Люди жертвовали последним, но спасали не только своих близких, но и просто попавших в беду людей. Всех тогда объединила общая судьба — военные годы.

Пока память о подвигах наших дедов и прадедов живет в умах и сердцах людей, никто не сможет изменить или переписать нашу историю.

Пока мы дышим — мы помним.

Виталина ДЗОЗ,
министр образования и науки,
молодежи и спорта
Автономной Республики Крым

Всегда впереди

*Сбивал передних пулемет,
Отбрасывал с пути.
И тот, кто первым шел вперед,
Остался позади.*

*Но сколько б мы вперед ни шли
Сквозь горе и года,
А тот, кто пал за честь земли,
Тот впереди всегда.*

Борис ДУБРОВИН

ПОМНИТЬ И БЫТЬ ДОСТОЙНЫМИ

Михаил Радченко

М.П. РАДЧЕНКО: Аджимушкой далекий на проводе!

Аджимушкой. История этого подвига во время Великой Отечественной войны не столь известна, как оборона Брестской крепости или блокада Ленинграда. О защитниках Аджимушкойских каменоломен под Керчью, проводивших 170 дней в подземном плену, начали говорить только в 60-х годах.

Прикрыв отступление Крымского фронта в 1942-м, в керченском поселке Аджимушкой гарнизон полгода держал оборону под землей, сражаясь с фашистами, атаковавшими подземных жителей газом и взрывами.

Пятнадцатилетний мальчишка Миша Радченко последним из гражданских покинул осажденные каменоломни за месяц до того, как оборону стало держать некому. Герой Аджимушка рассказав нам, каково это было: полгода отчаянно сражаться с фашистами, находясь в холодном сыром подземелье без воды и еды.

«А ДЖИМУШКАЙ далекий на проводе!» — первое, что мы услышали, когда договаривались с Михаилом Петровичем по телефону о встрече. Это фирменное «здрасьте» Михаила Петровича Радченко знают в Керчи все.

Дом ветерана расположен неподалеку от каменоломен. Он частенько навещается туда, непременно надевая китель весь в орденах и медалях.

Неподалеку от мемориала до сих пор видны следы боев. Заваленные щели, уходящие

под землю, напоминают, как беспощадно фашисты отрезали пути защитникам Аджимушка, взрывая входы и выходы.

Не одну сотню лет в Аджимушке добывали известняк-ракушечник. Из него строилась Керчь. В результате образовались огромные лабиринты, которые потом стали называться каменоломнями. Общая протяженность штолен — около 9 километров. Длина коридоров музеев — всего 400 метров. Здесь на глубине 15 метров с мая по октябрь 1942 года держали оборо-

ну участники подземного гарнизона.

В 1945-м Михаил Петрович закончил войну под Берлином. А начал ее в родном Аджимушкае, и тогда он был нашим ровесником.

Немцы начали наступление 8 мая 1942 года и уже в середине месяца второй раз взяли Керчь. Войска Крымского фронта, оборонявшие город, вынуждены были эвакуироваться на Таманский полуостров. А часть войск, прикрывавшая отход и переправу главных сил, оказалась отрезанной. Бойцы ушли в оборону в каменоломни, а вместе с ними под землю ушли и многие жители поселка.

«До этого в Аджимушкайских каменоломнях у нас был резерв Крымского фронта, здесь были склады продовольствия, оружия. Тут формировались части и отправлялись на Крымский фронт. Когда собрался совет подземного гарнизона, решили остаться там, потому что в Крыму еще сражался Севастополь, а недалеко от Керчи находилась Большая земля — Краснодарский край. Была надежда продержаться, — рассказывает Михаил Петрович. — Командовал обороной полковник Павел Ягунов. Вместе, военных и гражданских, нас было около 13 тысяч. Весь скарб и скотину люди, спускаясь в каменоломни, забирали с собой.

23 мая фашисты в первый раз вкачали в каменоломни отравляющие газы и стали кричать нам в рупоры: «Выходите, иначе мы вас всех там потравим». И задыхающийся народ кинулся к выходу. Штаб подземного гарнизона не возражал, чтобы они вышли наверх. Может, у них появился бы шанс остаться в живых. Да и никто не заготавливал продовольствия и воды на такое количество людей. Ушли около 10 тысяч человек.

28 мая немцы снова провели газовую атаку. И теперь почти все гражданские, оставшиеся под землей, покинули каменоломни. В том числе мой дед, младший брат, дядя с семьей. А я не пошел, потому что немцы обещали меня «шлепнуть». Мы с ребятами еще в конце 41-го, при первой оккупации города, пытались всячески помогать нашим бойцам и строили козни фашистам. Из мирного населения после второй атаки газом под землей оставалось не больше 15 человек. А военных — около трех тысяч.

Когда стало плохо с продуктами, меня отправили в штаб. И я начал при штабе выполнять задания гарнизона как солдат: дежурил на посту, выходил в разведку. В разведку мы ходили постоянно, таскали провизию, воду, пока в июне немцы не огородили наше укрытие колючей проволокой в два ря-

да, устроив у входов пулеметные гнезда.

В каменоломнях нашли трактор, который давал хоть какую-то электроэнергию. Но после блокирования штолен топлива для трактора взять было негде, и тогда все погасло.

Мы жгли резину, камеры, покрышки. Особенно выручал телефонный кабель, он хорошо горел. Так мы создавали освещение. Но с этим можно было свыкнуться, самое трудное было отсутствие воды. Появились так называемые бригады «сосунов», которые подходили к камню, высасывали воду губами и потом выплевывали

ее в кружечку. За два часа упорного высасывания можно было набрать флягу. Губы разъедало страшно, рот все время болел, но пить хотелось невыносимо. С опытом пришла и новая техника добывания воды: мы проделывали в камне дырочки, вставляли шланг, ртом его тянули и так сцеживали воду. А потом пробрили в монолитном камне 15-метровый колодец. Но когда вода появилась, не стало пищи.

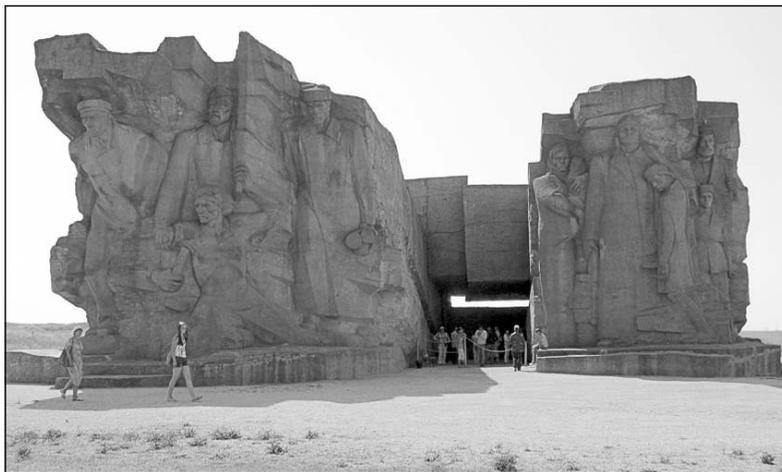
Надежда на скорое освобождение у нас, жителей подземелья, оставалась до 3 июля, пока мы не приняли по радиации сообщение, что сдан Севастополь и

немцы прорываются к Ростову и Сталинграду. Мы уже были крайне истощены, и гарнизон находился на грани гибели. Продуктов почти не было. Пока немцы не огородили каменоломни колючей проволокой, мы рвали траву. А потом фрицы все вокруг сожгли. Но все равно до сентября подземный гарнизон выходил в разведку боем, отбивали иногда немецкую кухню. Разрывали проволоку, на-

За время, что я пробыл под землей, я изучил все бреши в колючей проволоке, все посты немцев и смог уйти. Но к партизанам не попал. Мамина подруга сдала меня за 10 тысяч рублей...

ходили пути. А потом фашисты перестали делать кухню неподалеку от каменоломен, чтобы у нас уже никаких шансов выжить не было.

Еще в дни первых газовых атак, когда погибло много бойцов и командиров, гитлеровцы попытались сунуться в катакомбы, посчитав, что гарнизон сломлен. Но их снова встретили огнем. А на Большую землю понесли слова радиогранмы, подписанной полковником Павлом Ягуновым: «Всем! Всем! Всем! Всем народам Советского Союза! Мы, защитники обороны Керчи, задыхаемся от газа, умираем, но в плен не сдаемся!»

Аджимушкой

После сдачи Севастополя Аджимушкой остался последним непокоренным фашистами клочком крымской земли. Об этом знали находившиеся под землей ополченцы. Понимали это и немцы, потому изо всех сил и старались разгромить каменоломни. Но аджимушкойцы не сдавались. В ночь с 8-го на 9 июля вышли в бой все, кто мог держать в руках оружие, у кого были силы бросить гранату. Враг в том сражении понес немалые потери. А подземный отряд именно тогда простился со своим командиром полковником Ягуновым. Тот погиб при взрыве гранаты. Истощенные, с трудом стоявшие на ногах люди, все равно шли в бой, даже когда уже нечем было стрелять, и почти полгода держали оборону.

За несколько месяцев люди привыкли к этому аду: к отсутствию воды, еды, света. Немцы травили газом подземных жителей каждый день, без перерыва, — с 10 утра до двух дня. От этих атак защищались брезентом. Уходить в газоубежище не было смысла: из маленького помещения ядовитое вещество уходило очень медленно. А в коридорах каменоломен под действием сквозняков к следующему утру газ уходил, оставляя после себя желтую пелену. Когда немцы начинали стучать наверху, участники гарнизона уже знали: скоро будет взрыв. Взрывы были страшные, потолки каменоломен ходили ходуном.

Круглогодичная температура в каменоломнях +7 градусов. Через несколько месяцев подземные жители перестали

чувствовать озноб. Хотя от сырости на теле расплзлась одежда. Спали под землей прямо на камнях. Многие, уснув, уже не просыпались — умирали во сне от истощения. Едой становилось все. Конские копыта, которые в начале подземной жизни закапывали и брезговали есть, теперь выкапывали обратно и варили. Отваривали по второму разу и закопанные после первого употребления кости. Чтобы утолить голод, грызли даже резину. Люди умирали десятками, сотнями, тысячами.

Трупы оставались рядом с живыми, умерших складывали в две братские могилы. Одна была в бассейне для хранения воды, который сделали еще в 1919 году. Сейчас он покрыт мрамором как мемориал. Людей хоронили в чем были. В гробу за все время обороны похоронили только одного человека — командира Ягунова. Уже после войны его тело нашли и перезахоронили в Аджимушке. Когда гроб открыли, увидели, что тело мумифицировалось. Ведь в каменоломнях ничего не гниет, там нет микробов, очень холодно и сыро. Камень высасывает всю влагу из человека и превращает его в мумию.

К 26 сентября 1942 года военных в гарнизоне оставалось чуть больше двадцати человек. В тот день я как раз стоял на посту недалеко от штаба,

когда ко мне подошел старший батальонный комиссар Иван Парахин и сказал: «Миша, ты должен сегодня покинуть каменоломни». У меня уже тогда была высшая стадия истощения, я на него глянул снизу, а взгляд мой выражал одно: «Куда же ты меня посылаешь, я же еле передвигаюсь?» А он еще раз сказал: «Миша, это мой последний приказ. Ты должен добраться в лес к нашим партизанам. Может, будет один шанс из тысячи, что ты останешься жив». Уже потом я вспоминал Ивана Парахина, который понимал, что мы все обречены, и спас меня, самого маленького. И всю жизнь я считал его своим вторым отцом. А тогда мне дали с собой сахару, денег и выпроводили. За время, что я пробыл под землей, я изучил все бреши в колючей проволоке, все посты немцев, и смог уйти. Но к партизанам не попал. Мамина подруга сдала меня за 10 тысяч рублей.

Буквально через два дня меня поймали и отправили в Керчь — в гестапо, а оттуда в тюрьму. Тщательно искупали и приготовили к расстрелу. Но за меня поручились 35 человек — если бы я сбежал, их всех расстреляли бы. Но они не побоялись. И вместо расстрела меня отправили сначала в один концлагерь, а потом, под Новый год, в другой — резать камни.

Норму в день не выпилил – не дают есть ни крошки. И так мы пилили камни, пока наши войска не освободили нас в 1944 году. После освобождения из концлагеря с ротой воздушно-го наблюдения, оповещения и связи я пошел дальше воевать и так дошел до Берлина.

Защитники Аджимушкая – это были поистине героические люди. Иной раз выходят на разведку боем, а возвращаются раненые, кто-то еле ползет. Ну чего ты, спрашивается, ползешь сюда? Знаешь ведь, что кушать ничего тут нет, сыро, холодно, помрешь сразу. А он нет, полз в каменоломни, он знал, что в каменоломнях еще советская земля, что мы не сдались врагу. Если бы мы сдались в Брестской крепости, в Ленинграде, под Москвой, под Сталинградом,

в Севастополе, сегодня мы бы с вами не встретились. Война требует жертв».

За годы, что существует музей обороны Аджимушкских каменоломен, здесь побывали миллионы людей. Экскурсоводы, показывая туристам мемориал, обращают внимание на каменную фигуру мальчишки и рассказывают: «Это Михаил Петрович Радченко, житель Аджимушкая, самый юный участник подземного гарнизона». Но он не просто часть скульптуры, которая всякий раз напоминает приходящим сюда о героическом подвиге людей. Михаил Петрович – живая легенда самой страшной и кровавой войны XX века.

Фериде ЗИНАБАДИНОВА,
Кристина БУЛАТ,
г. Керчь

Героям Аджимушкая

*Как же хочется спать! Третьи сутки без сна.
Нам заснуть не дает катакомб тишина.
Вот опять – «Тише, братцы! Кажись, началось!»
На душе и над нами вверху заскреблось.
За вторым поворотом стоим не дыша.
Гроном вдруг отдалось, перепонки круша.
Нас от смерти в завале слух ротного спас.
Галерею у входа обрушил фугас.*

*«Как же хочется пить!» – рядом стонет браток.
В каске капель воды на последний глоток.
Словно мамкину грудь, камень мокрый сосем
И, не смея сглотнуть, воду слабым несем:
Детям и старикам, тем, кто ранен в бою.*

*На счету каждый грамм, нас все меньше в строю.
Все тропинки пристреляны, немцы не спят
Полегло у колодцев немало ребят.*

*Как же хочется жить! Но теперь не успеть.
И не крикнуть «Вперед!» – можем только хрипеть.
Невозможно дышать, слезы льются из глаз.
В катакомбы враги льют невидимый газ.
Гимнастерки истлевшие рвем на груди,
Но себя и товарищей нам не спасти.
Рвутся легкие в клочья и горло огнем.
Как к иконам святым, к мокрой марле мы льнем.*

*Как же хочется мамы увидеть лицо,
На крыльце подымить папироской с отцом,
И сестренку-малышку кружить на руках,
Но вокруг только боль, только мрак, только страх.
Никогда не бывать нам в родимом краю,
В крымских штольнях нашли мы могилу свою.
Мы погибли в бою, выполняя приказ.
Как же хочется верить, что вспомните нас!*

Олег ТЮКИН

Иван Клименко

И.П. КЛИМЕНКО: Подобрал самых опытных разведчиков и отправился на территорию противника

Мой прадед Иван Павлович Клименко – полный кавалер ордена Славы, генерал-майор авиации в отставке. Я вижу его каждый день. Ему немало лет. Но он по-прежнему статен, красив, ему так же, как и раньше, идет парадный китель с орденами и медалями.

Я ПОДНИМАЮСЬ на третий этаж пятиэтажного дома, захожу в уютную, красивую квартиру. Мы с ним пьем чай, разговариваем, листаем страницы альбома с фотографиями. И сердце начинает стучать взволнованно и громко. И у деда оно частит. Эту внутреннюю дрожь не передать словами... Смотрим на старые военные фотографии. Какая долгая, извилистая, пронизанная человеческой болью жизнь за ними! «Время было трудное и отчаянное», – закрыв последнюю страницу альбома, шепчет дед... А какими мужественными и преданными своей Родине, своей земле были люди! Какую цену заплатил народ за мир и спокойствие!

Я прощу дедушку рассказать о том времени и о себе. И, хотя я уже многое знаю из его боевой биографии, мне хочется вновь услышать повесть о Благородстве, Долге, Чести, Мужестве, Подвиге простых солдат и офицеров, сумевших сохранить все эти прекрасные качества в подчас нечеловеческих условиях.

Ему было 17 лет, когда он ушел на фронт добровольцем. Дедушка часто вспоминает такой случай из своей боевой биографии... Дивизия, в которой он служил, получила приказ: потеснить противника на 3–4 километра. Одна немецкая артиллерийская часть находилась на возвышенности и наносила удар по скоплению личного состава и боевой техники. Советским разведчикам была поставлена задача: узнать расположение немецкой части, подходы к ней, дислокацию артиллерийских батарей и взять «языка». Послали две группы по семь разведчиков. Прошло время, но никто не

вернулся. Тогда послали третью группу, тоже из семи человек. Один разведчик сумел захватить «языка» — рядового солдата, который при допросе не смог дать командованию нужные сведения.

Тогда приказали любым путем достать «языка»-офицера. Боевое задание было осложнено тем, что артиллерийская часть противника находилась в обороне.

Снова послали две группы по семь человек. Одну группу возглавил помощник командира взвода Филипченко и

отползли метров на пятьсот и стали ждать наступления темноты. Когда до наших позиций оставалось совсем немного, немцы обнаружили отряд, который принял неравный бой.

Советские разведчики в ходе этого неравного боя уничтожили более пятидесяти фашистов! Но враг не отступал. Нашему отряду было слышно, как немцы в рупор передавали: «Сдавайтесь, останетесь живы, и мы вам обеспечим хорошую жизнь!» Тогда руководитель группы Филипченко сказал дедушке: «Бери офицера и бы-

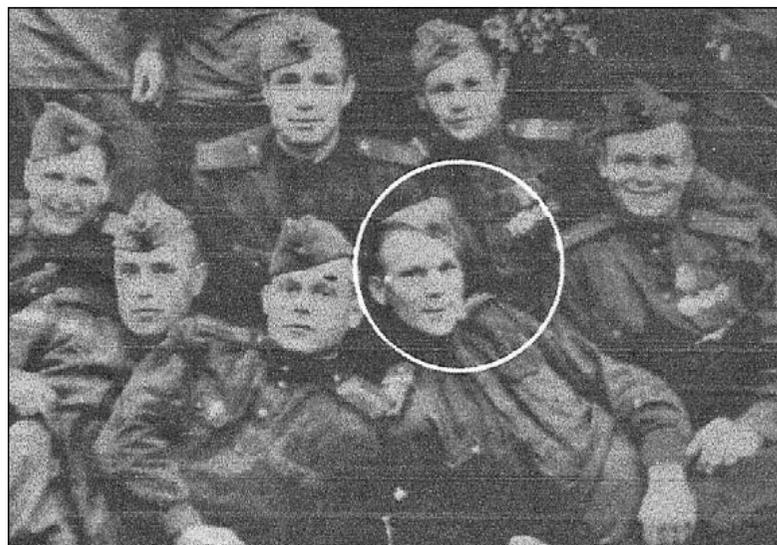
стрее на нейтральную полосу, а мы, по возможности, будем прикрывать». Когда оставалось метров девяносто до нейтральной полосы,

дед заметил, что человек пятнадцать немцев окружают наших разведчиков. Тогда он двумя гранатами и автоматным огнем уничтожил их.

В ответ с позиций противника была открыта минометная стрельба. В это время нужно было находиться на месте или ползти обратно. Такое решение советский разведчик не мог принять, и дед с пленным офицером пополз дальше. Деда ранило тремя осколками, но он стремился быстрее доставить ценного пленника. Ранение получил и немецкий офицер. Дед

Можно было бросить пару гранат и всех уничтожить, но сейчас был нужен «язык». В течение дня разведчики вели наблюдение.

мой дед как командир отделения. Он подобрал самых опытных разведчиков и отправился на территорию противника. Подползли к укрытию и обнаружили офицеров. Можно было бросить пару гранат и всех уничтожить, но сейчас был нужен «язык». В течение дня разведчики вели наблюдение. Около четырех часов дня наконец-то представилась долгожданная возможность: офицер из госпиталя вел четырех солдат. Когда они приблизились к засаде, разведчики уничтожили солдат, связали офицера,

Иван Клименко с сослуживцами, дер. Чикулино, 1943 г.

едва не заплакал, ведь был нужен не труп, а «язык». Тогда он порвал окровавленную рубашку и перевязал раны себе и пленному. Когда все же доползли до передовой, дедушка дал ракету низко над землей в сторону наших позиций. Вверх стрелять было нельзя: противник сразу бы их обнаружил и уничтожил. Через несколько минут подошла подмога, и дед только успел сказать: «Быстрее офицера к врачу, он ранен», — и потерял сознание.

Очнулся в полевом госпитале. Командир роты сообщил, что произошло с группой разведчиков: никто из них не вернулся. Отбивались они до конца и все героически погибли. Филипченко был тяжело

ранен и, когда его окружила группа немцев, он взорвал гранату. Сам погиб и уничтожил фашистов.

Захваченный офицер дал нужные сведения. Полк успешно выполнил боевое задание и оттеснил немецкую артиллерийскую часть на три километра. В результате внезапного нападения наши войска избежали больших потерь в людях и в боевой технике. После этого дивизия сосредоточила большое количество живой силы и техники и успешно оттеснила противника на четыре километра и выровняла нейтральную полосу...

Чем жили люди страшно-го лихолетья, каким был их духовный мир, что печалило и ра-

довало, что тревожило их и что любили они, вечно молодые, чьи лица запечатлены на старых фотографиях? Невольно задаю себе вопрос, что же унаследуем мы, современное поколение, не знавшее войны?

Я смотрю на боевые награды моего прадедушки и понимаю — за каждой из них сотни дней и ночей опасности, крови, огня. Но они преодолели все это и вернули нам голубое не-

бо, чистый воздух и землю, всю в весенних цветах и росе.

Низкий поклон вам, дорогие войны 40-х годов, мир отстоявшие для будущих поколений. Низкий поклон тебе, дорогой мой человек, любимый дедушка — Иван Павлович Клименко!

Андрей КИРОВ,
ученик 10 «А» класса
СОШ №24,
г. Симферополь

Огонь сердец

*Здесь, обрывая
Бешенство атаки,
Весь третий взвод
Полег над крутизной.
...В рассветном полумраке
Встали маки,
Как траурные флаги,
Предо мной.*

*И все сердца,
Сожженные до срока,
Зимой и летом,
Полночью и днем
Восходят горьким,
Вечным и жестоким,
И предостерегающим огнем.*

Борис ДУБРОВИН

Василий Костовский

В.А. КОСТОВСКИЙ:

В 16 лет создал подпольную группу

На современных картах Керченского полуострова вы не найдете деревню Новоалексеевку. Она лет сорок как перестала существовать. А вместе с населенным пунктом словно исчезла и его история. Почти 70 лет прошло с момента освобождения Керченского полуострова, а деятельность Алексеевской подпольной группы так и остается «белым пятном» в истории подпольной и партизанской борьбы против немецко-фашистских захватчиков и их пособников в Крыму во время Великой Отечественной войны. Из подпольных организаций, действовавших на территории нынешнего Ленинского, а тогда Маяк-Салынского района, больше известны Марфовская и Мариентальская. Именно с последней тесно были связаны новоалексеевские подпольщики. Организовал группу 16-летний Василий Костовский.

НОВОАЛЕКСЕЕВКА располагалась в уютной котловине, ограниченной холмами с необычно красивыми скальными выходами. Севернее деревни тянулась от Азовского моря Аджибальская балка, в четырех километрах юго-восточнее находились село Султановка и совхоз Мариенталь (после войны стали единым селом Горностаевкой), в семи километрах западнее — село Новониколаевка. Земли здесь были благодатные, а люди — работающие, дружные. Не зря один из первых в районе

колхозов был организован в Новоалексеевке. В числе его организаторов был и кузнец Александр Костовский, потомок запорожского сотника, полный Георгиевский кавалер за Первую мировую, красноармеец в Гражданскую. В Новоалексеевке Костовский получил от Советской власти четыре десятины, потом построил дом. В 1924 году у него родилась дочь Александра, а в 1927 году — сын Василий.

В семь лет Василий уже исправно помогал отцу в колхозной кузнице. А годом рань-

ше, наученный грамоте сестрой-первоклассницей, читал колхозникам газеты. В 1934 году отец отправил обоих детей учиться в школу в Керчь. В первом классе Василий проучился всего пять дней, а потом сразу перешел во второй.

В школе Василий увлекался футболом, акробатикой. Заветной мечтой, как у всякого мальчишки предвоенного поколения, было стать летчиком. Но для аэроклуба Василий был еще мал, и инструктор посоветовал ему закончить вначале школу юного моряка (была такая в Керчи на набережной, где сейчас пограничники базируются). Два года четыре раза в неделю по вечерам приходил Василий в эту школу, изучая премудрости морского дела. Несколько раз на занятиях встречался с Володицей Дубининым, но дружбы не получилось: будущий юный герой-партизан вскоре ушел из школы моряка.

Первый раз беда в дом Костовских постучалась 9 ноября 1940 года, когда по ложному доносу арестовали отца — к тому времени передовика производства, стахановца, члена ревизионной комиссии райисполкома, чей портрет на протяжении двух лет заносили на городскую Доску почета. Кстати, несмотря на арест, портрет Александра Костовского оставался там еще до августа 1941-го.

Вася Костовский до войны

28 марта 1941 года жене и детям заключенного разрешили первое свидание, которое оказалось единственным. Тогда, как наказ, прозвучали для Василия слова отца: «Учитесь, помогайте маме, работайте так, чтобы не было стыдно смотреть в глаза людям». И тут же, не обращая внимания на присутствующего милиционера, добавил: «Будет война с немцами, и она покажет, кто есть кто. Не позорьте фамилию!» Отцовскому наказу Василий Александрович будет следовать всю жизнь.

В июне 1941 года Василий окончил восемь классов. Он вспоминает, каким необычно веселым был выпускной вечер 21 июня в их школе им. Пушкина, куда его пригласили как

отличника учебы и общественника. Танцевали, показывали акробатические этюды, играли в игры, пели до самого утра, а днем узнали, что началась война. Уже на следующий день Василий вместе с сестрой Шурой уехал из Керчи в Новоалексеевку. В колхозе начиналась жатва, а после мобилизации мужских рук не хватало. Забрали на фронт и колхозного кузнеца, его место занял тринадцатилетний Вася Костовский. Днем ремонтировал колеса, скоропашки, а ночью вместе с друзьями – Васей Ковзалом, Гришей Саенко и Ваней Ладычуком возил зерно на элеватор в Салынь. Грузили мешки по 70 кг на подводы, потом их разгружали и так по две ходки за ночь. Спали по очереди, пока ехали на подводах.

– Мы уже хотели эвакуироваться, – рассказывает Василий Александрович, – я отремонтировал бричку, подготовил лошадей, мать собрала узлы. Но в деревню приехал какой-то капитан и сказал, что никуда не надо ехать: немцы не придут. А дней через пять они появились в деревне.

Те дни запомнились прогоном тысячных отар овец, огромными стадами коров и табунами лошадей из южных областей Украины. Не всех животных переправили на кубанский берег. И рев голодной или недоеной скотины гулом стоял

над степью. Тогда председатель колхоза обратился к жителям, чтобы они разобрали брошенных животных.

– Ночью я пригнал 13 овец, мы их зарезали, мясо пережарили, сложили в бочку и залили жиром, – вспоминает Василий Александрович. – Потом этот запас здорово выручил нас. Как и картошка, которую мы, несмотря на запрет немцев, копали по ночам на колхозном огороде. А урожай ее в 1941 году был отменный: три куста копнешь – и ведро.

Когда под новый, 1942-й, год в Новоалексеевку придут два моряка-десантника, мать Василия угостит их отменной картошкой с мясом.

– Утром 30 декабря к нам в дом пришли два моряка в бушлатах, с оружием, замерзшие, – в своих воспоминаниях Василий Александрович точен до мельчайших подробностей – Мама их накормила. Они поспали часа три-четыре, а затем сказали, что им нужно идти на станцию Салынь. Я их проводил.

После освобождения наши войска периодически стояли в Новоалексеевке: пехотинцы, артиллеристы, кавалеристы, подразделения звукоулавливателей, какой-то штаб... Особенно Василию запомнились артиллеристы, которые были на постое у Костовских в январе.

– Снабжение было очень плохое, – говорит Василий Александрович. – Но население поддерживало военных продуктами. Продуктов было достаточно: на завтрак картошка с бараниной или зайчатинной, на ужин – кукурузная каша, обед – на общей кухне. После ухода на фронт артиллеристы через 2–3 недели на двух машинах ездили в Керчь и заезжали к нам.

Как только деревню освободили, снова организовался колхоз. Начали готовиться к посевной. Василий продолжал трудиться в кузнице.

– В 20-х числах февраля я пришел на обед, – вспоминает ветеран. – У нашего дома стояла легковая машина. В комнату мама не разрешила заходить, сказала, что там военные беседуют с сестрой Шурой. Через некоторое время вышли капитан, старший лейтенант и солдат в форме НКВД, попрощались, сели в машину и уехали. Мы спросили у Шуры: «Чтого они хотели?» Она ответила: «Меня хотят забрать на окопы». Через три дня вновь приехал старший лейтенант, сестра взяла одежду, продукты и уехала с ним. Почему на «окопы» Шура уехала на машине с офицером НКВД и где она была на самом деле, девушка так и не сказала ни матери, ни брату. И по сей день это остается загадкой для Василия Александровича. По

его предположениям, она находилась в разведшколе.

В начале апреля Василия направили в Салыньскую МТС учиться на комбайнера. По воскресеньям учащихся курсов комбайнеров отпускали домой. Так было и 9 мая 1942 года. Василий приехал на велосипеде домой. Со стороны Марфовки слышалась какая-то стрельба. Поинтересовался ее происхождением у знакомых артиллеристов, которые частенько по пути из Керчи на передовую заезжали в деревню за молоком и яйцами. В ответ услышал: «Немцы десант высадили, наши его уничтожают». О прорыве фронта – ни слова.

11 мая Василий вернулся в МТС, но никого не нашел, кроме Нади Гонган из Султановки. Пошел на станцию и увидел два эшелона, до отказа набитых военными (люди сидели и на крышах вагонов, и между вагонами). Возле эшелона бегают командиры, кричат, матерятся. Встретил преподавателя Целуйко, от которого узнал о прорыве фронта и отступлении советских войск. Не успели с Надей отъехать на несколько сотен метров от общежития, как налетели вражеские самолеты бомбить станцию. Позже Василий видел, что от общежития, где жили будущие комбайнеры, осталась лишь груда камней.

По дороге из Салыны на Новониколаевку двигались человек 300 красноармейцев и две танкетки. Налетели немецкие истребители и одним заходом обстреляли красноармейцев.

— Мы с Надей отошли от военных. Начался дождь, — рассказывает Василий Александрович. — Когда подошли к двум скирдам у балки на 40-м участке нашего колхоза, там были 20–25 военных и две женщины. Все командиры — меньше «шпалы» ни у кого не было. Один — в пенсне — спросил, как пройти на Багерово. Мы показали на дальний курган и объяснили, как добраться к нему по балке.

Василий благополучно добрался домой. В тот день войск в деревне не было. Зато на следующий день, 12 мая, в Новоалексеевку прибыло много военных — и пехотинцы, и артиллеристы, и кавалеристы. Начали рыть окопы, устанавливать пушки. А утром новоалексеевцы проснулись от непривычной тишины: ни одного военного...

— Я пошел к конюшне, там наши ребята решили повязать лошадей и поехать напоить их у колодцев, — продолжает свой рассказ ветеран. — Когда собрались выезжать, появился немецкий самолет-разведчик. Я уже не раз видел «раму» в Салыне и сказал, что лошадей надо развязать и выгнать за балку. Меня обозвали трусом. И погнало лоша-

дей к колодцам. А я своих лошадей развязал, выгнал за балку и ушел домой. А потом узнал: как только ребята приехали обратно, налетели 12 немецких самолетов Ю-87, начали бомбить конюшню. Погибли Вася Ковзал, Вася и Коля Демо, Гриша Саенко и взрослые — Федор Ковзал, Павел Рыбалко, Иван Куприш. Где они похоронены — не знаю, но точно не на кладбище.

Вскоре после бомбежки домой вернулась Шура. На вопрос, где была, ответила коротко: «На окопах».

14 мая в деревню вошли гитлеровцы. Их было очень много — пешие, на машинах, на лошадях. Стреляли кур, свиней, телят, собак, лазили по всем чердакам, сараям. Весь день и ночь жгли костры. Так началась вторая оккупация.

Немцы не часто бывали в Новоалексеевке, зато появились полицейские, которые лютовали хуже фашистов. Особенно усердствовал староста Алексей Стрюченко, дважды судимый до войны за бандитизм.

Вскоре немцы объявили добровольный набор на работу в Германию, но желающих оказалось немного. Тогда начали вызывать молодежь от 14 до 30 лет на медосмотры, чтобы определить годность для отправки в Германию. Парни и девушки из Новоалексеевки несколько дней скрывались в густом тер-

новнике, думая, как избежать такой участи. И придумали каждому какую-нибудь неизлечимую болезнь. Вроде туберкулеза или кровотечения желудка. Помогли керченские врачи, которые проводили осмотр, — все «диагнозы» подтвердили.

Когда прятались в терновнике, Василий впервые открыто поговорил с лучшим другом Ильей Яцуном о подпольной борьбе. Создана же группа была 3 августа 1942 года. Вошли в нее Василий, Илья и Шура.

Поначалу собирали оружие и боеприпасы на местах боев, Василий ремонтировал винтовки, делал удобные обрезы. Гранаты прятал под крышей дома, не задумываясь, что могло случиться, взорвись хотя бы одна из них. Собирали сброшенные за деревней нашими самолетами листовки и газеты, подбрасывали их односельчанам.

Однажды в деревне появился некто Петр Куприш, который назвался моряком, бежавшим из плена под Севастополем. Он жаловался на боль в ноге и потому часто ходил в Мариентальскую больницу, где принимала доктор Александрина Бауэр. Потом Василий узнает, что на самом деле это была Александра Петровна Плотникова, лейтенант медицинской

службы, родом из Новосибирска. Под Керчью она попала в окружение, но сумела выбраться и пришла в Мариенталь, где весной была на постое у Мамсовых. К ним она и вернулась. Назвалась обрусевшей немкой Бауэр. Александра Петровна была в числе руководителей местной подпольной организации. Куприш познакомил Плотникову с Костовским, после чего алексеевцы стали выполнять задания мариентальских подпольщиков и передавать им сведения через связного Анатолия Машеля.

Первым заданием было определить, что возят немцы по

Почему на «окопы» Шура уехала на машине с офицером НКВД и где она была на самом деле, девушка так и не сказала ни матери, ни брату.

железной дороге на платформах, покрытых брезентом. В первую ночь Василий и Илья наблюдали за движением составов. На следующую ночь Василий рискнул запрыгнуть на платформу возле Ташлыярского моста, где составы замедляли ход. Заглянул под брезент — там оказались новые танки. Спрыгивая на землю, подвернул ногу, но был доволен: задание выполнено.

Следующее задание — выяснить место расположения немецкого аэродрома в районе

сел Чегени, Аджибай и Палупан (ныне, соответственно, Золотое, Новоотрадное и Белинское). Под предлогом поездки к тетке в Чегени выполнили успешно и это поручение.

10 августа 1943 года получили новое задание — следить за Багеровским аэродромом: сколько самолетов садится, сколько взлетает, где находятся зенитные установки. Следили по очереди, по ночам, всю информацию передавали маршанталям. А 23 августа около трех часов дня Багеровский аэродром разбомбили наши самолеты. Алексеевские подпольщики были на седьмом небе от счастья. Они ощущали свою значимость, считали, что аэродром — их заслуга.

Особенно приободрились подпольщики, когда узнали о десанте на Эльтиген. Решили даже с оружием пробиваться десантникам навстречу. Но вскоре начались аресты подпольщиков. Василию удалось скрыться из деревни, но он попал в облаву в соседней Новониколаевке, после чего его отправили в лагерь во Владиславовку, отсюда — на строительство рва под селением Арма-Эли (ныне с. Батальное). Затем была Феодосия, где он и встретил наших танкистов.

После вернулся в Новоалексеевку, где узнал о трагической судьбе остальных подпольщиков. Его сестру Шуру,

еще трех подпольщиков, прикннувших к ним позже, — Антона, Семена и Петра — арестовали и увезли в Семь Колодезей. Там в то время находился отряд ГПФ-312 — полевой полиции для борьбы с подпольщиками и партизанами. Девушку и мужчин пытали, а после расстреляли недалеко от станции. Василий потом ездил с матерью на опознание. Погиб от немецкой пули и Илья Яцун, который также попал в облаву и в эшелоне был опознан предателем Купришем. Его расстреляли в лесополосе возле станции.

После освобождения и многочисленных проверок в НКГБ Василий Костовский был призван в армию, вначале в артиллерийскую школу, затем — на Балтийский флот. В Ленинграде закончил вечернюю школу и военно-морскую медицинскую академию, стал военным хирургом. Служил на Дальнем Востоке, но в 1960 году попал под печально известное хрущевское сокращение армии. Вернулся с семьей в Керчь. Двадцать лет работал хирургом в городских больницах, делал сложнейшие операции, занимался научной работой, но диссертацию так и не защитил (точнее, не дали).

За помощь советскому командованию юный подпольщик был награжден медалью «За боевые заслуги», «За отвагу», почетными знаками «Крымский

партизан», «Почетный ветеран Украины».

Сегодня Василий Александрович Костовский активно участвует в ветеранском движении города-героя, возглавляет Совет партизан и подпольщиков при Комитете ветеранов войны города-героя Кер-

чи. Встречается с молодежью. И непременно рассказывает о юных подпольщиках из несуществующей ныне крымской деревеньки Новоалексеевка. Они достойны нашей памяти и поклонения!

Оксана ШЕРЕМЕТ,
г. Керчь

Шумят леса

*Вокруг Керчи — в ложбинах, на пригорках,
Под мирным небом Родины моей,
Как строй солдат в зеленых гимнастёрках,
Стоят леса на стыке двух морей.
Идут года. Все видят, как умеют
Простые люди делать чудеса:
Наперекор горячим суховеям
Стеной поднялась лесополоса...*

*Светло шумит зеленая дубрава.
Но помним, помним, помним, только тронь,
Как сокрушали десантники ударом
Врага — и шли сквозь взрывы и огонь.
Как возрождали край железорудный,
Шли с партией на подвиг трудовой.
О подвигах, о славе нашей трудной
Теперь шумит дубрава нам листвою.*

Николай ПУЧКОВ

Вера Синенко

В.Н. СИНЕНКО: Тетя спрятала своего мальша в холодной духовке плиты

Вера Николаевна Синенко – жительница города Керчи, родилась 10 мая 1928 года в деревне Шах-Мурза Старокрымского района. Несмотря на свой юный возраст во время войны, она помнит о тех страшных годах и поделилась своими воспоминаниями со мной.

– В ЕРА Николаевна, Вы помните, как началась война?

– Помню. Мы жили тогда в Старокрымском районе в деревне Шах-Мурза, в семье было пятеро детей. Я – самая старшая, поэтому помогала родителям воспитывать двух моих сестер, Олю и Валю, и двух братьев – Николая и Бориса. Они всегда были под моим присмотром.

Через некоторое время наша семья переехала в казарму лесхоза. Там нас и застала война. Отец мой работал в лесхозе объездчиком, а в 1941 году, в июле, его забрали в конную армию в Феодосии. Я ездила со своими братьями и сестрами в деревню Дальние Камыши, где был лагерь, в котором находились те, кого забрали на фронт. Мы ночевали там у отца, а затем его перенаправили на Перекоп.

– **Что из военной жизни особенно врезалось в память?**

– Я видела, как по дороге шел десант из Феодосии и Керчи в Грушевку, а над нашими солдатами летели фашистские самолеты и бомбили их. Когда я жила в Грушевке, русские танки, уничтожая все на своем пути, шли через наш огород.

Однажды, помню, немцы подбили советский самолет. Он упал на большое поле и взорвался. Погибли два летчика. Страшно было видеть, как умирают солдаты и простые жители! Тела погибших не полностью засыпали землей, так что иногда было видно торчащие руки и ноги...

– **А счастливые моменты были среди этого ужаса?**

– Счастья не было никакого. Ходили мы в школу, в Грушевку, четыре километра пешком. Я проучилась в ней пять лет. Старшеклассников посылали работать в колхоз. Работали мы сначала на парниках, а по-

Вера Синенко, 1943 г.

том пахали поля. Нам приходилось и ямы копать, и скидывать в них тела погибших. Фамилии, если были известны, мы писали на табличках и оставляли на могилах. Председатель колхоза нам, девочкам, давал мыло и соду. Мы стирали солдатам их одежду со вшами: кальсоны, рубашки, нательное белье. Чистую одежду возвращали обратно, даже если она была мокрая. Кстати, купались солдаты в тех же бочках, где мы стирали одежду.

— Кроме отца в Вашей семье кто-нибудь принимал участие в боевых действиях?

— Моя мама поддерживала связь с партизанами. Продрогшие и голодные, они приходили к нам в поисках продуктов,

просили погреться. Мы с ними делились всем, что было на тот момент в доме: хлебом, зерном, табаком (воровали его с табачной фермы, которая рядом была). Помню, один партизан мне в знак благодарности подарил часы «Кировские» на цепочке.

Был такой партизан — Поддубный. Он частенько заглядывал к нам. А в Грушевке стояли румынские посты. Румыны начали подозревать, что кто-то к маме ходит и стали следить за нашей семьей. Потом доложили немцам...

Немцы наведались к нам в тот момент, когда из дома выходили три партизана. У одного из них случайно граната упала на пол. Фашисты напали на него, начали бить. Потом этих

троих ребят немецкие солдаты забрали с собой. Через некоторое время пришли и за мамой. Ее забрали в комендатуру на допрос. Расстрелять хотели, но, слава Богу, обошлось! Председатель сельсовета и наши соседи ездили туда и просили о помиловании. Они рассказали немцам о том, что у мамы пятеро маленьких детишек, клялись, что она не связана с партизанами. Комендант сжалился, и маму отпустили.

А для моей тети помощь партизанам закончилась трагически. Она жила в Старом Крыму на Северной улице. Когда румыны прочесывали лес в поисках партизан, те бежали в сторону Севастополя. Некоторые искали укрытие в доме тети. К ней пришли с обыском. Пытаясь спасти своего маленького сына, тетя спрятала его в холодной духовке плиты, но это не помогло. Младенца потом нашли с пулей в голове! Тетя тоже была зверски убита...

Всего тогда немцы расстреляли 583 человека. Партизаны выходили из леса, нападали на немцев, румын и полицаяв. Шла настоящая борьба. Почти всю нашу Северную улицу фашисты расстреляли, когда искали тех, кто держит связь с партизанами. Стреляли всех подряд!

— Вы получали известия от своего отца?

— Когда армия переходила через Перекоп, один мужчина принес нам от него весточку: отец передавал привет, говорил, чтоб мы себя берегли. После этого про отца ничего не было слышно. Начали его искать, писали, ездили с мамой в деревню за Золотым Полем (отец наш недалеко оттуда служил). Там меняли любые вещи на кусок хлеба или зерно. И одна женщина сказала: «Я помню, был такой Синенко... Погиб. В телегу, на которой он ехал, по-

Председатель колхоза нам, девочкам, давал мыло и соду. Мы стирали солдатам их одежду со вшами: кальсоны, рубашки, нательное белье.

пала бомба». После войны нам пришло извещение, что он пропал без вести. Мама не сразу поверила, что отец погиб. Мы все переживали и до последнего надеялись, что он жив, особенно мама, которая постоянно говорила: «А вдруг найдётся? А вдруг появится? А вдруг не он погиб, а кто-то другой?!»

— Как сложилась Ваша жизнь после войны?

— Я сначала работала в лесхозе в селе Радостное, потом в тылу в Старом Крыму и в летной дивизии телефонисткой. Всего

Мать Веры – Евдокия Синенко.
Помогала партизанам

в воинской части проработала пятнадцать лет. Далее меня перевели в Керчь, в крепость, на минную партию кладовщиком. Там я проработала восемь лет. 1 января 1967 года начала работать буфетчицей на судне «Кальмар» в Керчьрыбпроме. В первый же рейс упала в слип, когда мы стояли в доке, и ушибла себе поясницу. Отработав 25 рейсов, я ушла на пенсию.

Грустно видеть сейчас немощных стариков, вспоминающих свою молодость, плачущих о погибших товарищах. Понимаешь, как коротка и уязвима

Отец Веры – Николай Синенко.
Воевал, пропал без вести

человеческая жизнь и как все-таки много может сделать человек: отдать свою жизнь во имя счастья других. Мы не вправе забывать их, отстоявших свободу и независимость народов. И, знаете, мы должны не только помнить, а быть достойными их подвига, не допустить повторения той войны. Именно об этом мечтали бойцы Великой Отечественной, они мечтали, чтобы та война стала последней.

Владислава ДОРОНИНА,
ученица 11«А» класса
ОШ №23,
г. Керчь

Обелиски

*Стоят на кручах обелиски.
И на пологих берегах,
И в котлованах каменных
Лежат погибшие в боях...
Лежит под скромным изваяньем
Солдат, что Родину любил
И до последнего дыханья
Сражался, не жалея сил...
Тот, кто любил мечтать порою
И с соловьями песни пел,
Здесь, под обрывистой горою,
В десанте первым принял смерть...
В пути тяжелом и неблизком,
На том, где бились мы с врагами,
Стоят, как вехи, обелиски
Как тени тех, кого нет с нами.*

Николай ПУЧКОВ

Лидия Лозовая

Л.Т. ЛОЗОВАЯ: Все немецкие самолеты узнавала по звуку

Лидия Тимофеевна Лозовая живет в Керчи. Спокойная, уравновешенная, скромная. Немногие знают, что юность этой женщины прошла на фронте.

— ЛИДИЯ Тимофеевна, расскажите о себе.

— Я до войны вместе с семьей жила в Тамбовской области. Отец умер рано. Мама воспитывала детей одна. В 1942 году мне было семнадцать лет, я только заканчивала девятый класс. В апреле пошла в армию: меня сразу послали учиться на командира.

— Тяжело было?

— Гоняли сильно. В двенадцать ночи разбудят — бегать. Дадут команду «ложись!» — падаешь лицом в грязь, встаешь... В общем, обычная солдатская служба. Выучилась, присвоили звание сержанта. Послали служить в зенитно-артиллерийский полк. Назначили начальником прожекторной станции. В подчинении у меня было двенадцать человек: и мужчины, и такие же девчата, как я.

Наша задача была — не пропустить немецкие самолеты. Мы отслеживали и ловили прожекторами вражеские самолеты,

а потом их сбивали артиллеристы. У меня были очень хорошо развиты слух и зрение. Я различала на слух, какой именно летит самолет: всех их узнавала по звуку! Меня этому специально обучили.

Мы рыли окопы, землянки, огромные ямы для прожекторов. Ели перловку и хлеб. Что рассказывать, была у меня самая обычная армейская служба. Выроешь для себя окоп — вода по пояс, прыгаешь туда, когда самолеты вражеские летят...

Я отвечала, как начальник станции, за все: и за прожектор, и за людей, и за машину, на которой перевозили прожектор. Так как прожектор был установлен на машину, пришлось и машину научиться водить, ЗИЛ.

Бомбили нас часто. Помню, охраняли мы завод в Котовске. Налетели самолеты. Мы лучом перехватили, а другой прожектор не сработал, «проспали» они. Так нас как начали бомбить! Стоим в окопах, в

Лидия Лозовая (вторая слева) с боевыми подругами

наушниках, осколки по каскам ударяются...

— **Страшно было?**

— Нет! Как будто, так и надо. Сейчас вспоминаю — и сама удивляюсь. Наверное, по-другому я тогда просто не представляла свою жизнь. Вслед за нашими войсками мой полк прошел от Тамбова до Кракова. Под Краковом проходила дорога на Берлин. Вот эту дорогу мы охраняли. В 1945 году там, в Кракове, и закончилась моя военная служба.

— **В те годы вы были молоды. Влюблялись?**

— Я — нет (*улыбается*). А в меня — да. С будущим мужем познакомилась во время войны. Звали его Василий Иванович Лозовой. Он командовал

такой же прожекторной станцией. Но мы не встречались. Не было у нас совсем времени: война, ответственность за людей и технику.

Может, я была слишком молодая, гордая, никого не признавала. Иногда, правда, виделись на занятиях. Он сразу, как познакомились, обратил на меня внимание. Прикипел. А я не принимала его ухаживания. Встречаться стали только после войны. Когда меня демобилизовали из армии, я уехала, работала в школе военруком, потом пионервожатой. А он все время мне писал, писал... А потом прислал мне вызов. Правда, я не очень-то торопилась к нему ехать: ведь не жена. Потом командир его прислал денег на дорогу и теле-

Лидия Лозовая с мужем

грамму: «Лидия Тимофеевна, я не могу отпустить Василия Ивановича. Я Вас прошу, приезжайте, мы Вас так ждем!»

Дала телеграмму, что выезжаю, а сама еще три дня думала. Потом все-таки поехала. Поженились. Вырастили двоих детей.

— **С однополчанами общаетесь?**

— Раньше переписывались, часто встречались — в Москве, в Брянске, в Киеве и в других городах, где воевали. Сейчас уже никого не осталось. Я ведь самая молодая была в полку.

Спрашиваю о наградах, прошу показать. Достает скромный

черный жилет, на нем — орден Отечественной войны, несколько рядов медалей.

Сейчас Лидии Тимофеевне Лозовой 87 лет. Она прекрасно выглядит, всегда улыбается. Ее жизнелюбию, оптимизму, доб-

Мы лучом перехватили, а другой прожектор не сработал, «проспали» они. Так нас как начали бомбить! Стоим в окопах, в наушниках, осколки по каскам ударяются...

роте можно позавидовать. Глядя на Лидию Тимофеевну, трудно поверить, как в далеком 1942 году совсем юная 17-летняя девчушка рыла окопы, под бомбежкой ловила лучом самолеты, управляла огромным про-

жктором, командовала взрослыми мужчинами и не боялась смерти. Она так просто рассказывает о своей военной юности, как будто не понимает, что

каждый день совершала подвиг. Чтобы сегодня для нас светило солнце.

Елена БАТРАКОВА,
г. Керчь

Вишня

*Там, где море
плещется так близко,
Где когда-то звонко
пели пули,
Как солдат, стоит
у обелиска
Вишенка в почетном
карауле...
И когда над городом
светает,
Сумерки сползают
с Митридата,
Вновь она, наверно,
вспоминает
В сорок третьем
павшего солдата.
Это он с последнею
гранатой
Бросился навстречу
прямо к танку,
Заслоня жизнью
солдатской
Тоненькую вишенку-керчанку.
А она осталась
на пригорке.
Время шло,
и отзвенели пули,
Но стоит в зеленой
гимнастерке
Вишня в молчаливом
карауле.*

Николай ПУЧКОВ

Николай Кобец

Н.М. КОБЕЦ:
**Впереди шел солдат
с автоматом на груди,
за ним – плененная
немецкая часть**

Великую Победу 45-го каждый советский солдат встретил по-своему, с чувствами, которые порой так трудно передать словами, но легко можно прочесть по глазам. Победа – она для всех. И для каждого она своя. Николай Михайлович Кобец увидел её глазами 22-летнего красноармейца 51-й Крымской Армии и рассказал о ней, будучи ветераном, с орденами и медалями на груди.

В НОЧЬ с 8-го на 9 мая 45-го личный состав нашего полка был сосредоточен на дорогах Литвы. Роту в 12 часов ночи на машинах развезли по «точкам». Я вместе с сержантом и коман-

ные голоса. Мы втроем стояли у домика, заслушавшись сказочным пением. Какая-то волшебная сила этих звуков создала приподнятое настроение. Нам было легко и радостно. Становилось все светлее и светлее.

Немецкий командир отдал рапорт полковнику о капитуляции части и сдаче ее в плен. Здесь же, на поляне, немцы побросали свое оружие в общую кучу.

диром взвода был на последней – у перекрестка шоссе – у проселочной. Маленький домик. Кругом кусты орешника. В три часа ночи я сменил на посту сержанта. Начался рассвет. Тишина, листья кустарников не шелухнутся. Запели птицы. Их было много, и пели они на раз-

И вдруг со стороны Любавы послышался размеренный гул сотен солдатских сапог. Он нарушил тишину и пение птиц.

Мы вышли на шоссе. Из-за кустов на повороте показалась колонна войск. Впереди шел солдат невысокого роста с автоматом на груди, за ним – плененная немецкая часть. В это время с другой стороны шоссе на «виллисе» прибыли наш полковник и два офицера. Немецкий командир отдал рапорт полковнику о капитуляции части и

сдаче ее в плен. Здесь же, на поляне, немцы побросали свое оружие в общую кучу. Так началась капитуляция Курляндской группировки немцев. Нам было приказано направлять их по проселочной дороге. Возшло солнце. Я увидел за кустами, метрах в ста от шос-

се, вышки и забор с колючей проволокой. Это был лагерь, где немцы держали советских граждан. Теперь мы направляли в него немцев.

Записали
Александр ГАРКУША,
Дмитрий ЛЮЛЕВ,
г. Евпатория

Здравствуй, День Победы!

*Здравствуй, день нашей победы,
Что пришел к нам майским днем!
Укротил все наши беды –
Нас прикрыл своим крылом!
Мы уверенно шагали
По дорогам фронтовым,
Что побьем врага – мы знали –
Клялись мертвым и живым!
Пережили мы немало
Легких, трудных – всяких лет!
С нами всякое бывало,
Но на жизнь – обиды нет!
Помнишь, друг, как мир спасенный,
От дворцов до бедных хат –
Победой нашей вдохновенный –
Рукоплескал, кричал: «Виват!»?
Дай-то Бог, чтоб жил ты вечно –
День Победы, мой кумир!
Чтоб гремело бесконечно:
«День Победы!» – на весь мир!!!*

Алексей СОКОЛОВСКИЙ

Александр Лубенцов

А.Г. ЛУБЕНЦОВ: Горели люди, горели танки, горела земля

Грозный 1941 год отсчитывал последние дни. В заснеженной Керчи жителям было не до праздника. За месяц с небольшим оккупации жители древнего города успели узнать, что такое «обыкновенный фашизм»: бесчисленное количество приказов новой власти, независимо от их сути, заканчивались одним словом – расстрел, а за городом в километровом противотанковом рву стыли тела тысяч керчан – от младенцев до стариков. Люди с надеждой всматривались в противоположный – кубанский – берег, не зная, что советское командование подготовило им самый главный подарок к Новому году – освобождение.

НА ТОЙ стороне вовсю шла подготовка к десантной операции. Ее ближайшими целями являлись овладение Керченским полуостровом, снятие угрозы вторжения немцев на Кавказ через Тамань и отвлечение части их сил от Севастополя. В последующем планировалось сконцентрировать на этом плацдарме значительную группировку войск и отвоевать весь Крым. Это позволило бы создать угрозу всей германской группе армий «Юг» и согласованными ударами Южного, Юго-Западного и вновь создаваемого Крымского фронтов освободить большую часть Восточной Украины, что привело бы к перелому в на-

шу пользу всей обстановки на фронтах. Таков был стратегический замысел Ставки, первым шагом в реализации которого и должна была стать Керченско-Феодосийская десантная операция.

Сегодня в различных источниках можно прочесть, что немецкое командование было в курсе планов советских военачальников. Зная, как работала тогда немецкая разведка, это вполне вероятно. Но очевидно и другое: немцы в Керчи не ждали десант под Новый год. Они вполне мирно отмечали 25 декабря Рождество, опьяненные ямайским ромом и победами. Они еще не знали сокрушительного разгрома под

Москвой, позорного окружения под Сталинградом, далеко еще было до Курской битвы...

В декабре 1941-го гитлеровским войскам и в голову не могло прийти, что через три с половиной года русские солдаты оставят свои автографы на стенах разрушенного рейхстага в Берлине. Все это было впереди, а здесь, в Керчи, им казалось, что они в полной безопасности, берег надежно защищен от противника. Да и погода благоприятствовала: мороз до минус 15, шквалистый ветер, штормящее море. Кто же рискнет десантироваться в такую погоду?! А наши советские солдаты рискнули...

В ночь на 26 декабря началась высадка десантных частей 51-й армии генерала В.Н. Льюва на Керченский полуостров. Доставку войск осуществляли суда Азовской флотилии и Керченской военно-морской базы, которая после оставления Керчи была передислоцирована в Тамань. Здесь в составе флотского полукэкипажа нес службу краснофлотец Александр Лубенцов.

Группа из 22 десантников, в которую входил Лубенцов, должна была высадиться южнее Керчи, в Камыш-Буруне. Их торпедный катер нещадно атаковали высокие волны. Вскоре показался родной керченский берег. Группу высаживали пря-

мо на пляж Камыш-Буруна, неподалеку от пристани. «Высадились хорошо, тихо, — вспоминает Александр Григорьевич, — немцы нас не ждали». Хорошо — это если не считать часов, проведенных в штормовом море, прыжков с катера в ледяную воду с оружием и боеприпасами...

Перед выходом из Тамани десантникам выдали сухой паек на трое суток, а потом подвели к складам, где хранилось вооружение, и сказали: «Ребята, заправляйтесь, как только можете». Брали все — винтовки (автоматы были только у командира и комиссара группы), патроны к ним, бутылки с зажигательной смесью, гранаты. И все это добро тащили на себе, устремляясь по грудь в ледяной воде к берегу.

Высочили — и сразу к пристани. Заняли быстро, также быстро распределились по занятому плацдарму. Лубенцов вместе с лучшим другом симферопольцем Николаем Шульженко держал оборону у моря.

Со своим боевым товарищем Александр познакомился осенью в Керчи. Сюда 19-летнего Александра направили из Феодосии, где он жил и работал слесарем на заводе №238, выпускающем торпеды. Распределили на флот, недолго был матросом на сейнере, после чего направили на 68-ю зенитную батарею, которая находилась на

Митридите. Там и служили два товарища: Лубенцов — заряжающим на втором орудии, Шульженко — на третьем. Именно их батарея 76-мм орудий первой открыла огонь по немецким стервятникам, сбросившим первые бомбы на Керчь 27 октября 1941 года. Из шести бомбардировщиков удалось подбить один, остальные без прикрытия, не преследуемые нашими истребителями, словно в насмешку, пронесли над Багеровским аэродромом и спокойно улетели в сторону Перекопа. Но вернемся к десанту 26 декабря.

На рассвете удачно закрепившаяся на берегу группа приняла подкрепление — роту 302-й стрелковой дивизии. У пехотинцев были два миномета, станковые пулеметы. А вскоре и немцы предприняли первую атаку, пытаясь сбросить десантников в море. Артиллерия, минометы били с обрыва прямой наводкой. В первый же день погибли командир группы Гасилин и комиссар Степанов. Немцы легко их вычислили по «крабам» на фуражках, по флотской традиции начищенным до блеска, а потому отсвечивающим на солнце. К тому же и командир, и комиссар рядом друг с другом лежали на куче угля. Накрыло их одной миной.

Атаки не прекращались четыре дня. Много полегло солдат из 302-й дивизии, из группы Гасилина, которой после гибели командира командовал старшина. В живых остались несколько человек, в том числе Лубенцов, Шульженко и Петр Пропастин. Как-то днем в районе пристани появилась советская баржа с артиллерийским полком. Ее тащил буксир. Немцы расстре-

Мороз до минус 15, шквалистый ветер, штормящее море. Кто же рискнет десантироваться в такую погоду?! А наши советские солдаты рискнули...

ляли и буксир, и баржу. Она затонула, не спасся ни один человек. Кто пытался выплыть — по тому сразу стреляли.

29 декабря оставшиеся десантники поняли, что свою задачу они выполнили. К ним никто больше не высаживался, а вся высадка велась на Камыш-Бурунской косе, что им хорошо было видно. Туда и решили пробиваться. Забросали противника гранатами и рванули к своим, на косу.

Здесь Лубенцов познакомился с легендарным разведчиком, будущим Героем Советского Союза за бои под Новороссийском, первым комиссаром гарнизона освобожденной Керчи Дмитрием Ка-

5-й молодежный партизанский отряд, г. Старый Крым, 1944 г.

лининым. Он-то и предложил матросам отправиться на разведку в Керчь. Пошли 18 добровольцев, в основном моряки и несколько солдат. Командир группы — Студеничников, комиссар — Калинин.

«Идем по Камыш-Буруну: ни немцев, ни местных жителей, никого не видно, — рассказывает Александр Григорьевич. — Решили зайти в крепость. Шли со стороны Старого Карантина, ветер в лицо, снег валит. Прошли проволочные заграждения, увидели пустую вышку. Крикнули пару раз по-немецки, тишина. Из крепости двинулись в сторону Солдатской слободки. Постучали в третий с краю дом. Открыл дедок с бородой, обрадовался, чайку предложил. Но

командир отказался: «Некогда! В город идем», — и мы отправились дальше. В город вошли и по улице Свердлова прошли до музея. Смотрим: свет из подвального помещения пробивается. Постучали. Свет сразу потух. Спрашиваем: «Немцы в городе есть?» — «Не знаем, мы никуда не ходим», — отвечают. Пошли дальше, по сторонам улицы разделились. Светало уже, когда подошли к тому месту, где сейчас здание ЮгНИРО находится, а тогда стоял здесь бывший особняк Месаксуди, красивый, двухэтажный, и в нем до оккупации располагался Штаб Военно-морского флота. У здания построились в шеренгу, и Калинин торжественно произнес: «Товарищи,

поздравляю вас с освобождением города!» Мы в ответ трижды прокричали «Ура!», и тут начали люди появляться.

В своей книге «В крымском подполье» руководитель областного подполья И.А. Козлов, описывая встречу с группой разведчиков, рассказывает, что ему повстречались моряки-кавалеристы. Кони действительно были: узнавшие о высадке десанта в Феодосии немцы убежали стремительно, бросая и вооружение, и средства передвижения. Разведчики (15 из 18 человек, трое получили обморожение по пути в Керчь) оседлали трофейных коней и бросились в погоню за отступающим противником. Проехали к пристани Дуранте, но там уже не было немецких кораблей, поэтому повернули обратно в Керчь. Там бывших десантников сразу привлекли к охране города.

Приходилось Лубенцову бывать и у Багеровского рва, своими глазами видеть, что натворили гитлеровцы за полтора месяца хозяйничанья в Керчи.

Вскоре Александр Лубенцов был переведен в 83-ю отдельную морскую бригаду, в отдельную роту автоматчиков. В составе бригады Лубенцов прикрывал левый фланг Ак-Монайских позиций, когда немцы прорвали там фронт. С тяжелыми боями отступала бригада. От

бесперывных бомбежек пыль не успевала оседать, и тогда днем становилось темно, как ночью. Горели люди, горели танки, горела земля. Лубенцову в числе немногих удалось пробиться к Керчи. Переправиться не успели, в Капканах один старик дал Лубенцову и еще одному моряку гражданскую одежду, и это помогло им избежать ареста.

Александр дошел до родного села Ленинское, где жила его бабушка. С помощью друга Александра Беспалова устроился в Семи Колодезях работать на железную дорогу. Организовали подпольную группу, в которую помимо двух друзей вошли родители Беспалова, Евгений Иванов, Надежда Великая, Тамара и Виктор Строгановы, Галя Перемищенко, Александр Ачкалов. Связались с группой в Китене, которую возглавлял Михаил Царев. Установили связь с партизанами. Из леса подпольщикам передали магнитные мины.

6 сентября 1943 года Лубенцов и Беспалов около Керчи пустили под откос эшелон с боеприпасами, были разбиты паровоз и 60 вагонов. 25 сентября — диверсия на перегоне Сарыголь — Владиславовка, разбиты паровоз и три вагона. Этой же ночью Александр Лубенцов и Александр Беспалов взорвали склад с горючим. Ночью

они подошли незамеченными к ограждению склада. Цистерны охранялись, но Лубенцов точно знал, когда происходит смена караула. По-пластунски проползли под проволокой и заложили мины с часовым заводом. Через два часа раздался взрыв огромной силы. Было уничтожено 120 тонн горючего. 3 октября на полном ходу сошел с рельсов еще один вражеский эшелон с боеприпасами.

После этого эшелона Александр почувствовал, что за ним следят, и тогда Царев решил его, Беспалова и Лиду Шведченко, подпольщицу из Китени, отправить в старокрымский лес. Впоследствии Александр Лубенцов возглавил диверсионную группу 5-го молодежно-комсомольского отряда 3-й бригады Восточного соединения. За шесть месяцев пребывания в отряде Лубенцов вместе с группой вел «рельсовую войну», водил по вражеским тылам разведывательные группы с Большой земли, участвовал в известной Баракольской операции, в боях на горе Бурус, в первом освобождении Старого Крыма 27 марта 1944 года, когда был разгромлен вражеский гарнизон и из тюрьмы освобождены 47 приговоренных к расстрелу; во втором освобождении Старого Крыма — 11 апреля 1944 года.

Войну Лубенцов закончит в Болгарии, в то время он

будет служить в отдельной пулеметной роте 333-й стрелковой дивизии. Вернется в Крым, вначале в Феодосию, а потом переедет в Керчь, где 30 лет проработает машинистом камнерезной машины на Камыш-Бурунском карьере. Его мирный труд будет отмечен высокой наградой «Знак Почета». За Керченско-Феодосийскую операцию Лубенцов награжден медалью «За отвагу». Среди многих наград — и орден Отечественной войны II степени, и почетный знак международного украинского союза участников войны. Диверсионную группу Лубенцова командование соединения представляло к ордену Ленина, но вышестоящее руководство решило иначе — наградить орденом Красной Звезды. Но награда найдет героя только в 1989 году.

В солидном многотомнике АН УССР «История городов и сел. Крымская область», изданном в 1974 году, написано, что А.Г. Лубенцов погиб в жестоких боях с врагом. А он в это время работал, растил детей, водил молодежь по местам партизанской славы, ездил на встречи с боевыми товарищами. Ветеран и сегодня остается в строю. 30 апреля 2012 года Александру Григорьевичу исполнилось 90 лет. Он ведет активную патриотическую работу среди молодежи. Часто встреча-

ется со школьниками и студентами, участвует в научно-практических конференциях. Ему, участнику ключевых военных событий в Крыму в 1941–1944 годах, выжившему и доживше-

му до наших дней не иначе, как свыше предназначено донести правду о войне. И он достойно выполняет это.

Оксана ШЕРЕМЕТ,
г. Керчь

Костер

*В дальней-дальней стороне
Много лет назад
После боя на войне
Напевал солдат.*

*И не знал я, что теплей
У холодных гор:
Песня Родины моей
Или наш костер.*

*Словно полная тепла
В отблесках огня,
Продолжалась и жила
Родина моя.*

*Словно свет ее возник
Из горячих глаз
И от пули в этот миг
Заслоняет нас.*

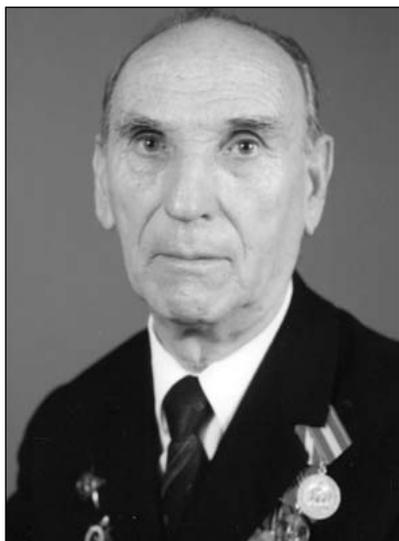
*Словно встали выше звезд
Вдоль чужих вершин
Снежные лучи берез
Над зарей рябин.*

*Вспомнил он отцовский дом,
Огонек в окне.
И повеяло теплом
Ночью на войне.*

*И сейчас гвардейский взвод
Замер под горой:
Песню старую поет
Парень молодой.*

*Все сильнее и все светлей
Тьме наперекор
Песня Родины моей,
Как живой костер.*

Борис ДУБРОВИН

Григорий Кушниренко

Г.В. КУШНИРЕНКО:

**Сержант щелкнул
затвором и громко
крикнул:
«Женде хох!»**

Война меняет каждого, показывает его истинное лицо, расставляет жизненные приоритеты и формирует настоящие человеческие ценности. А еще эта страшная война удивительным образом в определенный момент способна объединить противников. И орденосец Григорий Владимирович Кушниренко знает об этом не понаслышке.

ЭТО было в 1945 году, когда наша часть стояла под Варшавой. Командир взвода поставил задачу: сделать запасной командный пункт километрах в тридцати от основного базирования, в лесу на берегу реки Одер. Нас, десять красноармейцев, привезли на машине к месту этого пункта, где мы разгрузились, определились с дислокацией и начали работы.

Первым объектом стала большая землянка. Надо было выкопать глубокую яму, откос закрыть деревом, накрыть бревнами, засыпать землей и сверху замаскировать. Работали мы с удовольствием. Свежий воздух, прекрасная природа и ожидание близкой Победы создавали приподнятое настроение. Ребята шутили, веселились, подтрунивали друг над другом. Практически все были одного воз-

раста, лет двадцати с небольшим, но уже видевшие смерть, обстрелянные, опытные. Наш сержант Андрей Чурочкин, из Пензы, был парень уверенный, рассудительный. Постоянно всех поторапливал и показывал, как надо делать. Я работал в паре с Олегом Коваленко из Керчи. Рубили молоденькие деревца, очищали их от веток, старались подобрать одинаковые по длине и толщине. Сержант Чурочкин постоянно нам говорил, чтобы все делали красиво, добротного: «Женитесь — будете строить себе дома. Дом должен быть красивым и легким, как корабль».

За первые три дня мы сделали большую землянку, в ней оборудовали буржуйку, чтоб можно было обогреться и отдохнуть. Нам привезли еду (ее должны были доставлять раз в три дня). Горячую пищу, хлеб,

консервы. Все шло хорошо, но вдруг погода резко изменилась: подул холодный ветер, заморосил дождь и стало неудобно. Дорогу размыло. Прошло еще трое суток, а машина с продовольствием не приехала. Мы съели все запасы, подобрали хлебные крошки. И нам ничего больше не оставалось, как греться в землянке, рассказывать друг другу различные байки из жизни и ждать. Много рассказов было связано с едой. В лесу было пусто, хотя кто-то из наших однажды видел каких-

Мы съели все запасы, подобрали хлебные крошки. И нам ничего больше не оставалось, как греться в землянке, рассказывать друг другу различные байки из жизни и ждать.

то коз. Мы начали подумывать, что о нас забыли, и стали просчитывать варианты, как выйти из данной ситуации, как победить голод. Но придумать ничего толком не смогли.

Возле землянки каждый день выставляли часового, который дежурил днем и ночью, несмотря на дождь и холод. Часовых меняли через каждые два часа. Сержант постоянно контролировал часового. Утром на седьмой день нашего пребывания в данном районе я заступил на дежурство. Шел мелкий дождь, было сравнительно

нехолодно. Единственное, что отвлекало, — это голод. Сменив предыдущего часового, я стал осматривать территорию, пытаюсь заметить что-то необычное, новое. Ничего так и не высмотрев, решил укрепить тот шалаш, который мы строили для укрытия часового. Поработал так около тридцати минут и неожиданно услышал звук хрустнувшей ветки. Этот звук меня насторожил. Вглядываясь в гущу леса, я заметил трех немцев, которые медленно шли метрах в пятидесяти от нас. Быстро вбежал в землянку, разбудил сержанта и остальных. Ребята вскочили, взяли свое оружие и тихо вышли наружу. Сержант дал команду построиться в цепь и двинуться в сторону немцев. Уже через десять минут мы их увидели. В руках у них были автоматы, они шли тяжело, озираясь по сторонам.

Небольшими перебежками мы пытались обойти фашистов с двух сторон. Когда расстояние между нами и немцами сократилось до пятидесяти метров, сержант щелкнул затвором и громко крикнул: «Хенде хох!» Те присели, слышно было, как они стали переговариваться друг с другом. Потом один встал и быстро начал говорить: «Гитлер — капут! Гитлер — капут!» За

ним встали остальные и подняли руки. Мы медленно подошли к ним, забрали автоматы и повели в сторону нашей землянки. Было совершенно непонятно, куда их девать.

В землянке было темно. Немцы притихли, насторожились, сидели и внимательно смотрели на нас. Потом один из них начал что-то быстро говорить. Рядовой Володя Овсянников знал немецкий. Выслушав пленного, он выругался: немец просил есть, говорил, что они три дня без пищи. Мы

матерились, проклинали погоду, войну, немцев... Но неожиданно услышали шум двигателя приближающейся машины. Это ехали наши с едой и сменой — очередной группой красноармейцев. Нас накормили. Получили еду и немцы. Мы быстро собрали вещи, сели в машину и вернулись в нашу часть. Обогрелись, помылись в бане. А на завтра началось очередное наступление.

Записал
Александр ГАДЕЕВ,
г. Керчь

Отблески

*Век назад
Ураспавшейся хаты,
Где могла нас фугаска накрыть,
Кто-то мне отломил от буханки
И кому-то я дал докурить,*

*Чьи-то руки, чернее чем копать,
Не боящиеся огня,
Из засыпанного окопа
Выволакивали меня.*

*Может, бомбою память убили:
Явь расплывчатая, как сон,
Словно не было лиц и фамилий,
Словно не было многих имен.*

*Но у жизни моей на излете,
Перелистывая года,
Забывается что-то,
Проходит
И не может пройти никогда.*

Борис ДУБРОВИН

Евгений Латышев

Е.П. ЛАТЫШЕВ:

**Один из солдат
ухватился за меня и
начал тянуть ко дну**

Когда началась война, Жене Латышеву было всего четырнадцать. Он тоже хотел защищать родную землю и попросил моряков Севастополя взять его к себе в помощники. А через четыре года, в неполные восемнадцать, Евгений Латышев дошел до Берлина.

— Д ОБРЫЙ день, Евгений Петрович! Для нас большая честь беседовать с Вами сегодня! Скажите, пожалуйста, где Вас застала Великая Отечественная война?

— 22 июня 1941 года я встретил в Севастополе, где отдыхал у своей тети Любови Никитичны. В четвертом часу утра я увидел в окно

свет прожекторов, а через несколько минут раздался грохот от падающих снарядов. Немцы начали бомбить Севастополь.

— **Что Вы делали в первые дни войны?**

— Уехать из Севастополя в Симферополь, где находилась моя семья, я не мог. Мне было четырнадцать, в армию не брали. Но я примкнул к береговому морякам: подносил им боеприпасы, воду, перевязывал раненых. А вскоре, в июле 1942-го,

вместе с защитниками города был эвакуирован в Новосибирск. Тяжело было: голод, разруха... А на рынках одни спекулянты, которые лепешки людям продавали за огромные деньги!

и Я ему кричу, чтобы скидывал шинель (очень тяжелой становилась шинельная ткань в воде!), а он не слышит, в панике весь.

— **Как складывалась Ваша судьба в дальнейшем?**

— В ноябре 1943 года советские войска переправлялись через Керченский пролив. Я был вместе с частями Отдельной Приморской армии. Во время переправы началась бомбардировка. Много тогда погибло солдат... Я плавал очень хорошо, но тоже чуть не погиб. Один солдат ухватился за меня и начал тянуть ко дну. Я ему кричу, чтобы скидывал шинель (очень

тяжелой становилась шинельная ткань в воде!), а он не слышит, в панике весь. А потом соскользнул и пошел ко дну. Выбрался я на берег, спрятался под шлюпку, а ночью стал продвигаться к Симферополю. Ежедневно проходил по сорок километров и на шестые сутки добрался до крымской столицы. 13 апреля 1944 года советские войска освободили Симферополь, и я сразу пошел в военкомат. Было мне тогда шестнадцать с половиной лет. Но в ряды Советской армии меня все-таки записали: уж очень настаивал. Меня направили в 126-ю Отдельную Черниговскую танковую бригаду. Участвовал в освобождении Белоруссии, Польши, Чехословакии.

— Какой была Ваша первая награда?

— В Новосибирске в 1943 году мне вручили медаль «За освобождение Севастополя».

— Для Вас, мальчишки, что в военные годы перенести было тяжелее всего?

— Моя тетя погибла в первые дни бомбежки Севастополя. Тогда в душе появились сильная боль и яростное желание отомстить! Когда гибнут близкие — это и есть самое страшное.

— Что чаще всего вспоминаете из тех далеких лет?

— Много всего было! То ужасное время и вспоминать не хочется... Но хорошо помню, с какой радостью встречали нас жители освобожденных городов, как ликовал народ, когда закончилась война!

— Евгений Петрович, а какими Вы хотите видеть нас, молодое поколение?

— Растите открытыми и прямыми людьми, уважайте старших, берегите своих матерей, помните о подвигах Великой Отечественной войны и сохраняйте мир, ребята.

Елизавета ГЕРАСИМОВА,
Софья ГАЛЬЧЕНКО,
ученицы 7 класса УВК
«Школа-сад №36»,
г. Симферополь

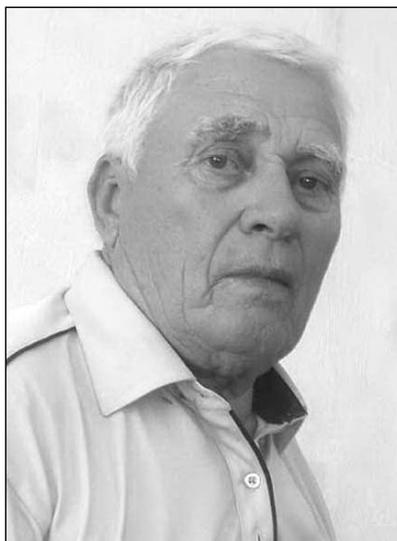
Я учусь у себя самого

*Я учусь у себя самого —
У того, кто юнцом желторотым
Приоткрыл заводские ворота
И пошел добровольцем в пехоту,
Ибо Родина — прежде всего.*

*Я учусь у себя —
У того,
Кто немало протопал солдатом,
Кто работал штыком и прикладом,
И от пули прикрыл лейтенанта,
И под пулями вынес его.*

*Я учусь утверждать существо
Чувств, которые боем не стерты,
Чтоб сливалась бы с мягкостью твердость,
Как сливалась со мной гимнастерка, —
Я учусь у себя самого.*

Борис ДУБРОВИН

Михаил Разогреев

М.И. РАЗОГРЕЕВ: От колодок сначала ноги повыворачиваешь, а потом ничего – привыкаешь

Керченскому мальчишке Мише Разогрееву 1 мая 1941 года исполнилось десять лет. Тогда он с родителями и тремя сестрами жил в самом центре Керчи – на ул. Р. Люксембург (современной Театральной). Его отец, Иван Иванович Разогреев, работал на госметзаводе им. Войкова. Мама, Александра Семеновна, была домохозяйкой, занималась детьми: старшей, Розе, на начало войны было 16, средней, Гале – 14, а младшей, Олечке – любимице всей семьи и особенно старшего брата Миши – всего годик.

ОТЦА-коммуниста, хорошо знавшего военное дело по своей прежней службе в крепости «Керчь» в морской тяжелой артиллерии, забрали на фронт в первые дни войны. Воинский эшелон уходил с пассажирской станции Керчь-1. Отца провожали всей семьей. Тогда ни Миша, ни его родные не предполагали, что пожар войны очень скоро доберется и до Керчи.

Первые бомбы упали на город 27 октября 1941 года. Этот день запомнят все. Над Керчью появятся шесть самолетов с крестами на крыльях (они летели так низко, что можно было разглядеть и кабины пилотов). Практически не встретив сопротивления, они начнут сбрасывать мощные бомбы на порт, где

в то время стояли суда, груженные боеприпасами. Среди грохота и свиста Миша услышал слова своей матери: «Господи, лучше уж от голоду умереть, чем такое видеть». Кто знал, что эти слова окажутся пророческими...

16 ноября Миша увидел, как по Митридату перемещаются серые фигурки. Соседские пацаны закричали: «Смотрите, немцы!» Так началась первая оккупация.

Как-то Миша катал на самодельных санках Олечку и увидел, как в сквере немцы делают на деревьях три петли. Пацаны постарше стали говорить, что сейчас патруль начнет всех на дороге ловить и вешать. Миша быстро отвез сестричку домой, а сам вернулся посмотреть, что же будет. Из крытой машины вывели троих мужчин. Их под-

вели к петлям. Мальчик ждал, что сейчас, как в кино, они закричат: «Да, здравствует товарищ Сталин!» Но над сквером стояла гробовая тишина. Молчали обреченные, молчали все свидетели происходящего... Утром на телах повешенных появились таблички «Повешен как партизан».

В ночь под Новый, 1942-й, год Разогреевы увидели в окне убегающих немцев, а утром — красноармейцев. Керчь была освобождена в ходе Керченско-Феодосийской десантной операции.

Когда возобновились бомбежки, уехали в Аджимушкai, к знакомым отца. В мае в поселке скопилось огромное количество наших войск. Очень много было молодых лейтенантов. Они выделялись новыми ремнями, портупеями. Вот только в кобурах было пусто, и для солидности вчерашние выпускники военного училища (Михаилу запомнилось, что Краснодарского) набивали их каким-то тряпьем.

Когда противник совсем близко подошел к Аджимушкаю, Разогреевы, за исключением Галины, которая помогала на передовой раненым, спустились в Центральные каменоломни. Но разве усидеть на месте 11-летнему мальчишке, когда кругом идет не детская «войнушка», а самая настоящая война — с боями, потерями, трофеями?!

В последних особо нуждались защитники подземной цитадели: не хватало оружия, боеприпасов, питания.

На первых порах мальчишки умудрялись под минометным огнем проползать в сельские огороды за редиской и луком. С водой было хуже. Колодец у входа, вода из которого добывалась ценой десятков жизней аджимушкайцев, немцы засыпали трупами. Оставалось только одно — высасывать влагу из серых шершавых камней. От этого сильно распухал язык, трескались губы, но несколько глотков живительной влаги Миша обязательно приносил Олечке.

Когда вырыли подземный колодец, с водой стало легче. Красноармейцы придумали ловушку и ловили крыс. Затем, отрубив голову и лапки, варили из них похлебку. В «меню» было и такое блюдо, как «лапша» из ремней. Кожаные ремни снимали с мертвых. Только это мало помогало в борьбе с голодом. Тысячи молодых жизней уносили газовые атаки и постоянные взрывы... Какая сила духа заставляла их жить и бороться в нечеловеческих условиях?..

Где-то в июле умерла Олечка. Миша сам ее похоронил в одной из выемок. Камнями выложил маленькую могилку и копотью от зажженной шины написал: «Здесь наша Олечка». Не пережив смерти младшей доче-

ри, слегла мать. Вскоре умерла она, а вслед за ней и старшая сестра Роза. Один за другим умирали и красноармейцы, вместе с которыми находился мальчик. Как-то в его закуток заглянул командир Бурмин. Его Миша знал, потому что тот всегда ходил в кубанке, а на груди выделялись орден Красного Знамени и медаль «XX лет РККА». Посидели у костра. А через несколько дней пришел старший лейтенант и увел мальчика в штаб. Помыли, постригли. Оставили при штабе.

Как-то Бурмин и Парахин подозвали Михаила и сказали, что хотят ему поручить одно важное задание. Вот мешочек сахара, нужно пробраться в город и обменять его на сухари или другие продукты и принести их в каменоломни. При этом напутствовали: если схватят враги, сказать, что мама погибла при бомбежке, а ты был вместе с красноармейцами, а когда все умерли, вышел. 11-летнему мальчишке и невдомек было, что, поручая такое задание, командиры подземного гарнизона спасают ему жизнь. Они знали, что назад мальчику не вернуться, а так есть шанс выжить. И не ошиблись.

На поверхности (27 сентября 1942 г.) Михаила задержали

румыны, потом его допрашивали в гестапо на улице Ленина, 8. Изможденного мальчика привезли к деду. На живого мертвеца («из скалы») сбежались посмотреть с соседних улиц. Затем пришел полицай и велел отмечаться в участке каждый день.

А в начале сентября 1943 года вновь пришел полицай, велел собрать вещи и отвез Михаила на станцию Керчь-2. Погрузили в вагоны. Привезли в Севастополь, откуда морем отправили в Констанцу, а уже оттуда по железной дороге привезли в немецкий Штутгарт. Здесь был пе-

Оставалось только одно — высасывать влагу из серых шершавых камней. От этого сильно распухал язык, трескались губы, но несколько глотков живительной влаги Миша обязательно приносил Олечке.

ресылочный лагерь. Еще в дороге Миша услышал от взрослых, что хорошо бы попасть в работники к какому-нибудь «бауэру» (хозяину), тогда есть возможность выжить.

Михаилу повезло: в числе немногих его привезли в город Хайльбрунн, где он сразу приглянулся одному хозяину. Мальчику недели на ноги колодки («сначала ноги повыворачиваешь, а потом ничего — привыкаешь», — говорит Михаил Иванович). Работать пришлось

на консервной фабрике. Миша возил тяжелые мешки с сахаром, разгружал вагоны. Как-то, разгружая очередной «пульман» с яблоками, он увидел людей в полосатых робах — смертников из концлагеря. Мальчик услышал русскую речь и закричал: «Ребята, вы русские, держите яблоки». Сколько успел, скинул фруктов, пока его «на горячем» не поймал мастер-немец. Он стал избивать мальчишку. От верной смерти спасли девушки-славянки.

Михаила перевели в город Некарсульм, где находился завод по сборке велосипедов и мотоциклов. На предприятии трудились в основном французы, итальянцы, бельгийцы. Кормили скудно: утром — мутный напиток, отдаленно напоминающий кофе, в обед — 100 граммов черной липкой массы, именуемой хлебом, и немного брюквы.

В начале апреля 1945-го оstarбайтеров освободили американцы. Доктор из госпиталя, хорошо говоривший по-русски (рассказывал, что мать у него русская), предлагал Мише уехать в Америку. Но мальчик твердил лишь одно: «Я только домой. У меня дом в Крыму, в Керчи».

Пройдя проверку СМЕРШа, Михаил вернулся в конце ноября 1945 года в родной город. Выучился на токаря в ремеслен-

ном училище. Однажды к нему на набережной подошел мужчина в форме старшего лейтенанта НКВД и посоветовал никому не рассказывать о том, что пришлось пережить в каменоломнях и в лагере. И Михаил молчал.

Отслужил срочную, дважды побывал на целине, обосновался в Перми. И тут в «Огоньке» прочел статью С.С. Смирнова об Аджимушкае. Не выдержал, рассказал соседу, что был участником тех событий. Позже познакомился с керченским журналистом Владимиром Биршертом, который написал о нем очерк «Последнее задание».

В 1966 году Разогреев окончательно вернулся с семьей в Керчь. Здесь началась новая страница биографии «аджимушкайского Гавроша» — наполненная трудовыми победами, наградами за которые стали орден Трудового Красного Знамени, медали, Почетная грамота Президиума Верховного Совета СССР.

Каждый год в День партизан Михаил Иванович приезжает в Аджимушкой. Он скромно стоит в общей массе людей, а потом несет к мемориалу цветы. В память о своих близких, навсегда оставшихся в теснинах серых камней, и о тех, кто спас ему жизнь в далеком 1942-м...

Оксана ШЕРЕМЕТ,
г. Керчь

Утес

*Сражением утес обижен,
Войною на три метра снижен
И обезглавлен на века...
В образовавшиеся ниши
Заглядывают облака.
И даже солнце, приземляясь,
В ущелье голову кладёт.
Гуляка-ветер, изумляясь,
Прятея не узнаёт.
И старый самолёт почтовый,
Утес завидев на лету,
Как будто бы в насмешку, снова
Наращивает высоту.*

*Но что все это для утеса!
И не к такому он привык.
Он вражьей бомбой срезан косо,
Он — каменный,
Он — фронтовик.*

Борис ДУБРОВИН

Федор Гаврилов

Ф.Л. ГАВРИЛОВ:

Шла активная агитация против немцев, но мы не винили весь народ

Федор Лаврентьевич Гаврилов – председатель совета ветеранов Симферополя. Именно к нему первым делом попадают журналисты в поисках материалов для статей. Нахмутив лохматые брови, он торжественно начинает привычный рассказ, который со временем потерял излишнюю эмоциональность и вроде бы несущественные детали. Но лишь почувствовав живой интерес к своему рассказу, он сбрасывает поволоку некоего равнодушия и вспоминает давно забытые подробности истории, которая произошла с советским студентом Фейей.

– Ф ЕДОР Лаврентьевич, как Вы узнали о том, что началась война?

– 22 июня нас, студентов техникума, вывели на городскую площадь на митинг: там и сообщили. Потом учащихся срочно распустили и отправили работать на предприятия, в колхозы. Я стал главбухом в одном из колхозов, а также исполнял там обязанности председателя. Тогда мне было 17 лет.

На войне в 1942 году погиб мой старший брат, и я попросился добровольцем на фронт. Меня спросили тогда: «Ты комсомолец?» «Да», – говорю. – «Так вот комсомольцы так не поступают. Когда будет

нужно, мы вас призовем. А пока работайте там, куда вас поставила партия».

Но долго ждать не пришлось. 7 января 1943 года меня призвали и направили во второе ленинградское военно-авиационное училище. А 27 ноября я уже был на фронте. Летал на штурмовике Ил-2. Этот самолет немцы называли «Черной смертью», а наши – «Летающим танком». Нам ставили несколько задач: во-первых, уничтожить пехоту и технику немцев; во-вторых, уничтожить переправы, чтобы противник не мог отступить; в-третьих, разбивать железнодорожные узлы, по которым передвигались по-

езда с вражеской техникой; в четвертых, сбивать самолеты в том случае, если они нападают на штурмовик.

Штурмовик не бомбардировщик, поэтому мы брали с собой не более 600 кг бомб. Кроме того, у нас были ракетные установки, пушки для 123-миллиметровых снарядов и пулеметы.

— **Когда воевали, вы знали, что враги о вас говорят? И что о них сами думали?**

— Тогда шла активная агитация против немцев. Но мы не винили весь народ. Представьте себе, что обычного деревенского парня обмундировали и отправили воевать с врагом. Он и сам не очень понимает, почему мы враги, но верит, что это во благо отечества. Так же посылали и нас. Только мы не нападали, а защищали свою Родину. Правда, и нормы у нас были другие. Такого мародерства, как у немцев, не было. Это и понятно: они-то грабили чужие дома, чужой народ.

Вот помню, из училища недалеко от Кишинева шел наш эшелон на фронт. Остановили нас на маленькой станции: выходите, мол, из вагона, стройтесь. Построились мы. Офицер говорит, что на предыдущей станции один из наших солдат выхватил у старухи курицу. Военный комендант читает приказ: от имени Президиума

Верховного Совета, за мародерство, допущенное таким-то, расстрелять. Двадцать человек из комендатуры пальнули автоматной очередью. Солдат упал. Эшелон двинулся дальше. Но все, кто был там, надолго запомнили этот день, и среди нас в мародерстве никто больше замечен не был.

А что о нас немцы говорят, мы узнали позднее. Стояли мы в городе Яссы в Румынии. По вечерам были танцы, и из сел приходили девочки к нашим офицерам. Один летчик рассказывал нам: «Танцую, — говорит — с девушкой, а она меня все по голове гладит. Старательно так, будто ищет чего-то». Он удивился, а она на ломаном русском объяснила: когда немцы пришли, они местным рассказывали, что советская армия насилует, убивает, грабит; что глаза у нас страшным огнем горят, а на голове рога растут. Вот она рога-то и искала. Оказывается, и мужчины из этих деревень, кто воевать не пошел, прятались в горах, боялись наших «рогов». А уж после этих танцев девочки их успокоили, и они с гор-то спустились.

— **Федор Лаврентьевич, вспомните, пожалуйста, свой первый боевой вылет.**

— Он был в первый же день, как я оказался на фронте, — 27 ноября 1943-го. Летели мы над Харьковом. Вдруг слы-

шим в эфире сигнал о помощи. Тонкие такие голоса: «Помогите, помогите!» Смотрим: а над средним бомбардиром девочка в самолетах сидят. Женская эскадрилья. Дым, копоть — самолет горит. А мы никак не можем им помочь. В первый раз меня так просили о помощи, а я ничего не мог сделать! Погибли девочки. Спаслись можно было только выпрыгнув с парашютом. Но бомбардировщик летел с большой скоростью: чтобы справиться с давлением и вылезти из него, нужна большая сила, которой девочкам просто не хватало. Выпрыгнуть чаще всего получалось только у радиста: им обычно был мужчина, сидящий в хвосте самолета, а штурман и летчик — девушки — вот так погибали...

— **А Ваш самолет сбивали?**

— Дважды. Первый раз — во время Яско-Кишиневской операции. В пять утра нас вызвали и поставили задачу уничтожить вражеские самолеты на захваченном аэродроме. Задачу выполнили блестяще, но, когда возвращались, попали под зенитный огонь. На немецкой территории было подбито несколько наших самолетов, в том числе и мой. Я кое-как дотянул до своей территории

и там, в лесопосадке, мой самолет упал.

Мой друг в этом вылете попросил механика, чтобы он взял его комсомольский билет и книжку с деньгами и передал сестре, если он не вернется. Ему действительно не суждено было вернуться. Механик рассказал об этом замполиту, а тот начал кричать, махать руками: «Ну почему же ты раньше не сказал об этом?! Он же свою смерть почувствовал. Мы бы его не отпустили на вылет!». Но как можно сказать начальству о том, что ты

На пятый день прилетел замполит на абсолютно обледеневшем самолете связи Ту-2, так называемом кукурузнике. Посмотрел на меня удивленно и говорит: «А мы сообщили уже, что ты погиб».

не вернешься? У всех бывают такие мысли.

Во второй раз меня подбили под Будапештом. По какой-то причине мой товарищ вышел из строя. Он тогда в эскадрилье шел впереди меня, а тут получилось, что мы поменялись местами: я вышел вперед на его место, а он остался позади. Это стало для него роковой ошибкой, а для меня оказалось спасением. На моем месте его сбили — он погиб, а меня подбили, и пришлось совершить

вынужденную посадку на своей территории, на аэродром подскока. А был февраль, непроглядной стеной шел снег, и на этом аэродроме я стоял пять дней. На пятый день прилетел замполит на абсолютно обледеневшем самолете связи Ту-2, так называемом кукурузнике. Посмотрел на меня удивленно и говорит: «А мы сообщили уже, что ты погиб». А я ему: «Как сообщили? Кому?» «Маме твоей», – говорит. Оказывается, те, кто вернулся, сообщили, что Марушак сел на вынужденную посадку, а Гаврилов, то есть я, погиб. Перепутали, значит. Мы же с Марушаком местами поменялись – вот и перепутали.

– Вы сразу сообщили родным, что живы?

– Мама жила с моей сестрой, а я на сестру был в обиде и не писал. И в этот раз тоже не написал. Так до окончания войны моя мама и не узнала, что я жив.

А когда война кончилась, участникам парада, то есть нам, дали месяц отпуска, зарплату выдали, карточки пайковые, и мы все домой отправились, к родным. Мама дверь открыла и обомлела, смотрит на меня, плачет, а потом в обморок упала. А у меня с обмороками опыта мало было, я ее подхватить даже не успел. Вот и получилось маме от меня два

удара. Первый – душевный, когда похоронила она меня, а второй – физический, когда головой ударилась при обмороке.

– А Вы участвовали в Параде Победы?

– Да, и горжусь этим! Готовились к нему ночами: когда Москва спала, мы занимались строевой подготовкой.

Я проходил в колонне летчиков сводного полка 2-го Украинского фронта, которым командовал дважды Герой Советского Союза маршал Родион Яковлевич Малиновский. Я хорошо запомнил объезд парадных полков маршалом Жуковым и маршалом Рокоссовским.

Прозвучал четкий рапорт Рокоссовского, а затем громким эхом прокатилось «Ура!» фронтовиков в ответ на поздравления Жукова с Победой. Полки шли по Красной площади под марши сводного духового оркестра.

Колонну музыкантов замыкал особый батальон с опущенными знаменами разгромленных в боях элитных фашистских полков, дивизий и других подразделений. Никогда не забуду, как, поравнявшись с трибунами Мавзолея, воины бросали штандарты к его подножию.

**Дарья ХОРИШКО,
г. Симферополь**

Похоронка

*За плетень едва держалась,
Похоронку уронив.
И сирень в глазах снижалась
Над разрыхленностью нив.
Стало вдруг дыханья мало,
Будто это не листок,
Будто облако упало
Похоронкою у ног.
Зашатался под руками
Накренившийся плетень,
Задрожала под ногами
Перегнувшаяся тень.
Показалась незнакомой,
Будто вовсе не своя,
Хата, крытая соломой,
Потемнелая скамья.
Точно вдруг в траву осела
Вилами подкреплена
Подсыхающего сена
Полукруглая копна.
Только яблоня над мятой
Протянула к ней листву
И поддерживала мягко
Помертвелую вдову.
Солнце, шедшее к закату,
Наклонилось по пути,
Чтобы яблоню и хату,
И ее прижать к груди.*

Борис ДУБРОВИН

Нина Ганичева

Н.Д. ГАНИЧЕВА: Мы были детьми, пропустившими свое детство...

В ноябре 1942 года над Керченской переправой стоял затаенный крик. Сотни солдат, пытавшихся переправиться на другой берег, тонули в холодной воде. Средств передвижения на всех не хватало. В отчаянии люди использовали все, что могло держаться на воде, – от тесных лодочек до старых бочек. Течение не щадило никого.

Над морем в Капканах находилась школа, дети часто спускались вниз и вместо привычного морского пейзажа видели берег, усыпанный телами солдат. У Нины Дмитриевны Ганичевой до сих пор перед глазами эта жуткая картина.

– Н ИНА Дмитриевна, Вы помните, как началась война?

– Конечно! Я могу забыть, что было вчера, но те события накрепко засели в памяти. 15 июня 1941 года мне исполнилось десять лет. Помню первую бомбежку – 27 августа. Это было страшное время. Бомбили порт, летели снаряды. В воздухе гудели самолеты, и нам казалось, что в них сидят немцы с рогами. Даже не знаю, почему.

Сама я была не городская. Мы с матерью, сестрой и двумя братьями жили в Капканах, отец не дожил до этой войны. Я болела скарлатиной в то время, и мама 26 августа забрала меня из больницы, которая находилась на улице Шлагбаум-

ской. А 27-го числа больницу разбомбили. Все больные погибли. Наверное, мама почувствовала беду, она фактически спасла меня.

– Когда немцы заняли город, Вы все еще находились в Вашем поселке?

– Да. Немцы заняли Керчь в ноябре, на два месяца. В это время они собрали всех евреев и расстреляли их в Багеровском рву. Мой брат, Вова Ничистенко, был председателем комсомольской организации. Его должны были расстрелять вместе с двенадцатью ребятами-комсомольцами. Под Новый год наш десант вытеснил немцев, и брату удалось скрыться на лодке. Многие при этой переправе погибли. Он уцелел

и спас жизнь двум офицерам, взяв их в свою лодку. Одним из них был солист крымской оперетты Григорий Роговой. И после войны, в тяжелое голодное время, он помогал нам продуктами.

— **Вашему брату тогда было семнадцать. Он участвовал в подпольном сопротивлении?**

— Вова прибавил себе год и ушел на фронт. Воевал на территории Украины, затем в Болгарии, был много раз ранен. Победу встретил в Софии.

А нашему младшему брату Петру было всего тринадцать, когда он попал под облаву. Три года он провел в немецком концлагере под чужой фамилией.

— **Говорят, что некоторые отправлялись в Германию добровольно. Неужели это так?**

— Немцы агитировали население. Обещали нашим студентам хорошее обучение за границей, говорили, что обеспечат жильем. Но на самом деле им нужна была только рабочая сила. Ехать никто не хотел. В основном людей гнали туда силой. Хотя были единичные случаи, когда наши ребята отправлялись по собственной воле. Одна моя знакомая уехала так в Германию... Слышала, что она заболела там туберкулезом... Видно, не от хорошей жизни! Что дальше с ней было, не знаю.

— **Нина Дмитриевна, а Вы учились во время войны? Работали ли школы вообще?**

— Мы четыре года не учились. В 42-м, когда пришли немцы, они открыли школу в Капканах. Мы пошли записываться туда и узнали, что преподавателем будет священник. А тогда ведь многие атеистами были! И мы отказались учиться в школе, где уроки вел бы «слуга Бога».

В школу мы пошли уже в 1944-м. Немного поучились, а летом нас послали в колхозы. То есть мы были еще и участниками трудового фронта. Работали в колхозе, в деревне Каменка Ленинского района.

— **Как же Ваша мама справлялась со всем, что свалилось на ее плечи тогда?**

— Это вообще тяжело вспоминать! В 1942-м, когда немцы выгоняли жителей из Капкан, мама сильно заболела. Она лежала два месяца и не поднималась с постели. Мы остались в поселке одни. А я и сестра были маленькими девочками. Что мы могли сделать?! К нам пришли немцы. Они думали, что мы не сдаемся из-за того, что мама связана с партизанами. Но я пыталась объяснить, что она тяжело больна: к этому времени я уже могла объяснить на немецком.

Они ушли, и через некоторое время вернулись с врагом.

Врач, поляк, понимал по-русски. Немцы прислали машину, забрали все вещи и отвезли нас в город. Высадили на улице Прямой, дальше мы должны были выживать сами. Благо, на улице Щорса жил папин друг. Он принял нас. Мама медленно приходила в себя. Она умела шить и этим зарабатывала на жизнь: люди давали нам крупу, приносили еду.

Я не представляю, как мы выжили во время двухгодичной оккупации! У нас ведь ничего не было! Воду из колодцев почти всю вычерпали. Мне порой приходилось стоять у городской водокачки весь день, чтобы добыть воды.

Наш дом занял немец, и он иногда давал нам еду. От него мы узнали, что их командир собирает пластинки с русской музыкой, романсами. Мы решили пойти к нему со своими пластинками, надеясь получить взамен хоть немного хлеба. Я помню этого немца. Мы с мамой подумали, что он прогонит нас, а он дал нам столько еды, что мы еле утащили все домой! И масло, и хлеб, и крупы...

Простые солдаты тоже не причиняли нам вреда. У них была своя полевая кухня, и они даже подкармливали детей. А вот когда вошли эсэсов-

цы, начался террор. Три дня нас держали на стадионе и хотели расстрелять. Но началась бомбежка, и нам с мамой и маленькой сестричкой удалось сбежать. Меня тогда ранило. До сих пор шрамы остались.

— **Что из военных лет Вы помните лучше всего?**

— Я помню страшный момент в ноябре 1942 года. Когда над переправой стоял крик. Мы жили еще в Капканах, наши отступали под натиском немецкой армии. Это было тогда,

Немцы агитировали население. Обещали нашим студентам хорошее обучение за границей, говорили, что обеспечат жильем.

когда брат сумел переправиться. Солдаты тонули, их уносило течением... Они пытались переплыть, кто на шине, кто на бочке... Лодок было мало. Наша школа в Капканах находилась над морем. И мы с детьми спускались вниз и видели берег, усыпанный трупами. Это было ужасное зрелище.

Еще помню патриотизм наших солдат. Прямо в нашем огороде была перестрелка, шел бой. Молодые ребята шли в атаку со словами: «За Родину, за Сталина!»... И вообще, столько всего, сколько видели мы, будучи детьми, не дай Бог увидеть нашим внукам!

Брат Нины Владимир отмечает Новый год с фронтовыми товарищами, 1945 г.

— Не могли бы Вы описать одну из бомбовых атак, которые Вы пережили?

— Хорошо, расскажу. В Капканах, недалеко от школы, был магазин. Меня послали туда за мукой: во время войны хлеб не пекли, вместо него муку продавали. Когда я пришла, началась бомбежка, и в магазин попала бомба. Я забилась в угол и, наверное, поэтому осталась жива. А продавщицу убило на моих глазах. Меня охватил ужас. Летали «мессершмитты» немецкие, у них очень громкий рев. Я, помню, выскочила из магазина и вижу: бежит солдатик. Я — за ним. Он спустился в подвальчик какой-то. Я туда

же. Там оказался штаб. У нас же тут 21-я армия была. Я увидела много военных. В то время еще не было погон. Вместо них были «шпалы» и «звездочки» на воротниках, которые обозначали звания. Так вот ко мне обратился главный, судя по «шпалам» на воротнике, и велел, когда закончится бомбежка, уходить и больше никогда туда не возвращаться...

— А когда война закончилась, как Вы узнали о Победе?

— Люди, которые жили возле радиоточек, слышали об этом первыми. Они выбегали на улицу и кричали, что наши победили. Это было незабываемое чувство! Я могу сказать,

что это событие стало самым радостным в жизни, конечно, не только моей семьи, но и всего мирного населения.

Мой старший брат остался жив. Он еще некоторое время прожил в Софии, а затем переехал в Тирасполь. Младшего брата освободили из концлагеря после войны. Мама пошла работать на завод, а я присматривала за сестренкой, и так мы потихоньку справлялись.

Я не могу сказать, что жизнь после войны была легкой, но дружно мы смогли восстановить наш город. Конечно, война — это страшно... Мы были детьми, пропустившими свое детство. И не дай Бог такому случиться снова! Наши дети и внуки должны помнить, какой ценой нам досталась Победа...

**Елена ГОЛОВИНА,
Юрий РЕЗНИК,
г. Керчь**

Детство, опаленное войной

*На небе темном тусклая звезда.
А в поле маки, алые, как кровь.
Была война... забравшая года,
И первый снег... и первую любовь.*

*Как рано повзростеть тогда пришлось
Мальчишкам босоногим и девчонкам...
Когда ночами вовсе не спалось...
Когда нельзя было остаться лишь ребенком.*

*А небо стало злейшим из врагов.
С него на землю падали снаряды.
Тяжелых, выжженных войной годов
Познали самой горькой в жизни правды.*

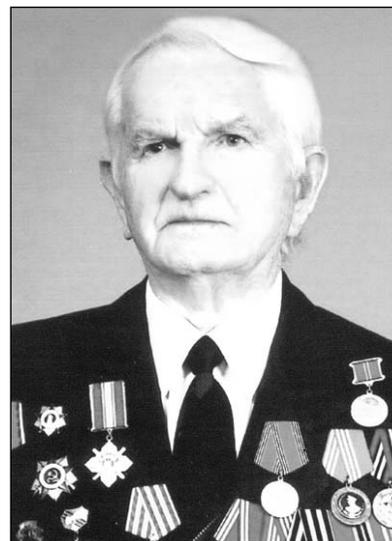
*В глазах отчаянье, в груди горит пожар.
Осколки в теле отдаются в душу...
Когда на равных были мал и стар...
И рвался праведный, кричащий гнев наружу.*

*За что отняли юные года?
Свинцовой мглой кто окутал небо?
Кто криками заполнил города,
Не оставляя ни воды, ни хлеба?!...*

*Металлом исцарапана душа.
Война... Она не выбирает.
Когда рвались вперед, нет, не дрожа,
А смело, мирно жить желали.*

*Бои закончились... Оставив за собой
Потери, но и славную победу!
А детство, опаленное войной,
Застыло в памяти... не выводимым следом.*

Елена ГОЛОВИНА

Георгий Галанин

Г.В. ГАЛАНИН:

**На фронт ушел
в 17 лет добровольцем**

Хотя по месту рождения Георгий Васильевич Галанин – волжанин (родился в 1923 году в Нижегородской области), своим родным городом он всегда считал Керчь, куда в пятилетнем возрасте переехал вместе с родителями, двумя сестрами и братом. В грозные сороковые совсем еще юному Георгию Галанину довелось быть и защитником, и освободителем будущего города-героя.

К НАЧАЛУ войны Жора успел закончить ФЗО и даже поработать электрослесарем в электроцехе госметзавода им. Войкова. В одном цехе с ним трудился его лучший друг – Николай Шепелев, буквально перед войной, после развода родителей, сменивший фамилию на материнскую – Ильин. Не разлей вода с детства, Жора и Коля – простые рабочие парни со 2-го Самостроя – будут идти одной дорогой войны, и последний бой у них будет один на двоих: на Ак-Монайских позициях в феврале 42-го. Николай погибнет на глазах друга, а Георгий получит тяжелое ранение, после которого останется инвалидом. Но это будет позже.

В конце сентября 1941-го гитлеровцы упорно рвались в Крым. В этот момент комсо-

мольцев Галанина и Ильина вызвали в комитет комсомола завода и предложили вступить в истребительный батальон ополчения. Парни согласились. Так они стали ополченцами.

Батальон находился на казарменном положении, его бойцы жили вначале в здании ФЗО, а затем главконторы госметзавода. Питались в столовой прокатного цеха. Ополченцам выдали охотничьи двустволки, патроны и по две «лимонки», изготовленные тут же на заводе. Комсомольцы учились стрелять по мишеням, несли службу по охране объектов завода и района.

Как раз в первый авианалет на Керчь Георгий стоял на посту у второй доменной печи. Он видел, как самолеты пикируют на порт, где вскоре начали рваться снаряды и ми-

ны. Одна из бомб попала в грузенный боеприпасами пароход, при взрыве огромный паровой котел выбросило за несколько сотен метров от причала. Еще дня два горело и взрывалось в порту после первой бомбежки. С 27 октября немцы бомбили Керчь ежедневно.

2 ноября батальон подняли по тревоге. Погрузили на машины и повезли в сторону села Мама Русская. Там немцы высадили воздушный десант. Пока доехали, его почти уничтожили. Но ополченцы успели пострелять по реальным целям, побросать гранаты. Это была первая встреча с врагом и боевое крещение для них.

Через три дня комсомольцев выстроили у проходной завода. Командир батальона, он же директор завода, товарищ Бакст попрощался со всеми и поспешил по своим делам – продолжалась эвакуация предприятия. Затем выступил комиссар батальона Гаранин. Он поблагодарил ребят за службу. Затем каждому вручили зарплату за два месяца, трудовую книжку и объявили: вы свободны. Что делать, куда идти – парни не знали, ведь бои уже были слышны со стороны Камыш-Буруна.

Жора и Коля решили в Аджимушкае поискать партизан,

они знали, что в каменоломнях заготавливают продовольствие. Почти день провели они там, но партизан не нашли. По дороге домой зашли в оборонный пункт г. Керчи (военкоматов в то время в городе уже не было), попросились на фронт. Им отказали: «Будет ваш призыв – призовут». На следующий день друзья вновь пришли в оборонный пункт. Уже другому военному рассказали о себе. Он поинтересовался, не струсят ли они в бою, на что услы-

Новобранцы носили форму, снятую то ли с убитых, то ли с раненых – на ней были и пятна крови, и дырки от пуль.

шал гордое: «А мы уже были в бою». Поразмыслив немного, начальник оборонного пункта дал «добро»: приказал зачислить их добровольцами в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. В соседнем кабинете вчерашний несговорчивый капитан выдал им справки, что они зачислены добровольцами в РККА для защиты города, после чего забрал паспорта и тут же бросил их в огонь печи.

Через пару дней добровольцев из Керчи – в основном 17–18-летних комсомольцев, необученных и необстрелянных, ночью погрузили на катера и переправили на кубанский бе-

рег. Поначалу расквартировали в Темрюке, где керчане и узнали, что их родной город был оставлен советскими войсками 16 ноября.

Керченские добровольцы пополнили потрепанный в оборонительных боях за Крым 115-й запасной полк 51-й армии. Георгий Галанин и Николай Ильин были зачислены в пулеметную роту. Жора учился стрелять из пулемета Дегтярева и легендарного «максима». Новобранцы изучали оружие, занимались строевой подготовкой, которая в условиях военного времени казалась им лишней. Все чаще солдаты роптали: когда же на фронт?

Но вместо фронта полк перебазировали в Новороссийск. Разместили в так называемых чапаевских казармах на берегу Цемесской бухты. Здесь их повели в баню, постригли, после чего они друг друга не могли узнать, а главное — выдали новое обмундирование (до этого новобранцы носили форму, снятую то ли с убитых, то ли с раненых — на ней были и пятна крови, и дырки от пуль). А тут гимнастерка, фуфайка, шинель, ватные брюки, шапка, каска, подшлемник и даже вещмешок — все с иголочки. Выдали также по два комплекта нательного белья, в том числе теплого, а еще НЗ — три плитки пшеничного концентрата, по несколь-

ко кусков сахара, сухари. Стало понятно, что готовят к отправке на фронт.

В ночь на 25 декабря роту, в которой служили керчане-добровольцы, погрузили на корабль. Куда он держал путь, командиры не говорили. Бойцы же думали: на Севастополь. Едва рассвело, как над судном появились «юнкеры» и «мессеры». Всем бойцам приказали спуститься в трюмы и не выходить до конца боя. На палубе остались матросы-зенитчики. В какой-то момент в трюме началась паника, кому-то из бойцов показалось, что корабль тонет. Одному из командиров пришлось паникера успокоить, пригрозив пистолетом. Когда шум боя стих, бойцам разрешили выбраться на палубу. Она почти полностью была разбита, у одной из зениток лежали четыре трупа, покрытые брезентом, сверху лежали бескозырки. Еще трое погибших матросов лежали с другой стороны кубрика.

Израженный корабль, который еще тащил на буксире подбитое малое судно, зашел в какую-то бухту, пришвартовался. Говорили, что это Тамань. Здесь солдат покормили, корабль «подшаманили», и он ночью 27 декабря вышел в море. Прозвучал приказ: готовьте оружие, идем в десант на Керчь.

Высаживались в Камыш-Буруне на один из уцелевших

причалов, откуда в довоенное время возили керченскую руду. Высадку начали ранним утром, в сумерках. Поначалу было тихо, но затем противник открыл шквальный минометный огонь с берега. Взрывной волной Жора сбросило в ледяную воду. Но он сумел выбраться — было мелко. Так в мокрой шинели и вступил в бой на плацдарме, где уже двое суток сдерживал напор немцев и румын первый эшелон десантников. Когда у противника отбили поселок Самострой, Георгий смог наконец переодеться в сухое обмундирование.

29 декабря десанниками был освобожден Камыш-Бурун. Группа разведчиков во главе с Дмитрием Калининым направилась в сторону города. Там выяснилось, что гитлеровцы успели удрать из Керчи. Преследуя отступающего противника, рота, в которой служил Галанин, остановилась в Марфовке. Георгий до войны бывал с отцом в этом красивом гостеприимном селе, населенном болгарами. Вот и теперь пожилая болгарка накормила голодных и замерзших солдат горячим супом, напоила душистым чаем.

В Марфовке пулеметчиков для быстроты маневра посадили на полуторки и приказали дальше преследовать противника. И дошла маршево-пулеметная группа почти до Старого

Крыма. Но только гитлеровцы быстро оклемались. И вот уже наши войска начали сдавать завоеванные позиции, неся огромные людские потери.

Через две недели гитлеровцы отбили обратно Феодосию. Некоторые части и подразделения 51-й и 44-й армий оказались в окружении. В этот период пулеметную роту включили в состав 63-й горнострелковой дивизии 44-й армии. Командир роты 22-летний лейтенант Евгений Жильцов — самый старший среди своих подчиненных — сумел вывести роту из окружения и закрепиться на позициях вблизи Дальних Камышей. Пулеметчики оборудовали огневые точки, замаскировали их бурьяном. Правда, вооружения не хватало. На каждое отделение полагалось по два «максима» и по два пулемета Дегтярева. На самом деле их было только по одному. Еще хуже было с обеспечением питанием. Попросту говоря, есть было нечего. Едва на горизонте появлялась полевая кухня, как немцы старались уничтожить ее. Тогда командир роты нашел выход: жарить шашлыки из конины. Конечно, никто никаких маринадов не готовил, поскольку ничего из продуктов не было, даже соли. От ее недостатка кровоточили десны.

Для жарки использовали мясо убитых во время обстрела

лошадей. Или сами бойцы, как они говорили, «ходили на охоту» за бродившими без присмотра лошадьми. Строчили по ним из пулемета — больше не из чего было, поскольку у пулеметчиков из оружия были только пулеметы и кинжалы.

Отдыха не знали, да и какой отдых в холодных окопах. Погода менялась резко: то оттепель, то мороз, то дождь, то вновь мороз. Забыли, что такое баня, донимали вши. В непрерывных боях, которые в сводках назывались безлико — «бои местного значения», теряли боевых товарищей. Но ничего не могло сломить дух керченских мальчишек. Они стойко держались на своих позициях. Ведь для них, как и для панфиловцев под Москвой, отступить было некуда: позади — их родная, любимая Керчь.

В ноябре 41-го, за неделю до оккупации города, почти 50 парней добровольно ушли в действующую армию. Они были участниками Керченско-Федосийской десантной операции. Оставшиеся в живых стали бойцами Крымского фронта. После войны в Керчь вернулись только трое — Георгий Галанин, Виктор Сороченко и еще один парень по имени Александр из Камыш-Буруна (его фамилию Георгий Васильевич позабыл). До наших дней дожил только Георгий Васильевич.

Он неоднократно писал в газеты, пытаясь найти своих боевых побратимов, но за все время откликнулся только один боец 63-й горнострелковой дивизии, который в февральские дни 1942-го был на Ак-Монайских позициях. Он потом приезжал в гости к Галанину. Пропавшим без вести числится Николай Ильин, ничего не известно о судьбе командира роты Евгении Жильцове.

Сам Георгий Галанин был тяжело ранен во время первого наступления Крымского фронта. Тогда на позициях было по-настоящему жарко. Как свечи, горели наши легкие танки, от непрерывной стрельбы плавилась дула пулеметов. Но немцы сопротивлялись яростно. Орудийный и минометный огонь подолгу не прекращался, бомбили с воздуха. Пулеметные расчеты гибли один за другим. Чтобы удержать позицию, на одну из таких огневых точек — на подмогу — побежал Николай Ильин. Так Жора потерял друга...

В какой-то момент Галанина подбросило вверх, после чего он потерял сознание. Когда очнулся, обнаружил, что лежит в каком-то болотце. Замерз так, что из раны перестала сочиться кровь. Кое-как выбрался и пополз по степи. Его практически в бессознательном состоянии подобрала похоронная коман-

да, которая собирала убитых. Отправили в 116-й медсанбат в Арма-Эли (с. Батальное), оттуда в госпиталь в Керчь.

Из Керчи тяжелораненого и обмороженного Галанина отправят на Кавказ, где он полгодом проведет в госпиталях. Чуть не лишится ноги. Выживет, но останется инвалидом. На фронт он больше не попадет из-за постоянно открывающихся ран.

В 1945 году он вернется в Керчь, израненный, на костылях, но живой. После шести лет разлуки отыщет родных — сначала старшую сестру,

потом мать. Сразу после войны у него не будет ни одной награды. Чуть позже наградят орденом Отечественной войны I и II степеней, уже в независимой Украине вручат орден «За мужество» III степени. Много у ветерана и юбилейных медалей. Жаль только, что так и не отмечены Родиной его боевые товарищи, до конца исполнившие свой долг перед ней. Безвестные герои Крымского фронта, отдавшие свои юные жизни за родную землю.

Оксана ШЕРЕМЕТ,
г. Керчь

Боль земли

*Как больно ей
От взрывов и штыков,
Как непонятны ранние могилы:
Она ждала
Усталых стариков,
Но юношей безусых
Поглотила.*

Борис ДУБРОВИН

Валентина Вострухина

В.И. ВОСТРУХИНА:

Вернуться? Но как тогда посмотреть в глаза раненым? Нет. Только вперед, к воде

Валентина Вострухина в 1942-м успешно закончила Московскую школу радистов и была направлена в 360-ю дивизию. Красивая, улыбчивая, уверенная в себе девушка заставляла бойцов расправлять плечи и вселяла в них дух победителей: мол, я ничего не боюсь, а вы, мужики, и по-давно не должны. Вперед, на врага!

В О ВРЕМЯ одного из боев часть, где служила Валентина, была изрядно потрепана немцами. День клонился к вечеру. В одном из блиндажей восемь раненых бойцов лежали вповалку. Тяжело контуженная медсестра ничем не могла им помочь. Здесь же оказалась и Валентина, державшая связь с командным пунктом. Впрочем, КП не отвечал: то ли был накрыт авиабомбой, то ли повредилась проводная связь.

Валя не находила себе места. Раненые просили пить. Смотреть на это было невыносимо: потрескавшиеся запекшиеся губы едва шевелились. Но Валентина явственно слышала: «Воды, воды, сестричка, воды, умираю...»

Валентина знала, что примерно в полукилометре от блиндажа течет небольшая ре-

чушка. На одном берегу немцы, на другом — наши позиции. Перестрелка не умолкает. Что делать?

«Воды, — вновь слышит радистка, — дайте хоть капельку перед смертью, Христом Богом молю». Она видит свернувшегося калачиком худощевого, совсем еще молодого бойца. Он ранен в живот. Боль, видимо, нестерпимая. А как жалобно смотрит. Сколько мольбы в этих глазах!

Валентина взяла три солдатских котелка, все, что нашла в блиндаже, и выглянула наружу. Тишина. Перестрелка прекратилась. Надолго ли? Немилосердно жарит солнце.

Пригнувшись, она сделала несколько шагов по направлению к речке. Примерно на полпути — поросшая шиповником лощина. Вот бы добежать и передохнуть там! С немецко-

го берега неожиданно затрещал пулемет. Рядом с Валею с тихим шорохом взметнулись султанчики пыли. Она упала. Тут же откуда-то из-за ее спины застрочил уже наш ручной пулемет. Несколько секунд Валя соображала. Вернуться? Но как тогда посмотреть в глаза раненым? Нет. Только вперед, к воде.

Она ползла, упрямо сжав губы. Котелки больно били по спине. Метр за метром. Наш пулеметчик старательно прикрывал ее. Немцы на том берегу делали все более длинные паузы. Возможно, они потеряли храбрую девушку из виду.

Она просто погружает лицо в холодную воду и жадно пьет. Какое это все-таки счастье – вдоволь напиться!

А вот и долгожданная речка. Вода чистая, видно илистое дно, снуют рыбешки. У Валею уже нет больше сил. Даже зачерпнуть воды котелком. Она просто погружает лицо в холодную воду и жадно пьет. Какое это все-таки счастье – вдоволь напиться! Валя набирает полные котелки воды, плотно прикрывает их крышками, ставит котелки в вещмешок и ползет к блиндажу. Мешок с котелками держит перед собой в вытянутой руке. Рука

немеет. Пот заливает глаза. Из последних сил ползет Валя. Вновь застрочил вражеский пулемет с противоположного берега. Вновь зашелестели вокруг фонтанчики пыли. Но Валя продолжает ползти.

Она не помнит, как ввалилась в блиндаж, как поила раненых. Помнит только, как один из них поцеловал ей руку.

Ночью раненых эвакуировали. А Валентину за этот подвиг наградили медалью «За отвагу»...

Войну отважная радистка закончила в Кенигсберге. Вот, что сказала Валентина Ивановна об этом счастли-
вом дне:

– Ночью, накануне Дня Победы я дежурила на радиостанции дивизии. И тут получаю радиограмму, где говорилось о конце войны. Когда я сообщила об этом, все вокруг будто с ума посходили: стали целовать меня, обнимать, пели песни, палили в воздух из автоматов и пистолетов. Кто-то смеялся. Кто-то плакал. Это был долгожданный миг Победы. Он до сих пор у меня перед глазами. Как те три котелка воды.

Николай ГОРЮНОВ,
«Крымская правда»,
2005 г.,
г. Симферополь

Баллада о вырубке

*Около Познани на войне,
Бросаясь на цитадель,
Солдат безымянный упал в огне,
Побагровела шинель.*

*Рядом с солдатом бежал солдат,
Не потерявший сил,
Донес его на плече в санбат,
Имени не спросил...*

*Не месяц, не год пролетел, а век,
Прошлое заслоня.
Вырубил в горе чужой человек,
Спас от беды меня.*

*Помню седой головы овал
С щетинкою на губе...
– Слушай, зачем собой рисковал?
Я же чужой тебе...*

*Ответил:
– Я не знаком с тобой,
Но не забыл огня:
Помню Познань и помню бой,
Помню, ты нес меня.*

Борис ДУБРОВИН

Алексей Соколовский

А.А. СОКОЛОВСКИЙ: Страшно было умереть в самом конце войны

Мы шли на встречу с человеком, который прошел всю войну, дошел до Берлина. Мы очень волновались: вдруг ему тяжело будет вспоминать военные годы? И каково было наше удивление, когда дверь открыл жизнерадостный, подвижный и очень приветливый человек! Трудно было представить, что Алексей Александрович Соколовский – живой свидетель той страшной войны, которую мы знаем лишь по фильмам и учебникам. Мы как-то сразу нашли общий язык. Он с интересом расспрашивал нас о жизни в лицее, а мы его – о фронтовой юности.

– А ЛЕКСЕЙ Александрович, Вы коренной керчанин?

– Я родился в Кировоградской области. А в 1930 году семья переехала в Керчь. С тех пор моя жизнь связана с этим городом. Среднюю школу №2 имени Желябова закончил в предвоенном 1940-м.

– А дальше что было в планах?

– Пошел служить в армию. Осенью 1940-го в Керчи призывали ребят 1920–1921 года рождения. И я получил повестку. В начале октября укомплектовали одну из команд – 110 комсомольцев со средним образованием. Никто из нас не знал ни времени отправления, ни пункта назначения. Повест-

ку о явке я получил за день до отправки и сразу же пришел в городской военкомат. Там уже было много народу. Целый день до вечера прошел в ожидании, а на ночь мы устроились на ночлег. На следующий день стало известно, что отправка будет через час. Вечером того же дня мы были в Джанкое.

В октябре 1940 года нас отправили на Западную Украину, в город Чертков. Запомнились частые выезды на полевые учения, а еще частые ночные тревоги и облавы – поиски бандеровцев, которых в то время в окрестностях Чертова было много. Батарея наша, численностью в 120 человек, была многонациональная: грузины, армяне, евреи,

немцы, русские — и все жили очень дружно!

— **А где Вы встретили войну?**

— Как раз в Черткове. Здесь я впервые увидел немецкий бомбардировщик, который покружил над нашей частью и улетел, обратив на себя внимание только необычной формой, раскраской и черными крестами на фюзеляже. Но уже через пять минут рев сирены в части насторожил нас: случилось что-то серьезное. А еще через некоторое время мы услышали выступление Молотова по радио...

А дальше было отступление. Наш 168-й артиллерийский полк отправили в Киев. Не раз на переходах мы испытывали панику, страх окружения. Нас преследовали немецкие самолеты, летающие на бреющем полете над самыми головами. Однажды попали под сильнейшую бомбежку большой группы немецких самолетов. Они «утюжили» нас от души! Именно тогда я потерял своего одноклассника Ленью Федырко. Это была первая смерть на моих глазах. Многих товарищей я терял на войне, но эта первая потеря сильной болью врезалась в сердце. Наверное, тогда я окончательно понял, что началась настоящая, жестокая, смертельная война...

С трудом мы прорвались к Киеву, соединились с наши-

ми огневицами на левом берегу Днепра и приняли участие в обороне города. Однако, после того как немцы переправились через Днепр, нас сняли с позиций и железнодорожными эшелонами перебросили на защиту Харькова, под город Чугуев. Это было уже в конце августа — начале сентября 1941 года. Страшными и жестокими были бои за Украину. Мы отстаивали каждый метр своей земли, дрались до последней капли крови, но враг тогда был сильнее.

Через полтора месяца нас отправили под город Казань, на станцию Юдино. Там, как тогда говорили, формировалась третья Сталинская линия обороны, то есть оборона по реке Волге. А в конце ноября — начале декабря 1941 года мы уже принимали участие в боях за столицу! Участвовали в контрнаступлении наших войск на Дмитровском шоссе и в районе канала имени Москвы. Здесь я принял настоящее боевое крещение. На огневых позициях нашего полка под Москвой я встретил новый, 1942-й, год.

В феврале нас перебросили на Волховский фронт, под станцию Спасская Полисть, где обстановка была крайне сложной, велись серьезные бои. В том же месяце наш третий артдивизион под командованием майора Ермака был брошен на усиление войск 2-й ударной армии, ко-

торая пыталась прорвать блокаду Ленинграда в районе города Любань.

Само место прорыва было очень узким — сначала до 13 километров шириной, а потом немцы его сузили до двух километров. В марте 1942 года наша армия была окружена почти полностью. Спротивление врагу оказывали в тяжелейших условиях: в лесах и болотах, в глубоких снегах, при сильных морозах, на месте полностью уничтоженных немцами селений.

Очень скоро мы на себе почувствовали, что значит быть в окружении: не стало продовольствия и боеприпасов, некуда было эвакуировать раненых. Люди стали болеть «куриной слепотой»: от недостатка витаминов в плохо освещенных местах пропадало зрение. Особенно страдали под вечер. Можно было видеть смешные и одновременно удручающие картины, когда целая вереница «временно ослепших» солдат, державшихся за хлястики шинелей друг друга, передвигалась за передним зрячим.

Предпринимались попытки снабжать нас всем необходимым с воздуха, но это была капля в море! Наши самолеты сбрасывали продукты и боеприпасы

ночью, на очень узкую полосу лесной дороги, без ориентировки, и бывало так, что грузы попадали не к нам, а к немцам.

Примерно через месяц наши войска очистили горловину прорыва, и стало легче дышать, ситуация улучшилась, мы ожили, куда-то делась «слепота»...

Здесь, в заснеженных и заболоченных лесах, четкой линии фронта не было, она еще не установилась. Как у нас, так и у немцев, были отдельные очаги сопротивления, которые постепенно соединялись друг с другом траншеями из снега.

Можно было видеть смешные и одновременно удручающие картины, когда целая вереница «временно ослепших» солдат, державшихся за хлястики шинелей друг друга, передвигалась за передним зрячим.

Провоевав в таких условиях до начала мая 1942 года, наш дивизион вместе с другими частями был выведен из прорыва и отведен к основной нашей части у деревни Спасская Полисть. Нам повезло, потому что 25 июня 1942 года «коридор» прорыва окончательно был закрыт немцами, а это значит, что практически все, кто там остался, погибли.

С июня до конца сентября 1942 года мы участвовали в боях за станцию Мга и за Синявин-

ские высоты. Здесь у селения Назия нашу часть основательно потрепали: погибло много разведчиков, связистов, наш командир батареи. И я тогда чуть не погиб под рухнувшей крышей блиндажа. Торчала только рука, по которой меня быстро обнаружили и откопали. Но контузию получил.

После окончания основных наступательных операций за Синявинские высоты нашу часть сняли с позиций и отправили в Кострому. Там были трехмесячный отдых, ремонт и переформировка. А в феврале 1943 года нас снова отправили на фронт.

— Какие бои запомнились Вам больше всего?

— Бои за город Кириши на реке Волхов. Там, на нашей стороне реки, был небольшой, но очень важный немецкий плацдарм. Для нас он был как бельмо в глазу, а врагу нужен очень! Неудивительно, что дрались насмерть. В этих боях перемалывалось много техники и людских жизней. Дело дошло до того, что были исчерпаны все людские резервы. В боях стали принимать участие добровольцы соседних воинских частей, но все равно не удавалось сбросить немцев в реку и ликвидировать этот плацдарм. Город Кириши был превращен в развалины, дорожную цену мы заплатили... Но

город взяли и плацдарм ликвидировали.

Потом наша часть освобождала Новгород, Псков, Юстров, а далее Прибалтику. 121-я артиллерийская бригада большой мощности (так мы стали называться в конце войны) участвовала в освобождении Риги, а затем передислоцировалась в Восточную Пруссию.

— Алексей Александрович, складывается такое ощущение, что войну Вы помните в мельчайших подробностях. А какой эпизод считаете самым ярким?

— Это было в конце войны... Шли бои за город-крепость Грауденц на реке Висла. Февраль на Висле в тот год выдался теплым, река не была покрыта льдом, и мы получили задание переправиться в город на подручных средствах. Нашли полузатопленную лодку без весел и, гребя кто доской, кто прикладом, кое-как переправились. В городе шли уличные бои, в которых мы принимали участие. И, как выбили оттуда фашистов, стали возвращаться к себе в часть.

На берегу, где мы оставили лодку, решили поискать настоящие весла. Между штабелями досок и навесом, за низеньким барьером из помидорных ящиков, я в полутьме, буквально в метре от своего лица, увидел чьи-то глаза, а затем яркую огненную вспышку в лицо... С криком «ребята, немец!» я

отскочил на несколько шагов к береговому скату. Под ноги мне полетела граната, и, упав, стала вертеться возле меня. Я успел скатиться вниз и тут же услышал взрыв. Надо мной полетели осколки. Выскочивший из-за штабелей человек в гражданской одежде начал стрелять из карабина. В короткой перестрелке он был убит.

Потом мы узнали, что это был агент, который готовился к внедрению в наш тыл. У него нашли документы на немецком, латышском и польском языках.

Еще долго просыпался я в страхе, увидев во сне его глаза и вспышку желтого пламени, полыхнувшего мне в лицо... К счастью, та пуля сорвала лишь родинку на правом виске. Страшно было умереть в самом конце войны...

Но мне повезло. Я дошел до Берлина и остался цел! На одной из колонн рейхстага в самом низу есть и моя подпись, выцарапанная ножом: «Соколовский (не генерал) из Керчи».

**Алексей СУРОТКИН,
Роман КОРСАК,
Максим БОЧКАРЕВ,
г. Керчь**

Ладога

*Что-то нынче Ладога взыгралась,
Раскачав, встревожила волну —
Вспомнила ль войну, как расступалась,
Принимая тех, кто шел ко дну...
Или тишина тебе не нравится,
Что лежит в округе столько лет,
Или красота твоя не славится,
Северный ее неброский свет?
Жалуешься, может, мать-Отчизне,
Что не можешь тех вернуть ребят,
Кто шагнул с твоей Дороги жизни
И с тех пор на дне твоём лежат?
Не ищи имен в подводных списках,
Не терзайся совестью своей —
Родина вернула в обелисках
Матерям погибших сыновей...*

Алексей СОКОЛОВСКИЙ

Василий Сериков

В.Н. СЕРИКОВ:

Снаряд, которым нас подбили, оказался нашим спасением

Многое повидал в своей жизни Василий Никитич Сериков. Судьба раз за разом проверяла его на прочность: с малых лет он познал сиротство, бродяжничество, еще в самом начале Великой Отечественной войны стал свидетелем страшной бомбардировки Ленинграда. Но испытания закаляют дух человека и делают его сильнее.

МЕНЯ призвали в армию в восемнадцать лет, в начале 1942-го. От станции Талица нас направили эшелоном в Тюмень. А в Тюмени в то время находились миллионы беженцев: казарм для военных построено не было, а жилья из-за беженцев не хватало. Военный комендант города объявил, что для воинских частей жилья не будет: «Ищите лопаты, топоры, пилы. Вот вам лес, а вот вам земля. Ройте себе землянки сами!» И каждая рота сама начала выстраивать себе казармы.

Некоторое время мы пробыли в этих самодельных казармах, а затем нашу часть направили на фронт. Нашим первым заданием было исследовать и, по возможности, захватить Кенигсберг. Готовился массиво-

ванный десантный захват. Войска должны были высадиться в лесах города. Каждый самолет вмещал в себя тридцать человек в полном обмундировании. Тот самолет, где находился я, был подбит почти сразу после вылета, и мы получили приказ вернуться обратно в часть.

Я был без сознания, под землей, не засыпанной осталась только рука. Когда ее собирались подобрать и потянули, я застонал.

Позднее мы узнали, что снаряд, которым нас подбили, оказался нашим спасением.

Для того чтобы летчик видел, куда сбрасывать десантников, в лесах стояли наши солдаты и жгли сигнальные костры. Немцы узнали о плане захвата, перебили солдат в лесу и целыми отрядами поджидали на-

ших десантников возле костров. Никто не вернулся из этого боя. Большинство было убито, а кто-то попал в плен, что, сами знаете, было еще хуже.

В составе 3-го Украинского фронта мы воевали в Венгрии в 1944 – 1945 годах. Шли тяжелые, продолжительные бои. Особенно тяжелым для меня был бой за взятие Будапешта. Многие погибли тогда. Я находился в окопе, от взрыва меня откинуло и полностью засыпало землей. О том, как был спасен, я узнал уже гораздо позже, когда очнулся. После каждого сражения целый взвод осматривал поле боя и находил раненых, которых относили в лазарет. Подбирали и убитых, некоторых собирали просто по кускам – такое страшное оружие было у немцев! Мне говорили потом, что я счастливчик: моя жизнь висела на волоске, и спастись удалось чудом. Я был без сознания, под землей, не засыпанной осталась только

рука. Когда ее собирались подобрать и потянули, я застонал. Меня откапывали несколько человек. Так я был спасен. Эх, живы ли сейчас мои спасители...

Незначительное ранение я получил еще в Шапроне на границе Австрии. Некоторое время находился в лазарете, но комендант Шапрона призвал из лазарета всех, кто мог ходить и держать в руках оружие, в полк выздоравливающих, потому что не хватало сил, чтобы задержать наступающие войска.

Так постепенно мы дошли до Вены, и как раз тогда, когда нас должны были направить на передовую, нам объявили, что в этот день в два часа ночи закончилась война. Мы победили! Все ликовали! Однако военную деятельность я не бросил. Окончил военное училище и дослужился до полковника.

Записала
Дарья ХОРИШКО,
г. Симферополь

Восемнадцатилетний

*Мне хотелось вобрать всю листву, все увалы,
Мне хотелось запомнить всех трав имена.
Мне впервые природа такой представала,
И глаза на нее мне раскрыла война.*

*Восемнадцатилетний, как будто впервые,
Видел я и пригорки, и росчерки птиц.*

*И опять продолжались пути полевые
Мимо полустлевших, замшелых криниц.*

*Где-то сбоку мутнели белесые хаты,
Наплывали на нас горьковатым дымком.
Шли березы, как будто из плена, в заплатах,
Головою к корням мы валились ничком.*

*Мы щетиною грязной до глаз зарастали,
Нам давали под сорок – бывавшим в бою.
Словно люди не знали, что так начинали
Восемнадцатилетние юность свою.*

Борис ДУБРОВИН

Галина Щукина (Чередник)

Г.Ф. ЩУКИНА:

**Спросонья не поняла,
о какой войне идет речь.
Подумала: кто-то
из соседей поссорился**

В документах архивного фонда «Коллекция документальных материалов периода временной немецко-фашистской оккупации 1941–1944 гг.» отмечено: «По неполным данным, в Киеве замучено, расстреляно, отравлено в душегубках более 195 тысяч советских граждан, в том числе в Бабьем Яру – более 100 тысяч мужчин, женщин и детей; в Дарнице – более 68 тысяч советских военнопленных и мирных граждан; в противотанковом рву возле Сырецкого лагеря и на самой территории лагеря более 25 тысяч советских мирных граждан и военнопленных» (из справки Государственного архива Киевской области).

18-летняя Галочка Чередник – умница и красавица – в 1943 году, когда за связь с областным подпольем была брошена в Сырецкий концлагерь, относилась к категории мирных граждан. Но она сполна хлебнула горя, пробив десять месяцев в концентрационном лагере, известном на всю Украину жестоким обращением с узниками. Ужасы тех дней и по прошествии почти семи десятилетий не отпускают ее, не стираются из памяти. Прожитое вспоминается только со слезами на глазах...

ГАЛИНА родилась в городке Кагарлык Киевской области 26 января 1925 года. Ее отец работал инженером на сахарном заводе, мама, учитель по образованию, занималась домашним хозяйством, воспитывала троих детей. Коммунист Федор Чередник был грамотным, опытным специалистом, поэтому его посылали поднимать сахарозаводы Киевщины и Житомирщины. Се-

мья переезжала вслед за ним, и в родном Кагарлыке семейство Чередник мало кто знал.

Перед самой войной Галина как раз закончила девятый класс. Собиралась учиться дальше, потому что мечтала быть балериной. Хорошистка Чередник была заводилой в школе, сочиняла стихи, ей легко давались русская литература и немецкий язык, которым она владела свободно.

Война застала семью Чередник в Таращанском районе. В воскресенье 22 июня 1941 года Галина проснулась поздно. Накануне в Лучанской средней школе прошел выпускной вечер, в котором участвовали и старшеклассники. Спросонья не поняла, о какой войне идет речь. Подумала: кто-то из соседей поссорился. А когда поняла, в чем дело, долго не могла поверить в услышанное.

Из Лучан Чередник вернулся в Кагарлык. Отец рассчитывал отправить семью в эвакуацию, сам же он оставался в подполье (об этом Галина узнала значительно позже). Но эвакуироваться не удалось. С приходом немцев отец продолжал работать главным инженером на сахарном заводе. Туда же устроилась на работу лаборанткой и Галина.

Однажды к ней пришел работник заготзерна Коваленко. Он спросил, знает ли Галина немецкий язык. Потом добавил, что хорошо знает ее родственников. В разговоре предложил слушать все, о чем говорят немцы и передавать эти сведения ему. Так началась деятельность связанной кагарлыцкого подполья Галины Чередник. Конспирация была такая, что девушка даже не догадывалась, что состоит в одной организации с родным отцом, близкими родственниками, один из которых — Иван Васильевич Сергиенко, ее дядя, — воз-

главлял Киевский подпольный обком партии. После войны ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Как-то Галина по указанию Коваленко должна была идти в Харьков с какими-то документами, но накануне ее остановил некто Демченко, главный механик завода, как выяснилось уже после войны, немецкий шпион, удачно маскировавшийся под советского служащего. Он сказал, что о Галине все знает, даже то, что она собирается в Харьков. Это насторожило девушку, и она об этом разговоре рассказала Коваленко. Тот успокоил: странно, конечно, что он тебе сказал об этом, но бояться Демченко не стоит, он — комиссар подпольной коммунистической организации. А вскоре начались аресты.

Галину и отца арестовали в один день — 17 января 1943 года. Тогда в Кагарлыке арестовали более 600 человек, в основном мужчин. На подводах по лютому морозу повезли через Васильков в Киев. Тогда Галя отморозила пальцы на ногах. Но это было мелочью по сравнению с тем, что пришлось пережить потом.

В Киеве кагарлыцких подпольщиков привезли на улицу Короленко, 33 — в гестапо. Галя допрашивал следователь-немец через переводчика. Прекрасно понимая следователя и без переводчика, она сначала

и виду не подала, что знает немецкий. Пока не услышала, что переводчик не точно переводит ее слова. Вернее, говорит не то, что она сказала. И тогда девушка заговорила по-немецки. Следователь еще пристыдил ее, что скрыла прекрасное владение немецким языком, и поинтересовался: не немка ли она?

В тот же вечер Галину, ее подругу Таню и еще одну женщину, как полагает Галина Федоровна, кто-то попытался спасти. Их перевели на улицу Короленко, 15 — туда, где содержались уголовники, а не политические, которых, уже все знали, взяли ночью на расстрелы в Бабий Яр. Но девушки возмутились и потребовали, чтобы их вернули обратно. 6 февраля их направили в Сырецкий концентрационный лагерь.

В Сырецкий лагерь направляли врагов третьего рейха, которых в основном охраняли полиция. Караульную службу несли немцы-эсэсовцы. Женщин в лагере содержали отдельно от мужчин. Жили в бараках, питались отвратительно: на завтрак — кусок хлеба из проса, баланда, кофе-эрзац; в обед — неочищенная картошка, залитая горячей водой. Через какое-то время стали давать конину, но обессилевшая Галина уже не могла ее есть. Об этом как-то узнал ее земляк и попросил отдавать мясо ему. Девушка честно отдавала свою

пайку, а потом узнала, что тот, кто должен был передавать мясо, забирал его себе.

Маленькую, худенькую Галю мало кто звал по фамилии, все больше — Кагарлыцкой. Так это прозвище и закрепилось за ней. Она вместе со всеми ходила в мороз валить лес, весной и летом работала в поле. Какое-то время поработала в швейной мастерской. Однажды, разбирая одежду, она узнала пальто своего отца и заплакала: к ним свозили вещи расстрелянных.

Каждый барак делился на сотни. И не дай Бог, если из сотни убежал хоть один человек. Тогда выстраивали оставшихся 99 человек и каждого десятого выгоняли из строя и расстреливали на месте.

По лагерю ползли слухи, что какой-то мужчина попытался убежать, а потом, узнав, что из-за него погибнут люди, вернулся в лагерь. Расстреливали много, еще больше издевались. Особенно изощрялась бывшая комсомолка-активистка Лиза Логинова. Говорили, что до войны она возглавляла какую-то крупную комсомольскую организацию, а в Сырце стала комендантом женского лагеря. Она жестоко избивала девушек и женщин, заставляла грызть землю, чуть ли не языком вылизывать туалеты.

Но самым страшным в Сырецком концлагере были так на-

зываемые «концерты». Галине только один раз пришлось пережить весь ужас показательного убийства. В первом ряду выстроили узников, за ними полицейских, затем — немцев. Привели мужчину, всего израненного, да так, что кожа лохмотьями на теле висела. Его подвели к дереву и натравили собак. Дерево подожгли, чтобы раненый не мог на него взобраться. Охранники пристально смотрели на заключенных, чтобы выявить сочувствующих. Галина тогда чуть

Какое-то время поработала в швейной мастерской. Однажды, разбирая одежду, она узнала пальто своего отца и заплакала: к ним свозили вещи расстрелянных.

сознание не потеряла, но женщины, стоявшие рядом, крепко держали ее, чтобы не упала.

В лагере они всегда были даже не на шаг, а на полшага от смерти. Однажды один из немцев получил извещение, что его семья в Германии попала под бомбежку. Тогда он схватил автомат и, заскочив в один из барачков, начал всех расстреливать.

Когда началось наступление советских войск, часть заключенных гитлеровцы стали готовить к отправке в Германию, а часть — оставляли для obsługi солдат.

Галину в числе других погрузили в товарные вагоны и отправили на Запад. По дороге, где-то на Подолии, эшелон остановился, заключенным разрешили выйти. И Галина воспользовалась случаем. Вместе с подругой, женой политрука Галиной Трушиной она сбежала. Вначале девушки попали на хутор Окуневских, где хозяйка их накормила, а ее сын увел подальше от места побега.

Дорога домой была полна приключений, неожиданностей, таких как встреча с партизанами легендарного Ковпака. В Кагарлыке еще хозяйничали немцы. Девушки прятались в скирдах соломы. А вскоре городок был освобожден нашими войсками. Начиналась новая жизнь, мирная...

На молодость Галочки Чередник, в замужестве — Галины Федоровны Щукиной, выпали тяжкие испытания. Зато в дальнейшем жизнь дарила только радость, говорит она. Выросла дочь, подросли внуки, растут две правнучки и правнук. «Счастлив тот, кто не помнит своего прошлого, — по-немецки произносит Галина Федоровна и грустно добавляет: — А мы помним...»

**Оксана ШЕРЕМЕТ,
г. Керчь**

В ожидании победы

*За стеной, за больничной белой
Ручеек ворковал молодой...
Как весной умирать не хотелось,
Умирать не хотелось весной.*

*Спотыкалось слабевшее сердце,
Обмирало во мраке ночей...
Как хотелось еще наглядеться,
Наглядеться на первых грачей.*

*Не терпелось рассвета дожидаться,
Приподняться над болью самой.
Как хотелось еще надыхаться,
Надыхаться наивной травой.*

*Зов капели — великая милость,
Он возник и приник, не затих...
Может быть, потому и случилось,
И случилось остаться в живых.*

Борис ДУБРОВИН

Екатерина Селищева

Е.В. СЕЛИЩЕВА: **Перевязывая раненых,** **я и не заметила,** **как нас окружали** **фашисты**

Екатерина Васильевна Селищева – крымчанка по всем показателям: родилась, училась, воевала, прожила почти всю свою жизнь в Крыму. Мы часто ходим к ней в гости, и каждый раз она встречает нас у двери со словами: «Мои девочки пришли!» О многом рассказывает, многому учит.

КАТЯ Селищева родилась 29 сентября 1923 года в Джанкойском районе, в деревне Новый Букет, примыкавшей к Сивашу. До войны деревня славилась не только изобилием рыбы, тучными стадами коров и овец, но и известными на всю округу овощами и артезианским колодезем. К сожалению, сейчас на карте Крыма деревни уже нет, а колодец остался.

В Новом Букете школы не было: каждый день ребята ходили за семь километров в Таганашскую среднюю школу. Там Катя проучилась восемь лет. В 1939-м поступила в Симферопольский библиотечный техникум: учиться в столице Крыма было почетно. Но до войны успела закончить только два курса...

Летом 41-го Катя вместе с другими студентками вступила в санитарную дружину крас-

ного креста. «Нас обучали, как оказывать первую медицинскую помощь в бою, учили ползать по-пластунски, стрелять из винтовки, бросать гранаты», – рассказывает Екатерина Васильевна. Вскоре она добровольцем записалась в 51-ю армию, формировавшуюся в Крыму.

Екатерина очень хотела попасть в 106-ю дивизию: там, в 397-м полку, ее брат Петр командовал пулеметной ротой. Через неделю службы оказалось, что в суматохе Селищева приехала в 156-ю, где и получила первую военную прописку. Но Катя рвалась к брату. Помог ей в этом начальник разведки 106-й стрелковой дивизии майор Кукидзе.

В 1942 году она вместе с братом вступила в ожесточенную схватку с фашизмом, защищая родную землю. Но преимущество немцев было очевидным. Наши войска, оказывая упорное

сопротивление, стали отходить в сторону Керчи. Переправившись через Керченский пролив, 106-я дивизия заняла оборону на косе Чушка. За время ведения обороны и отступления до пролива Катя испытала все ужасы войны: смерть близких людей, тяжелые ранения солдат и душераздирающие крики: «Сестричка, помоги!» Помогала как могла, но часто чувствовала собственное бессилие, когда ее помощь уже не имела никакого смысла.

На косе Чушка 106-я дивизия, сильно потрепанная в предыдущих боях, передала свои позиции частям 77-й стрелковой дивизии, сменившей ее в обороне. Это была первая

окружения; с тяжелыми боями вырвались из кольца и поредевшие части дивизии. Войска отступали в Сталинградском направлении. Это было тяжелое лето 1942 года. Катастрофическое отступление можно было остановить жесточайшими мерами. Именно в это время вышел приказ Верховного Главнокомандующего, известный под названием «Ни шагу назад!».

Доставив больных и раненых в лечебные учреждения в Закавказье, Катя попала в 242-ю стрелковую дивизию, которая держала оборону на перевалах. Там условия были настолько суровыми, что их с трудом переносили даже мужчины. Поэтому поступил приказ:

Бойцы открыли ураганный огонь по фашистам, не давая им поднять головы. Катя, взвалив на свои хрупкие плечи тело обессиленного командира, поползла в укрытие.

встреча Кати с бойцами 77-й дивизии, в которой ей впоследствии придется воевать до конца войны.

А пока Кате предстояло пережить еще более тяжелое испытание: в центре Барвенковской западни оказалась ее 106-я стрелковая дивизия, попавшая в окружение. С большим трудом с помощью проводников из местного населения больных и раненых удалось вывести из

всех женщин с перевалов снять и отправить в другие дивизии. Так в октябре 1942 года Екатерина Васильевна попала в 77-ю дивизию,

которую считает родной. Она с гордостью представляется на встречах: «Я, старший сержант Селищева Екатерина Васильевна, служила санинструктором в 105-м стрелковом полку 77-й Симферопольской Краснознаменной ордена Суворова им. Серго Орджоникидзе дивизии». Солдаты и офицеры хорошо знали и ценили Катю, которая готова была оказать помощь в любой боевой обстановке.

Командир батальона поднял цепь в атаку, но тут же как подкошенный упал. Несколько бойцов кинулись к нему, но земля вокруг закипела от вражеских пуль. Как из-под земли возникла Катя. Раздался ее резкий крик, заставивший всех вздрогнуть от неожиданности: «Назад, ребята! Я сама!» «Стой, Катя! Остановись!» – закричали бойцы. – «Прикройте меня, бейте по огненным точкам!» И она быстро поползла к истекавшему кровью комбату. Бойцы открыли ураганный огонь по фашистам, не давая им поднять головы. Катя, взвалив на свои хрупкие плечи тело обессиленного командира, поползла в укрытие. Вокруг свистели пули, вздымались фонтаны пыли и разлетались осколки камней.

Бойцы подхватили комбата и увлекли их с Катей за выступы скалы. И тут, обессилив от нервного и физического перенапряжения, Катя потеряла сознание. Лицо и руки ее были в царапинах. «Ранили?! Живали?» – испугались бойцы. Катя очнулась: «Жива, пройдет...» Бойцы залюбовались милым лицом отважной девушки. Оно было расцвечено золотыми веснушками. Один из бойцов удивленно развел руками: «Ну, право, как солнышко». С тех пор ее и величали Солнышком.

Находясь на передовой, Катя сама постоянно подвергалась опасности, но пули ее миловали. Затем наступила череда ранений, в том числе и тяжелых. Первое ранение Катя получила в период выхода из Изюм-Барвенковского котла, но из боя не вышла, продолжала выполнять свои обязанности.

Санинструктор Селищева участвовала в форсировании Сиваша, в освобождении Симферополя, в штурме Сапун-горы, в боях по освобождению станции Лебеди и хутора Красный на Кубани. На вопрос «Что Вам запомнилось больше всего?» Екатерина Васильевна отвечает: «Все годы войны – сплошные эпизоды, которые забыть нельзя». А потом добавляет, что помнит все: «Первые годы, когда испытывали недостаток предметов вооружения, с боями отступали, теряли боевых товарищей, оставляли города и села, но в сердце укреплялось чувство, что мы вернемся и уничтожим врага на нашей земле. Навсегда остались в памяти оборона нашей земли, бои на Перекопе, Сиваше. Когда мы с санинструктором Татьяной Нечай разгребали землю и вытаскивали раненных солдат». Также говорит, что навсегда запомнились бои по освобождению хутора Красный и станции Лебеди.

«В этот день раненых было много, очень много. Двенадцать раненых скопились около

Катя Селищева с фронтовыми подругами

одной воронки. Перевязывая их, я и не заметила, как меня вместе с пострадавшими окружали фашисты. Тогда пришлось с боем вместе с ранеными прорываться к своему подразделению. В этих боях я получила пулевое ранение правой ноги, но боли в тот момент даже не почувствовала... Не уходя с поля боя, я продолжала перевязывать бойцов. Когда перевязывала тяжело раненого офицера связи лейтенанта Хавронины, получила ранение левой ноги осколками мины. Здесь же на моих глазах от мины погиб командир роты. Передвигалась ползком, меня заметил боец Фарух Алиев, и он на руках вынес меня с поля боя».

Девушку тогда внесли в ближайшую избу, где прямо

на полу, на соломе, уже лежали несколько десятков тяжело раненных бойцов. В помещении никого из медперсонала не было, стоял тяжелый воздух, пропитанный запахом необработанных ран и окровавленных повязок. Из-за отсутствия медпомощи, воды и еды люди теряли последние силы и медленно умирали. Их зарывали тут же, в огороде. Люди, казалось, смирились с тем, что обречены.

Екатерина Васильевна вспоминает, что трагическую обстановку исправила ее тезка, энергичная молодая женщина в форме артиллерийского командира. Она быстро подняла на ноги местное население и на мажарах отправила всех раненых во

фронтовой госпиталь. С благодарностью вспоминает она свою спасительницу. К сожалению, фамилию ее так и не узнала. Более пяти месяцев врачи боролись за жизнь Екатерины, только благодаря их высокому профессионализму удалось избежать ампутации ног.

Свою часть Катя догнала под Тихорецкой. И снова бои. Кровавопролитные. Изнуряющие. В 1944-м, освободив Северный Кавказ, Чечню, Ставрополь, Кубань, Донбасс, дивизия получила спецзадание фронта – форсировать Сиваш. В форсировании участвовала и санитарструктор Селищева. Екатерина Васильевна часто рассказывает о событиях той осени: «Предстояло захватить плацдармы на Перекопском перешейке и Сиваше. Это были поистине тяжелейшие, ожесточенные бои за каждый метр нашей Крымской земли. В это время усиленными темпами проводились работы по строительству переправы, понтонного моста, парома, насыпи для строительства моста в районе острова Русский.

Наступление началось 7 апреля 1944-го, и только на третьи сутки ожесточенных боев дрогнули немецкие войска. 8 апреля вступила в бой 77-я стрелковая дивизия. Преодолевая сопротивление вражеских войск, захватила три траншеи противника, саперы прошли, прочистили

проходы от мин, и войска устремились преследовать бежавшего врага в направлении Симферополя. Наш батальон прошел севернее города Джанкоя, освободил поселок Октябрьское, Марьяновку. Примечательно, что форсирование Сиваша войсками под командованием генерала Толбухина проводилось так же, как в 1920-м под командованием Фрунзе: в одно и то же время года – в ноябре, проводником был один и тот же человек – крестьянин-рыбак из деревни Строгановка Иван Иванович Оленчук, которому в 1943-м было уже 70 лет».

12 апреля 1944 года 77-я дивизия продолжала преследовать немцев, отступающих к Симферополю. А утром 13 апреля советские передовые отряды и подразделения ворвались в город, освобождая его от вражеского военного гарнизона. Вели бои за железнодорожную станцию, один из поселков, завод «Первое мая». К 17 часам город был полностью освобожден. После этого одиннадцати частям и подразделениям присвоили наименование «Симферопольские», в том числе и 77-й стрелковой дивизии. Этим гордились. Были раненые, но кто мог стрелять, не хотели идти в медсанбат или госпиталь. Все хотели участвовать в штурме Сапун-горы и освобождении Севастополя.

С улыбкой Селищева рассказывает: «А вот один из раненых, кому оказывала помощь, нашел меня через сорок лет! Приехал из Узбекистана и обратился в военкомат с просьбой найти доктора из 77-й Симферопольской стрелковой дивизии, которая его лечила на передовой. И нашел меня в областной библиотеке им. Франко, где я работала старшим библиотекарем. Смотрит на меня и говорит: «Да, это она, доктор, которая все знает!».

Мужество, стойкость и героизм проявили бойцы дивизии при освобождении Севастополя и штурме Сапун-горы. В течение недели днем и ночью вели бои за каждый метр земли. «Под непрерывным обстрелом, под бомбежками убирали мины, делали проходы, выбивали врага из огневых точек. Раненых было много, более 2500 убитыми и ранеными потеряла только наша 77-я дивизия», — с болью вспоминает Екатерина Васильевна.

Она закончила войну в Прибалтике, по-прежнему находясь в составе 77-й дивизии. Имеет множество наград: орден

Отечественной войны I степени, орден «За мужество» I степени, две медали «За боевые заслуги», медаль «За оборону Кавказа», медаль «За Победу в Великой Отечественной войне» и медаль «Защитника Отечества».

«Фронтальная закалка и партийная совесть не позволяют мне уйти в запас и сегодня», — говорит Екатерина Васильевна. Сейчас она ведет большую общественную работу, поддерживает связь со многими школами и музеями Крыма. Она, как всегда, с увлечением готовит пособия и плакаты для предстоящих встреч с молодежью. Екатерина Васильевна передала множество плакатов в наш школьный музей боевой славы, где они занимают почетное место. С помощью этих пособий старшеклассники ответственно выполняют поручения Екатерины Васильевны, проводя классные часы и экскурсии для младших учеников.

Ольга ГОКОВА,

Регина АБДУРАХМАНОВА,
поисковый отряд гимназии №11
им. К.А. Тренева,
г. Симферополь

Бикфордов шнур

*Скорее прочь: бежать от динамита,
Порывисто подложенного мной.
Скорее вбок — по насыпи намытой,
Скорее вниз — по наледи речной.*

*Я взрывом сброшен в ров обледенелый.
Я распростерт, а мост остался цел.
Я мало мог. Я ничего не сделал.
На жизнь взглянуть я толком не успел.*

*А вдруг опять на шпалах подвернется
Моя нога. А рядом — динамит.
Бикфордов шнур горит. Огонь крадется
И навсегда меня опередит.
И на заре я просыпаюсь ранней,
И тишина предчувствием томит:
Горит бикфордов шнур воспоминаний.
Вот-вот опять взорвется динамит.*

Борис ДУБРОВИН

Михаил Крук

М.А. КРУК:

**Мы сняли фашистский
кормовой флаг и
нашли сейф
с документами**

О подвигах советских моряков на суше и на море в годы Великой Отечественной войны ходят легенды. Одним из таких примеров героизма и доблести является судьба моряка-подводника, капитана 1-го ранга – Михаила Александровича Крука.

– М ИХАИЛ Александрович, как так получилось, что Вы, будучи 17-летним пареньком, были призваны на военную службу?

– В Советском Союзе было создано семь военно-морских средних специальных школ. И несмотря на лето, когда в основном все дети в лагерях, 6 тысяч московских мальчишек подали заявления на поступление в 1-ю военно-морскую школу. Среди них был и я. Тогда проходил очень строгий отбор: из 6 тысяч можно было принять всего 520 человек. Большинство ребят не прошли медицинскую комиссию, потому что для этого требовались абсолютное здоровье и хорошая физическая подготовка. И вот 1 сентября 1940 года меня вместе с другими ребятами распределили по трем классам-ротам. Я в свои 16 лет попал во 2-ю роту. Наряду с общеобразовательными предмета-

ми мы изучали и военно-морские дисциплины. Меня сразу назначили помощником командира взвода, потому что к тому времени я уже имел звание яхтенного рулевого 1-го класса и прошел обучение в морской школе Осоавиахима. А 1 мая 1941 года наша спецшкола участвовала в последнем предвоенном параде на Красной площади. Помню, в тот день пошел сильный снег, а мы были в летней форме, ведь май на дворе.

– Где и как Вы узнали о начале войны?

– Мы тогда находились на острове Валаам, на Ладожском озере, где проходили курс молодого матроса. Нас готовили для принятия присяги. В ночь с 21-го на 22 июня я дежурил на сторожевой вышке и на финском берегу увидел пожар, но не придал этому большого значения. Нам говорили, что обстановка очень напряженная и

Подводная лодка «С-33» на базе, г. Поти, Грузия

картошка, которую мы запекали в углях. Вот это вкуснота необыкновенная! (Смеется.)

— Получается, Ваша «сухопутная кампания» прошла относительно благополучно?

— Не совсем. Осколок от мины попал мне выше колена, торчал тогда, я его и выдернул. Потом сестренка подошла, обработала рану и перевязала, сейчас только шрам остался.

— А как часто Вам удавалось писать письма своим родным и близким?

— Вы знаете, дело в том, что, когда мы находились под Москвой, не до писем было. Может, раза два я маме написал, она в Москве осталась. Отец, как и я, был на войне, погиб под Вязьмой, а я тогда под Старой Рус-

сой был, мы так и не встретились с ним. До войны он был замдиректора ВГИКа, и когда образовывались ополчения, все его студенты были направлены на формирование ополченческих полков, а у отца бронь была. Отец тогда пошел к первому секретарю московского комитета партии Щербакову, с которым они были дружны, и сказал, что хочет пойти со своими студентами. И в знаменитой Вяземской операции, в которой погибло много людей, сложил свою голову и он. Ему было сорок три года. И я до сих пор не знаю, где он похоронен.

— Михаил Александрович, что есть война для Вас?

— Это философский вопрос. Для меня, война, наверное, как

и для любого другого человека, это трагедия. В первую очередь трагедия. Я не знаю ни одной семьи, которую бы не затронула война, в которой бы не потеряли родных и близких. И особенно я всегда с глубочайшим уважением относился к женщинам, которые воевали.

— Вы много знали таких?

— Конечно, вот Маша Галышкина — у нее было три медали «За отвагу». У женщины! Это же о чем-то говорит. Катя Демина — Герой Советского Союза. Со многими из них и после войны я встречался. Вот не зря говорят, что у войны не женское лицо. Но они ни в чем не уступали мужчинам и заслужили огромное уважение.

— Что-нибудь расскажете о морских боях?

— В годы войны я совершил три боевых похода на подводной лодке «С-33». В последнем боевом походе, в марте 1944 года, мы вели артиллерийский бой с немецкой быстроходной десантной баржей (БДБ). Выпустили мы тогда порядка пятидесяти снарядов из 45-мм пушки — не тонет. Выпустили около шестидесяти снарядов из 100-мм орудия — не тонет. Уже не отвечают на наш огонь, но держатся на плаву. Тогда командир Борис Андреевич Алексеев, капитан 3-го ранга, принимает решение подойти к борту БДБ. Мы подошли: всюду на палубе лежали

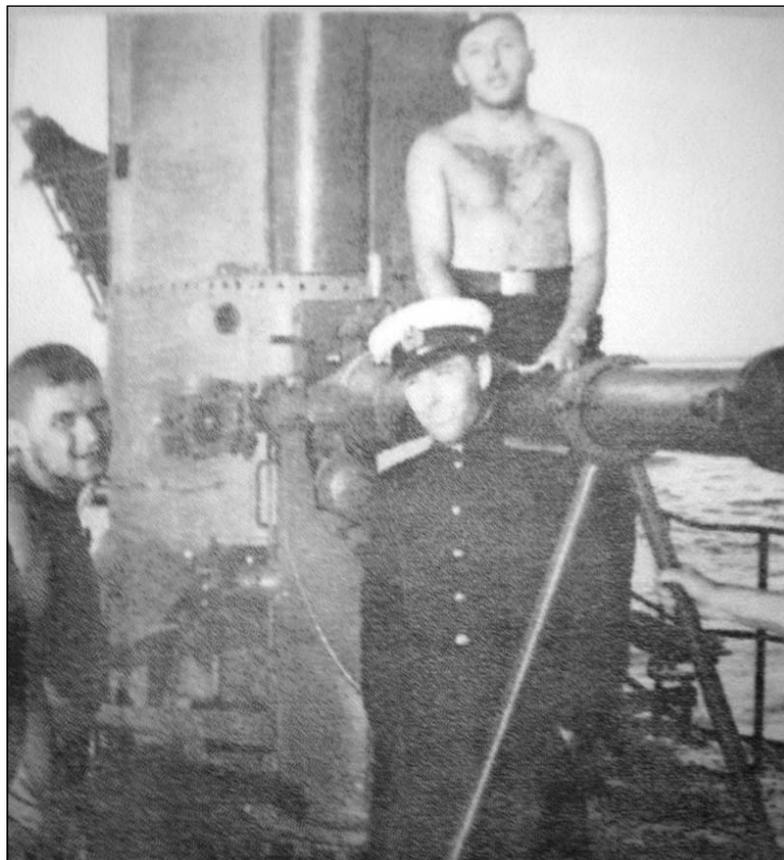
немцы, мы сняли фашистский кормовой флаг, забрали шесть немецких автоматов и нашли сейф с документами. Он сыграл очень важную роль, потому что в нем находились планы немецких минных постановок, которых у нас не было, и это помогло в дальнейшем наступлении наших войск и освобождении Крыма. Потом уже в училище мне вручили орден Красной Звезды за этот артиллерийский бой, командир лодки Алексеев стал Героем Советского Союза, а подводная лодка — гвардейской. Но самое интересное, что после выпуска я попал на эту лодку командиром минно-артиллерийской боевой части и служил на ней уже долго.

— Какие боевые задачи были возложены на Вашу подводную лодку?

— В первую очередь, все задачи подводных лодок связаны с уничтожением надводных и подводных сил противника. Моя лодка «С-33» уничтожила одиннадцать немецких кораблей, в уничтожении трех из них я участвовал, будучи еще курсантом. Также в задачи входили высадка диверсионного десанта и разведывательные операции.

— А что собой представляет морская разведка? Как Вы получали разведанные?

— Для разведки мы использовали не только радиолокацию, была у нас и сверхбыстродей-

После боевого похода. Михаил Крук сидит на пушке, 1943 г.

ствующая аппаратура (СБД). Ведь под водой я не могу радиол использовать, только принимать сигнал до 15–20 метров.

Для передачи сигнала нам надо подняться к поверхности. Для связи было выделено определенное время. Например, сеанс связи четко в 16 часов, мы всплываем к поверхности и в течение пятнадцати секунд должны обеспечить контакт. Этот

обмен связью сложен для подводника, но крайне необходим.

Помню, тяжелейший случай был, когда подводная лодка «Л-23» ушла в поход, атаковала немецкий конвой, доложила о проделанной операции и больше на связь не выходила. Через три месяца поисков было официально объявлено, что «Л-23» погибла. Командирами на ней были капитан 1-го ранга Кре-

стовский и капитан 3-го ранга Фартушный... И потом всегда, когда мы проходили эти места, где, по нашим предположениям, могла затонуть «Л-23», бросали в море венки, выстраивались командой, опускали флаг и включали «Варяга».

– **Михаил Александрович, морские и сухопутные войска помогли друг другу?**

– В обороне Москвы и в контрнаступлении под Москвой Севастополь сыграл огромную роль. По плану «Тайфун» немецкого генерального штаба, 300-тысячная армия Манштейна с огромным количеством танков и самолетов была направлена на взятие Крыма и Севастополя. Но не получилось это у немцев. 250-дневная оборона Севастополя оказала огромную помощь защитникам Москвы в дальнейшем разгроме противника. Поэтому мы всегда считаем, что города-герои Москва и Севастополь – побратимы, они связаны кровью. И главная трагичность в том, что порядка 80 тысяч наших матросов и красноармейцев остались в Крыму, когда наши корабли ушли из Севастополя, поскольку уже невозможно было входить в город. Но то, что корабли ушли на Большую землю, помогло сохранить флот для дальнейших боевых действий.

– **Михаил Александрович, война сама по себе – тяжелей-**

шее испытание для человека, как физическое, так и моральное, а для подводников, наверное, это осложняется еще и замкнутым пространством, нахождением в одних и тех же условиях... Вам доводилось наблюдать случаи срывов у моряков?

– Я отвечу вам словами Героя Советского Союза, командира подводной лодки Магомеда Гаджиева: «Никто так близко не стоит к смерти, как экипаж подводной лодки. Там или все погибают, или все возвращаются с победой». И я с ним полностью согласен. Подводники – это особые люди. Я, когда подбирал себе экипаж из молодежи, с каждым беседовал лично, ведь в первую очередь важны жизненные принципы будущего подводника. Я человека по поведению сразу могу определить. Есть характерные черты, избавиться от которых очень сложно. А вообще, я не знаю ни одного случая, чтобы кто-то из подводников изменил Родине, предал товарищей.

И, конечно, главным всегда остается физическое здоровье, потому что в замкнутом пространстве подводной лодки движения очень немного, и может развиваться гипотония. Помню, на атомных лодках у нас были оборудованы спортивные залы с множеством тренажеров. И потом у подводников участились сердечные приступы,

потому что тренажер требует большой физической нагрузки, а организм в аморфном таком состоянии из-за отсутствия движения, что очень сильно сказывается на здоровье.

— **Были случаи, когда Вам, как капитану, приходилось отправлять кого-то на берег?**

— Да, у меня было несколько случаев, когда я списывал на берег. Например, был у меня такой матрос, прекрасный человек, в чистоте содержал каюткомпанию, но как погружаться — он бегом ко мне на центральный пост: «Товарищ командир, мы всплывем или не всплывем?». Я говорил: «Всплывем, конечно, иди, не беспокойся». Но вот он не мог привыкнуть к погружениям. Пришлось отправить его на береговую базу. Но он всегда приходил нас встречать и провожать.

— **А кормили вас хорошо?**

— На лодках всегда хорошо кормили. Единственное что — хлеб не выпекали. А так консервы, копчености, и даже икра была.

— **Забавные случаи наверное тоже бывали?**

— Это было уже после войны, когда я лодкой командовал... Нам положено 50 грамм вина к обеду. Бачок на пятерых. Я как-то шел по лодке, смотрю, в одном отсеке косенький матросик, в другом... Я вызываю к себе, спрашиваю: «Слушай,

в чем дело?» — «Ну, товарищ командир, в бачке 250 грамм — сегодня один пьет, завтра другой...» Я тогда приказал со следующего дня вино выливать в компот. Такой компот вкусный получался! Проходит пара недель, приходит ко мне мой секретарь комсомола: «Товарищ командир, вот мы собрались с ребятами, даем вам слово — каждый будет сам за себя пить, только не надо больше в компот вино выливать». Как рукой сняло!

— **Михаил Александрович, какими были Ваши впечатления от немецкого военного флота?**

— У немцев были очень хороший флот и прекрасно отработанные экипажи. Я встречался с немецкими противолодочными кораблями, у них уже была акустика, которой у нас не было. И если они вцепились в тебя, то очень сложно было уйти, какие только маневры мы не совершали. Немецкие подводники были неплохо подготовлены. Это был непростой противник, и шапками его не закидаешь.

— **Существуют ли морские приметы? Верите ли Вы в них?**

— Конечно. Вот 13-го числа и в пятницу мы старались не выходить в море. Но если 13-е выпадало на пятницу, то минус на минус — получается плюс, тогда мы выходили в море. Или: чайка ходит по песку — моряку сулит

тоску; чайка села в воду — жди хорошую погоду. Значит, тишь, гладь и Божья благодать. Я, в общем-то, не суеверный человек, но традиции всегда соблюдал.

— **Михаил Александрович, Вам снится война?**

— Вы знаете, редко. Я стараюсь себя лишней раз не настраивать на этот минор. Поэтому что очень больно вспоми-

нать все это. Особенно сейчас, когда я один остался, без жены. Поэтому, если что-то военное снится, я просыпаюсь и уже больше не засыпаю. Война для меня связана с огромными потерями: прежде всего близких, друзей, родственников. И это до конца жизни будет так.

Александра РЫБИКИНА,
г. Москва

На подмосковном рубеже

*Еще не думал, что напрасно
Из мастерской своей
В блиндаж
Он захватил привычно
Краски,
Альбом,
Палитру,
Карандаш.*

*Он в пехотинцы был зачислен
И молчаливо нагружен,
Как будто бы стальной кистью,
Противотанковым ружьем.*

*Среди чернеющего чада
Пожарища
Над рубежом
Ель обгорелая
Торчала
Обломанным карандашом.*

Борис ДУБРОВИН

Константин Аверкиев

К.В. АВЕРКИЕВ:

**Очень переживали,
что война закончится,
а мы так и не успеем
подвиг совершить**

С Константином Владимировичем мы встретились в шахматном клубе, где он просиживает днями напролет. Он начал беседу очень оживленно и вел рассказ, постоянно жестикулируя, посмеиваясь и нетерпеливо поглядывая на наших соседей за столами, которые в это время играли в шахматы. Он иногда терял нить рассказа, торопясь поделиться последними новостями, новой найденной им информацией... Он и к войне относится с таким же любопытством, как ко всему в жизни.

—К ОНСТАНТИН Владимирович, как вы попали на фронт?

— Мы пришли на войну, как воробушки, совсем юные и, по большому счету, считали ее забавой. Очень переживали, что война закончится, а мы так и не успеем подвиг совершить! Меня призвали в 17 лет, 10 декабря 1944-го.

Сначала была довоенная подготовка. Нас знакомили с легким вооружением: пистолетами, наганами, автоматами. Тяжелое вооружение узнавали уже на фронте. Нас было 250 человек, двести из которых должны были отправиться в охранные войска МВД — охранять военнопленных: тогда миллионы находились в заключении. Конечно, никому из нас не хотелось быть в числе этих двухсот.

Очень скучная и гадкая работа! Мы мечтали попасть на фронт, но отправляли туда только пятьдесят человек. После окончания военной подготовки к нам приезжали представители воинских частей. Мы называли их «покупателями», потому что именно они отбирали нас для службы на фронте. Наш «покупатель», старший сержант, был очень веселым человеком. Много шутил, песни распевал. И все мы хотели воевать вместе с ним.

Так сложилось, что незадолго до этого я посмотрел чудесный фильм «Серенада солнечной долины». Очень музыкальный, удивительный фильм. Я слышал, что он понравился Гиммлеру, и в Швеции была куплена одна копия. С тех пор ленту довольно часто смотрели в подвале Главного управления

имперской безопасности, особенно во время ночных бомбежек, когда нельзя было допрашивать арестованных. Я смотрел ее 17 раз во время фашистской оккупации Симферополя. Конечно, у меня не было денег, чтобы ежедневно посещать кинотеатр, но мы перепрыгивали через заборы или пролезали вне очереди. Я каждую строчку, каждую песню знал наизусть. И вот «покупатель» услышал, как я пою. Ему так понравилось, что он сказал: «Ты вот со мной пойдешь! Ты свой!» Так я

Мы побежали туда и увидели, что на планере сидит немец, совсем юный, может, даже младше нас, и плачет. Плачет, как ребенок, от холода и от страха.

и попал в зенитно-артиллерийский полк, который находился в городе Кременчуг.

10 декабря был потрясающе теплый день, мы шли в одних рубашках пешком до вокзала. А как только переехали через Перекоп, поняли, что везде на Украине зима. А в Харькове нас разделили: тех, кто в охранные войска, отправили на Урал, а нас — в Кременчуг. Ночью три человека из охранных перебежали к нам. Бегут они к старшему сержанту и просят остаться. Долго упрашивали, в конце концов, тот сдался: «Ладно, поезжайте с

нами. А, чтобы вас не посчитали дезертирами, мы отправим телеграмму из нашего полка». Так нас стало пятьдесят три.

В Кременчуге нас обмундировали и отправили на фронт, но путь оказался долгим. Постоянно приходилось останавливаться, чтобы перенаправлять пушки, которые стояли на платформах в нашем эшелоне. И добрались в Будапешт только к 20 января. До нас там не было зенитно-артиллерийских войск — только прожекторные батальоны.

Немецкая авиация продолжала снабжать оставшиеся пехотные войска провизией и оружием. Красные парашюты, как искры от фейерверка, сыпались с неба близ Будапешта. Проектористы ослепляли авиаторов, но больше ничего сделать не могли: фонарем-то самолет не собьешь. Но прожектористы не знали, что наш полк уже занял позиции в Будапеште. А когда они увидели, что по освещенным прожекторами самолетам стреляют, они были несказанно рады и встречали нас как добрых друзей!

— **Расскажите, как проходили Ваши дни на фронте.**

— Вообще-то мало кто из нас по-настоящему воевал. В основном мы подавали снаряды. Но случалось, конечно, всякое. Город разделен Дуна-

ем на две части: Буда и Пешт. Пешт — равнинная территория, а Буда — довольно гористая, состоит из цепи невысоких холмов. Так вот наши заняли Пешт, а в Буде засели немцы. Сесть немецким самолетам не удавалось из-за гор, и поэтому туда пускали планеры с продовольствием и оружием. И вот однажды планер сел в Пеште, в трех кварталах от нашей батареи. Ветром его, что ли, занесло. Мы побежали туда и увидели, что на планере сидит немец, совсем юный, может, даже младше нас, и плачет. Плачет, как ребенок, от холода и от страха, потому что им рассказывали, что большевики пленных не берут, а просто расстреливают. Мне его так стало жалко, что я наклонился к нему и говорю по-немецки: «Не плачь, не бойся!» А потом пришли из комендатуры и забрали его. Позже я узнал, что его оставили в живых: тоже, видать, пожалели.

— **Вы говорите, что мало кто из вас по-настоящему воевал. Но от крови и от потерь на войне ведь не уйдешь...**

— Чтобы кто-то из наших под обстрел попал или во время сражения погиб — этого не было. А вот по глупости погибали. Помню, был случай. Заняли мы в Будапеште мебельный комбинат. А там были огромные склады этилового спирта. Молодежь долго думала, как же с ним по-

ступить. Пить поначалу боялись: можно отравиться. Но потом решили, что если его хорошо разбавить водой, то ничего не случится. Трое ребят отравились и скончались через день после веселой попойки.

Еще был печальный случай. Одного мальчишку, тоже из Симферополя, посадили на гауптвахту за то, что он приставал к женщине. Не знаю точно, что там произошло. А гауптвахта находилась в одном из подвалов города. Там хранилась часть немецкого оружия, в том числе и фаустпатрон. Прекрасное и ужасное смертельное немецкое изобретение. Ни у кого еще не было такого оружия. Мы тогда много о них слышали, но никогда не видели. Так вот этот солдат поставил себе на колено фаустпатрон и принялся его разглядывать и разбирать. Отвернул боеголовку и нажал на кнопку пуска. И хоть сам патрон был снят, волна запала обожгла ему все тело. Там же в подвале он и скончался, нашли мы его уже остывшим. Много было трагических моментов...

А героического подвига так никто из нашей компании и не совершил. Но после войны каждого из нас наградили медалями за штурм Будапешта, так что долгожданную награду все-таки получили.

**Дарья ХОРИШКО,
г. Симферополь**

Дубок

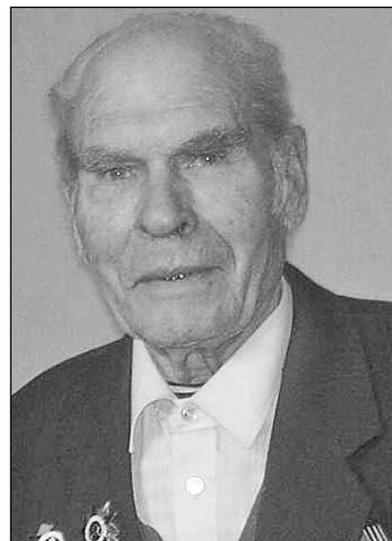
*Перепрыгнув через бруствер,
Он рванулся напрямиком,
И дубок бы только хрустнул
Под солдатским сапогом.*

*Был дубок такого роста,
Так невзрачен на лугу,
Что его гвардеец просто
Перепрыгнул на бегу.*

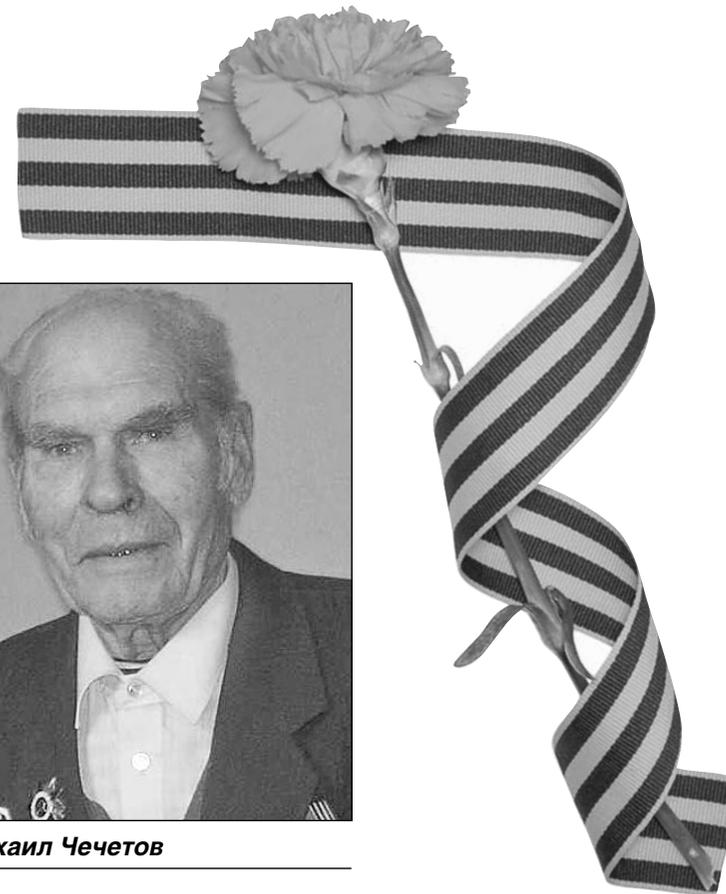
*Облегла трава густая
Покачнувшийся дубок,
И уже вдали растаял
Топот кованых сапог.*

*А когда промчались годы,
Дуб высокий,
Полный сил,
Сам листвою
В непогоду
Новобранца заслонил.*

Борис ДУБРОВИН

Михаил Чечетов

М.Ф. ЧЕЧЕТОВ:

**Я уничтожил всех, кто
хотел убить меня и
моих товарищей**

Михаила Чечетова война застала в городе Днепродзержинске. Ему шел пятнадцатый год. Паренек увлекался футболом, играл на домре, но главной страстью Миши было рисование. Он занимался в изостудии при Доме пионеров и мечтал стать художником, не предполагая, что судьбой ему отведено совсем другое: стать сначала воином, защитником Родины, а затем человеком мирной профессии строителя-созидателя.

«Д Н Е П Р О Д З Е Р - Ж И Н С К был оккупирован осенью 1941 года. «Жизнь сразу изменилась, — вспоминает Михаил Фомич. — Мы, вчерашние мальчишки, как-то сразу повзрослели. Повсюду стали расклеивать приказы, указы, призывать, чтобы ехали в Германию работать. И одновременно начали появляться другие листовки — наши, советские, с призывом не подчиняться немецкой власти. Тогда начались облавы, после которых молодежь насильно угоняли в Германию. Я дважды попадал под облаву, и дважды меня проверяла медицинская комиссия, и дважды меня отпускали. В первый раз я натер чесноком глаза. Потом долго пришлось лечиться, но зато немцы признали трахому,

а это заразная болезнь. Во второй раз спасением для меня стала исколотая иголкой до крови и натертая опять же чесноком рука. Она сильно опухла, очень болела, но как только я показал ее немецкому доктору, он меня прогнал. Много несчастий было в оккупацию: кого расстреляли, кого угнали. Но мы ее пережили. И дождались своих».

Через два года, осенью 1943-го Днепродзержинск был освобожден советскими войсками. Михаил сразу пошел в военкомат, его направили в истребительный батальон, который состоял из гражданской молодежи. Несколько дней пробыл в составе батальона и написал рапорт, попросился добровольцем на фронт. В неполные 17 лет. Военкомат дал «добро», и около ста добровольцев из Днепру-

дзержинска отправили в Харьков, в запасной полк. В первую столицу Украины добирались пешком. Михаилу запомнился сопровождающий — капитан-фронтовик, раненый, который все время повторял: «Сынки, я не оставлю вас где попало, в хорошую воинскую часть определю». Добрались до Богодухова, где почти месяц проводились занятия по военной подготовке.

«А в один день переодели нас в старое обмундирование, отобрали по росту, возрасту, образованию человек сорок, наверное, и в ночь вышли мы в поход. По слухам, в другую часть, — продолжает вспоминать Михаил Фомич. — Шли несколько дней, по дороге помогали древесину грузить в вагоны, на двух сахарных заводах побывали. Голодали немножко. Привели нас в Ахтырку, в 30-ю окружную школу Харьковского военного округа. Оказалось, что это школа снайперов».

Из добровольцев в школе было сформировано два батальона. Все юноши, почти одногодки. «Я до этого никогда из винтовки не стрелял, — говорит Михаил Фомич. — Поэтому пришлось на все сто выкладываться на занятиях по стрельбе, а также на других занятиях — по тактике, маскировке, строевой подготовке, изучению уставов. Два раза мы сдавали экзамены, которые принимал команду-

ющий Харьковским военным округом. На расстоянии ста метров рисовали на различных предметах черный кружок, а я должен был все пули положить в цель. Вот так и отбирали на фронт».

Обучение было сокращенным. Рапорта на фронт были подписаны. Михаила Чечетова направили в 4-ю роту 4-го батальона 236-го стрелкового полка 74-й дивизии 8-й гвардейской армии. В то время батальон, куда его назначили снайпером, базировался на советско-польской границе. «Форсировали Вислу, заняли оборону и стали готовиться к наступлению. В обороне стояли около месяца. За это время я каждый день вел наблюдение за позициями немцев, — рассказывает ветеран. — У нас были специальные книжки снайперские. В одну, «На охоту» называлась, я записывал, в каком районе нахожусь, в какой роте. И, если уничтожал пулеметчиков или снайперов немецких, командир части, где я находился, расписывался об этом в книжечке. Во вторую книжку заносил все сведения о своих наблюдениях: там блиндаж немецкий, там пулемет, там еще что-то. Разведку вел».

Первую разведку снайпер Чечетов провел при обороне на реке Варта. Болотистая местность, вокруг заросли лозы. Траншеи заполнены водой.

«Мы ночью выдвинулись в боевое охранение. По колено в воде прошли к немецким позициям. Замаскировались, наблюдали и слушали. Жутковато было, ведь метрах в двадцати от нас — враги. Была и разведка боем: перед наступлением поступил приказ определить огневые точки противника. После этого нас перебросили на другой участок фронта. Сначала был во втором эшелоне, а потом, когда началось наступление, перешел в первый. Так и шел в атаку со

Во второй раз спасением для меня стала исколотая иголкой до крови и натертая чесноком рука. Она сильно опухла, очень болела, но как только я показал ее немецкому доктору, он меня прогнал.

снайперской винтовкой. У меня даже каски не было. Шинель, плащ-накидка, шапка — вот и все обмундирование снайпера. Единственное, если в засаде сидел, то маскировался травой или ветвями деревьев, а в снег — винтовку белой материей обматывал».

Наступление велось на польские города Лодзь и Познань. Сильные бои были, вспоминает Михаил Фомич, но немцы отступали под напором советских войск: «Сначала освобождали Лодзь, тогда я несколько пулеметных точек уничтожил.

А в Познани завязались уличные бои. Мы шли вперед, но на одной из улиц по нам начали бить крупнокалиберные пулеметы. Подняться не могли. Надо было делать рывок, а во взводе уже людей не хватало, офицеров вообще не было — все погибли. Комсорг батальона привел нам взвод автоматчиков на подмогу, а сам ушел. И тогда я поднялся: «Вперед! За Родину! За Сталина!» А за мной и остальные поднялись и пошли мы вперед. Вышли к какому-то заводу, там меня в голову ранило. Сначала даже не понял, отчего так голова закружилась. Перевязку сделал и опять вперед перебежками. Добежал до высоковольтной линии, и тут мина разорвалась: меня в ногу ранило. Я только поднялся — второй осколок в ногу попал. Часа три полз по снегу. А потом подкрепление подошло, «катюши» как дали залп по городу! Вижу, пехоты добавилось, пошла в атаку. А я сполз в какую-то яму, а вылезти не могу. Стал звать на помощь, тут и санитары подоспели. Вытащили меня — и в санчасть».

За проявленные храбрость и находчивость, за то, что возглавил оставшихся без командного состава солдат и повел их в атаку, Михаил Чечетов был награжден медалью «За отвагу».

Михаил Чечетов с женой

О Победе Михаил Фомич узнал в госпитале, который находился на территории Наленчева в Польше: «Слышу, утром 9 мая какой-то шум во дворе, стрельба. Сначала подумали, что бандеровцы напали. Потом слышим: «Ребята, война закончилась!» Я на радостях обжег деревяшку и нарисовал на стене портрет Сталина и написал «Наша Победа!». Вот комиссия

приходит, всех поздравляют с Победой. А замполит посмотрел на портрет и спрашивает: «Кто нарисовал?» «Я», — говорю. Он меня похвалил, а через несколько дней меня вызвали в штаб и предложили писать лозунги. Меня оставили при госпитале. А в июне госпиталь отправили в Берлин. Так что я, пусть и на костылях, но до Берлина все-таки дошел. Живой!»

Только на один вопрос из своей фронтовой биографии не любит отвечать Михаил Фомич: сколько на его снайперском счету убитых гитлеровцев? «Я это не вспоминаю, — говорит ветеран. — Я уничтожил всех, кто хотел убить меня и моих товарищей».

Вот такой он, солдат Победы Михаил Фомич Чечетов. Русский солдат, верный изречению Александра Невского: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет».

Оксана ШЕРЕМЕТ,
г. Керчь

*Цветет за окном госпитальным весна
Как будто закончилась эта война,
Но только солдатские стоны и кровь
Забуть о войне не дают вновь и вновь.
Медсестра открыла окно палаты
Чтоб вдохнули воздух весны солдаты...
И словно о мирной жизни веточка,
В руках медсестры сирени веточка...
Ради мирного неба сыны Отчизны
Погибали на фронте во имя Жизни!*

Елена ГОЛОВИНА

С.Н. БАРЛИТ:

**Пять суток я рыскал
по степи, как
затравленный зверь**

Степан Николаевич Барлит – капитан, начальник штаба 195-го кавалерийского полка 72-й кавалерийской дивизии, участник обороны Малых Аджимушкайских каменоломен.

В ЕЧЕРОМ 11 мая на командном пункте командира дивизии я получил приказ: из оставшихся казаков дивизии, которые там были, организовать оборону, а конский состав укрыть в катакомбах. Генерал В.И. Книга обещал обеспечить продовольствием, фуражом и боеприпасами. Но ничего я от него не получил (как выяснилось уже в 1946 году, комдив Книга, обнадежив меня, со своим штабом переправился на Тамань).

В Аджимушкае никого из командиров полков не было, в том числе и моего комполка. Организовав оборону силами до полутора эскадронов, совместно с частями стрелковых подразделений, всю ночь до рассвета вели бой, не допуская немцев в Аджимушкай. Боеприпасы (патроны и ручные гранаты) израсходовались. Я вынужден был укрыть казаков в катакомбах. Позаимствовал патроны у пехо-

ты, и ночью напали на немцев, отбивая оружие и боеприпасы. Самый трудный бой был за колодцы, которых в Аджимушкае было всего два.

Два дня пили воду сами и поили лошадей. С каждым днем для нас усложнялась обстановка. В этой катакомбе, где я был со своими казаками, первую неделю насчитывалось до двух тысяч рядовых и офицеров. Потом наши ряды редели, целыми взводами выходили из катакомбы, стремясь вырваться из окружения.

Наши силы слабели, помощи ждать было неоткуда, но мы твердо были убеждены в победе нашего советского народа. Я со своими казаками занял несколько проходов и охранял их, чтобы к нам не забрались немцы, а также провокаторы. Но были шпионы. О них рассказывали немецкие военнопленные, которых приводили из ночного поиска мои разведчики. Где бы

я ни организовал штаб, на второй день немцы буровой машиной бурили, закладывали наши авиабомбы и взрывали.

Немцы над нашими головами взрывали потолок толщиной метров пять-шесть. Однажды под стеной сидели два солдата, и вся масса камня и земли, а это несколько тонн, обрушилась на них. Через некоторое время мы услышали слабые глухие стоны. Спасти их сразу было невозможно, пришлось дожидаться ночи. Немецкие солдаты тоже слышали стоны и наблюдали, спрятавшись за большим валуном, надеясь кого-нибудь подстрелить. Ночью казаков спасли. Крепко помяло их. Но живы остались благодаря тому, что между ног держали винтовки без штыков, которые явились опорой для большого каменного пласта.

Немцы усиленно стали нас блокировать. Наполняли деревянные ящики из-под патронов толовыми шашками, бросали их во входы, чтобы ударной волной нас уничтожить. Но это давало им мало результата. Тогда они взрывали входы и травили из баллонов хлором. От газа погибало много бойцов. Раненых лечили, как могли. Не было медикаментов и перевязочного материала. Использовали грязное постельное белье.

Мертвых где-нибудь под стены укладывали рядышком и накрывали шинелями. На-

столько все это вошло в привычку, что никто этого не пугался, считали их спящими.

Немцы заблокировали все проходы, в подземелье стало душно и мрачно. Несколько дней пользовались светильниками из оставшегося склада – сухими батарейками и лампочками. Потом и это закончилось. Стали применять гофрированные трубки от противогазов.

Кони от голода и жажды не могли подняться. Их стали резать, а мясо я приказал отдавать в стрелковые подразделения, у которых из пищи вообще ничего не было. Мясо коптили и ели. Чтобы утолить жажду, сосали влажные стены, обдирая носы и губы. В катакомбе стоял полный мрак. Воздух был насыщен дымом от костров и запахом разлагавшихся трупов. Мой саперный взвод трофейным толлом пробил на семь метров колодец, но до воды не достали, не хватило взрывчатки.

В живых остались лишь человек 35 казаков, я и еще один лейтенант, фамилии не помню. Я советовался со старшим лейтенантом Лебедевым, бывшим комбатом. В основном мы вдвоем организовывали оборону этой части катакомбы. Мы находились, так сказать, на первом этаже: ниже нас была еще катакомба, и в ней тоже бойцы. Были среди них один подполковник и батальонный ко-

миссар, но они бездействовали. Я неоднократно предлагал им, пока есть силы, физические и моральные, ночью организованно напасть на немцев и уничтожить их, а аджимушкойское подземелье сделать настоящей неприступной крепостью. Они не соглашались, мотивируя тем, что из моей затеи ничего не получится. Я же со своими

Немцы над нашими головами взрывали потолок толщиной метров пять-шесть. Однажды под стеной сидели два солдата, и вся масса камня и земли, а это несколько тонн, обрушилась на них.

людьми один не в силах был это сделать. Поэтому решил любой ценой прорваться из катакомбы и выйти из окружения. Если будет возможность — переправиться на Большую землю, или же — в Керчь, к партизанам.

2 июня 1942 года ночью я вывел свой маленький отряд почти под носом у немцев, хотя у них и была организована хорошая оборона. Перед селом Баксы в кустарниках остановились для временного отдыха, ждали пока высланная мною разведка сообщит, как охраняется берег моря и есть ли переправочные средства. Но разведчики попали в плен и, видимо, среди них нашлись сволочи, которые выдали наше расположение. Око-

ло 12 часов дня немцы силою до роты, с артиллерией и минометами атаковали нас и сильным огнем обстреляли.

Я очнулся ночью от острой боли в голове и позвоночнике. Почти весь был закидан землей и ветками кустарников. Рядом со мной лежал убитый старший сержант.

Небо сгушалось черными тучами, гремел гром, как артиллерийская канонада, сверкали молнии, освещая местность. Пошел крупный, с градом, дождь. Мучили боль во всем теле и жажда. Я снял с убитого плащ-палатку и в полы ее набрал дождевой воды. Утолил жажду, стало немного легче. Один... Всю ночь не смыкал глаз, наблюдал и прислушивался, что делается вокруг. Аджимушкой немцы по-прежнему освещали ракетами. В Баксах стояла темень.

Наступило утро. Я поел немного кисловатых листьев барбариса. Все тело болело и ныло, трудно было делать лишние движения. Пять суток я рыскал по степи, как затравленный зверь, питался травой, пил болотную воду, пропахшую человеческой кровью. Прятался в ложбинах и кустарниках, решал, что мне предпринять. Натыкался на полевые карау-

лы, уходил, обстрелянный ими. На моей груди есть отметка фашистской пули.

7 июня я все-таки решил пробраться в Керчь. Я совершенно ослаб, еле передвигал избитые босые ноги — сапоги с меня кто-то снял, когда я лежал без сознания. Видимо, посчитали за убитого. В Аджимушкой путь был отрезан. Была только одна мысль: «В Керчь! К партизанам!»

Днем неподалеку под охраной немецкого солдата крестьяне косили сурепку для лошадей и случайно в заросшем окопчике наткнулись на меня, опять потерявшего сознание. Они помогли мне, привели меня в чувство.

В Баксах при обыске у меня не обнаружили документов. Как ни добивался оберлейтенант, чтобы я сказал, где мои документы и кто я сам, я врал. В рукаве телогрейки я заранее спрятал партбилет и удостоверение личности, чтобы, если меня убьют, они не попали к врагу. В керченском лагере военнопленных я их спрятал в стене комнаты-одиночки, где сидел.

Потом были этапы, лагеря, побег, снова лагерь и Германия. В 1945 году после освобождения я снова оказался в Советской армии солдатом.

Архив Керченского историко-культурного заповедника

В окруженье

*Что?.. В окруженье?..
 Это мы — мишени?!..
 И падаешь в траву
 В изнеможенье,
 И неподвижен,
 Тяжелей свинца...
 Но в смертный час
 Смирение — крушенье!
 Наперекор себе —
 Сопrotивление
 Штыком,
 Зубами,
 Насмерть,
 До конца!
 Трава в твоей крови,
 Тебе — все хуже,
 Но этого
 Не дай им обнаружить.*

*Они – близки,
Они уже вокруг,
Они уже смыкают полукружья...
Но можно ль сдаться
И сложить оружие,
Когда оно
Не выбито из рук?!..*

Борис ДУБРОВИН

Надежда Вишневская
(Горбинская)

Н.Л. ВИШНЕВСКАЯ:

**Дядя повел меня
с братьями смотреть,
как горит Евпатория**

Даже не представляю, как можно пережить, когда на фронте погибает отец, когда угнан в Германию дядя, когда вся семья вынуждена прятаться по подвалам, когда уведут на расстрел совсем юную учительницу, когда нет возможности просто спокойно жить.

Но несмотря на все, что довелось перенести, моя собеседница радуется каждому дню, стараясь, сделать его плодотворным для себя и для своей семьи. Перешагнув 75-летний рубеж, Надежда Леонтьевна Вишневская полна молодого задора и оптимизма, сохраняет активную жизненную позицию, строит планы на будущее.

На мой вопрос «как бы сложилась Ваша жизнь, если бы не было войны?» она задумалась и ответила, что для нее война не событие, а часть жизни, неповторимой и трудной.

Оккупационный порядок

Осенью 1941 года в село Темеш (сегодня Шелковичное) Сакского района ворвались гитлеровцы. Началась оккупация. Румыны были не очень жестокими, а немцы чуть что, сразу доставали оружие и грозилась убить. Наш родной дядя, будущий партизан, повел меня с братьями «смотреть, как горит Евпатория». За селом на бугре находился огромный камень, с которого город был как на ладони. А в это время под холмом по балке ехали немцы, увидев нас,

они начали стрелять. Мы испугались и побежали в село.

Большая часть людей тогда спряталась в школьном подвале. Но это укрытие стало ловушкой — немцы сразу его обнаружили. Они забрали всех мужчин, которые там были.

С первого дня захватчики установили режим террора и насилия. Был введен комендантский час. С наступлением темноты на улицу выходить запрещалось. В случае непослушания — расстрел. Людей, похожих на евреев, вывозили в село Червоное Сакского района и там расстреливали, не жа-

лели даже детей. Документы, подтверждающие другую национальность, немцами не рассматривались. Если смуглый, значит, еврей. Их фашисты называли «юдин».

В первые дни оккупации фашисты спалили склад с зерном и мукой, что в дальнейшем привело к голоду. Расстреляли двадцатилетнюю школьную учительницу. Прекратили занятия в школе. Вынесли книги из сельской библиотеки и подожгли в центре села. Весь колхозный скот немцы забрали для своей армии. За селом произошла бойня этих животных. Мы с братом бегали на это смотреть. Было жутко, очень много крови. Один из немцев, дал моему брату вымя, хотя такие действия запрещались. Володя испугался и не захотел его брать. Но немец приказал взять. Схватив такой «подарок», мы побежали домой.

Однажды, играя с подругой, мы заметили, что на кусте сирени висят два беленьких платочка. Мы очень обрадовались. Сняли их, сделали две куколки и стали играть. Нашу игру прервали крики разъяренного немца. Он наставил на нас наган и начал кричать, что мы «партизанэн». Через секунду прибежал другой немец. Увидев детей, он успокоил своего товарища, объяснив ему, что это «киндер». Потом угостил нас хлебом, намазанным шоколадным маслом,

Надя Горбинская, 1946 г.

и отправил домой. И только спустя много лет я поняла, чем могли закончиться такие игры.

Военных действий в Темеше не происходило. Но однажды в село случайно попали наши моряки. Молодые солдаты перепутали дорогу и ехали на встречу фашистам. Вблизи села немцы открыли по ним огонь. Выжили двое ребят. Они стали отступать и, понимая, что бежать некуда, бросились вместе с оружием в пустой колодец. Так и разбились...

Ближе к холодам оккупанты стали переезжать в сельские дома. Хозяйки, зная, что немцы любят чистоту, специально устраивали беспорядок. Разбрасывали грязные вещи, высыпали мусор посреди комнаты или говорили, что в доме есть больные тифом. В таких домах фашисты не селились. Они называли русских свиньями и уходили. Немцы выбирали самый чистый дом, стелили на полу белый платочек и смотрели, прыгают блохи или нет. Если блох не было, выгоняли хозяев и селились там сами.

Немцы выбирали самый чистый дом, стелили на полу белый платочек и смотрели, прыгают блохи или нет. Если блох не было, выгоняли хозяев и селились там сами.

Весной 1944 года немцы стали отступать. Фашисты забирали все, что могли унести. Отступали в панике. В их отрядах происходили конфликты и расстрелы.

Я помню, как той весной на улице сидели два молодых немца-музыканта. Им было лет по восемнадцать. Они рыдали и проклинали Гитлера. Они тоже не хотели этой войны.

В один из таких дней мой младший брат Коля, играя, начал напевать песенку «Синее море, красный пароход... Нем-

цы отступают, а русские их бьют!» Услышав это, мама в панике забрала нас в дом. На улице мы вышли, когда немцев в селе уже не было.

Школа 40-х

Осенью 1944 года матери предложили работу в селе Багильда (сейчас Трудовое) – собирать урожай. И мы переехали. Поселились в стареньком татарском домике. Жили очень дружно: мама, бабушка, старший брат Володя, младший брат Коля и я.

Отсюда в восемь лет я пошла во второй класс местной школы. Учиться мне нравилось. Только школьные принадлежности делали сами. Одна ручка у ме-

ня была четыре года. Сделала ее мама из гусяного пера и палочки. Чернила варили каждый день из свеклы. А вот достать бумагу для тетрадей была целая проблема. У нас в селе находился склад бомб и пороха. Мы с ребятами бегали туда, высыпали порох из бумажных мешков, а затем из этой бумаги родители шили тетради. На уроках мы часто писали письма на фронт простым солдатам. Обещали, что будем хорошо учиться. Поздравляли с праздниками. Присылали свои рисунки. Желали скорее вер-

нуться домой целыми и невредимыми, с Победой!

Поддерживали не только морально. Вечерами у нас дома собиралось человек семь-восемь, желающих помочь фронтовикам. Колхоз выдавал шерсть, и мы вязали для них носки. Бабушки пряли нитки, а женщины и девушки вязали. За вечер могли сделать около пяти пар.

С середины июля до самой осени всех школьников отправляли на работу в колхоз. Босиком с мешком в руках ходили по полям и собирали колоски. В 1944 году был сильный неурожай. Пшеница выросла очень низкая и не попадала под косилку. Ее остатки мы и собирали. Колоски были маленькие, по три-четыре зернышка. Абсолютно все собранное мы относили в колхозный склад.

В 1945 году учительница повела наш класс на экскур-

сию в скалы около села Крайнее. Освещали дорогу факелами. И, когда зажгли очередной факел, я увидела руку, торчащую из глины. Мне показалось, что это машет живой человек. Я сразу рассказала об этом учительнице. Она не поверила, пока сама не убедилась. Учительница обратилась в сельсовет. Этого человека вытащили, он был без одежды, только с красной ленточкой на руке. Его тело несколько дней потом лежало в балке. А мы с одноклассниками бегали воевать с ним, обстреливали его камнями, думая, что это фашист. Став взрослым человеком, за такую игру я просила у Бога прощения...

Записала
Юлия ВИШНЕВСКАЯ,
ученица 11 «А» класса
Трудовской ОШ
I-III ступеней,
Сакский район

В победном сорок пятом

*Они познали горе, голод –
Те невысокие ребята:
Они пошли учиться в школу
Тогда,
В победном Сорок Пятом.*

*Учительница в гимнастерке,
И молодая,
И седая,
Объятая
детям*

*распростерла,
Всех, как родных,
Их обнимая.*

*И улыбалась,
улыбалась.
Забыв последнюю атаку,
И каждого она касалась
Своей медалью «За отвагу».
Зимой чернила замерзали,
Писали все карандашами,
На чем попало, все писали,
Склонясь над первыми словами.*

*И малыши сопели шумно,
И вкривь, и вкось
Водя сначала:
Ведь лампочка
без абажура
Их буквы еле освещала.
И так хотелось
им — смысленным —
Быть и умнее,
И сильнее,
И возродить свой край спаленный
Помочь родным,
Помочь скорее.
Как будто бы рождались сами
На той оберточной бумаге
Слова о Мире, папе, маме,
О Родине и об отваге.
Учительница написала
Их на доске рукою твердой,
И в классе вдруг светлее стало
От этих слов — святых и гордых.*

Борис ДУБРОВИН

Раиса Солдатова

Р.Ф. СОЛДАТОВА:

**Девушек выдал
военный загар**

Память человеческая избирательна: то, что делал вчера-позавчера, забываешь, а произошедшее много лет назад вспоминается от одного слова, мелодии, запаха...

Раиса Федоровна Солдатова помнит себя с четырех лет, с 1925 года. С того момента, как ее отец, начальник пассажирской станции в шахтерском Енакиево, на почве увлечения черной магией поджег их дом. Маме он проломил голову, после чего ее парализовало, а девочку, потерявшую сознание от дыма, вынес из горящего дома сосед. Маму увезли в больницу, отца, выкрикивавшего во время пожара какие-то заклинания, тоже увезли. Рая осталась одна. И тогда четырехлетний ребенок решил поехать к любимому дедушке Грише, отцу отца, известному в округе агроному-селекционеру, основавшему на собственные средства небольшой детский дом.

ДОРОГУ на вокзал Рая знала хорошо: не раз ездила к бабушке вместе с родителями, но в поездах не разбиралась, а потому уехала в противоположном направлении. Плачущую красиво одетую девочку — в красном бархатном пальто с пелериной и таком же чепце, отороченных белым мехом, и белых лаковых туфельках — на одной из станций заметили беспризорники, поделились с ней хлебом, а потом и забрали с собой.

До девяти с половиной лет Рая колесила по всему Донбассу

вместе с новыми друзьями, пела песни в поездах, выпрашивая копеечку, убегала от милиционеров, ловила в полях сусликов, шкурки которых дети меняли в деревнях на продукты. Но все время в памяти оставалась одна фраза: «Станция Ясиноватая, дедушка Гриша Емченко». И судьба преподнесла очередной сюрприз.

Тяжело заболевшую Раису (говорили, что тиф) оставили на какой-то станции. Она буквально умирала, впадая в бессознательное состояние. Приходя в себя, девочка подходила к кассе

и просила билетик до бабушки Гриши. Ей повезло, кассир слышала историю о том, что бабушка разыскивает внучку, а потому сообщила ему о девочке на вокзале. Бабушка нашел Раю и привез ее к себе домой. Потом приехала мама, которую от паралича излечил китаец, менявший в городе различные безделушки — веера, мячики-попрыгунчики, а вместе с ней знакомый мужчина в милицмейской форме. Раиса не узнала маму, а, испугавшись милиционера, убежала. Такой была встреча с мамой после долгой разлуки.

Незнакомец в форме оказался ее новым отцом — Федором Афанасьевичем Федоренко, который работал начальником ДОПРа в Артемовске. Через несколько лет Федор Афанасьевич удочерит Раису и даст ей свою фамилию. Но будет это уже в Керчи, куда семья переедет в 1937 году, по совету врача меняя климат, чтобы вылечить единственную дочку от малярии.

В Керчи Федоренко поселятся на улице Крестьянской (нынешней Дубинина), отца назначат начальником станции Керчь-1, Рая пойдет учиться в седьмой класс школы им. Желябова. Девочка любила геометрию, черчение, мечтала стать архитектором. Но серьезно болела мама, вскоре тяжело заболел отец. Будущее было туманным, и тогда Федор Афанасьевич

всего посоветовал дочери после 9-го класса поступить в Керченский фельдшерско-акушерский техникум: мало ли что случится, а так хоть какая-то специальность будет.

Отца Раиса послушалась и поступила в техникум. Училась с охотой, пока не пришло время практики. Девушка не выносила ни запаха крови, ни эфира. В первый же день практики она попала на роды, от увиденного юная практикантка в полуморочном состоянии сползла по стене.

Тогда Раиса не могла даже предположить, что ее ожидает впереди. Сколько крови, вывороченных внутренностей, загнивших ран... Над рыбацкой Керчью, также не знавшей, какие испытания уготованы ей вскорости, светило еще мирное солнце.

В жарком июне 1941-го Раиса сдавала выпускные экзамены. Накануне решила сделать себе модную в то время завивку и сфотографироваться на память. Фотография сохранилась: белокурая девушка с милыми кудряшками. Такой и ушла добровольно на фронт 27 июня военфельдшер Раиса Федоренко, успев за день до этого сдать свой последний экзамен. Из Керчи их было десять таких девчонок-добровольцев, выпускниц медтехникума, приехавших на призывной пункт в Симферополь,

откуда их распределяли по воинским частям.

Раиса получила назначение в авиа часть, в 475-й батальон авиаобслуживания, который базировался вначале под Симферополем, а потом был переброшен под Херсон. Под Каховкой часть приняла первый бой, а затем ее отвели к Геническу, где из-за потери практически всех самолетов она была расформирована. После чего Раиса попала в 51-ю армию, в 224-й медико-санитарный батальон и сразу же оказалась на Перекопе. Здесь измотанные в боях наши войска пытались сдержать гитлеровцев, любой ценой рвавшихся в Крым — плацдарм для броска к бакинской нефти.

На Перекопе 20-летняя Раечка, домашняя девочка, любимая дочка, когда-то падавшая в обморок от вида крови, осознала, что такое настоящая война — жестокая, подминающая под себя совсем юных, превращающая в кровавое месиво молодые тела. На всю жизнь запомнилось: по степи, среди окопов окровавленная женщина ведет за ручку маленького мальчика, из распоротого животика которого вываливаются внутренности, и умоляет о помощи. Потом таких просьб, криков будут даже не сотни — тысячи. Раненых не будут успевать выносить с поля боя. Армия, не дождав-

шись подкрепления, начнет отступление. Кровавая военная мясорубка повторится под Ишунью, на печально известных позициях, где почти полностью полегло плохо обученное и вооруженное крымское ополчение.

Через Симферополь, вдоль Южного Берега 51-я армия отступала к Севастополю. Поначалу медсанбат, в котором служила военфельдшер Федоренко, расположился в Балаклаве, затем был переведен в Максимову Дачу, где и задержался на зиму, принимая десятки тысяч раненых, отражавших манштейновский второй штурм. Здесь Раиса впервые столкнулась с самострелами — солдатами, прострелившими себе правую руку, чтобы не воевать. Комсомолка, воспитанная сталинской идеологией, она не понимала, как могли так поступать советские люди. Самострелов не жалели, наказывая их по законам военного времени.

Весной медсанбат перевели в Инкерманские штольни. В одном из тоннелей базировался легендарный бронепоезд «Железняков», немало неприятностей доставивший врагам осажденного Севастополя. Юрка, быстрая Раиса вместе с медсестричкой Полиной Лозовой оказывали помощь раненым бойцам бронепоезда. Много воспоминаний связано у Раисы Фе-

доровны с бронированной крепостью на колесах. Как-то уже после войны, приехав на одну из встреч ветеранов, она пришла к застывшему на постаменте бронепоезду и обняла его, как родного человека.

В мае, когда был ликвидирован Крымский фронт на Керченском полуострове, немцы начали последнее, решающее наступление на Севастополь. Медсанбат из Инкермана перевели на знаменитую 35-ю батарею на Херсонесском мысу.

Июнь 1942 года в Севастополе выдался воистину жарким, обстрелы и бомбежки не прекращались ни днем, ни ночью. Дважды в здание госпиталя попадали бомбы, из всего батальона в живых остались лишь несколько врачей да одиннадцать человек младшего медицинского персонала. Оставшихся раненых перетаскивали в расщелины скал, пытаясь хоть как-то защитить их от осколков и нещадно палящего солнца. Перевязывать, а уж тем более лечить, было нечем. Единственное, чем могли помочь, — это связать ремни, привязать к ним флягу и спустить ее со скалы в море за спасительной влагой. Свой долг медики выполняли до конца, не зная, что судьба черноморской

твердыни уже решена, командование с семьями покидало горящий, разрушенный город.

В последних числах июня на батарею приехал командир дивизии Ласкин. Раиса была похожа на его дочь, даже имена были созвучны — девушку звали Лариса. Командир предложил Раисе уехать с ним, поскольку через два часа на Большую землю улетал последний самолет. Девушка решительно отказалась, ее возмутило, что она может эвакуироваться, а ее боевые подруги и раненые останутся.

Перевязывать, а уж тем более лечить, было нечем. Единственное, чем могли помочь, — это связать ремни, привязать к ним флягу и спустить ее со скалы в море за спасительной влагой.

Впоследствии Раиса Федоровна не раз пожалеет об этом опрометчивом решении. Но в тот момент она еще не знала, что их элементарно бросили на произвол судьбы, предали. Но предателями назовут именно их, измученных и израненных защитников Севастополя, оставшихся под херсонесскими скалами.

Первое пленение, побег, когда были убиты девушки впереди и позади Раи, а она просто чудом осталась жива, неудавшаяся попытка добраться до мой, в Керчь. Раиса с подругой

Клавой Мандриченко сбились с пути и вышли к совхозу «Чоты» Сейтлерского (ныне Нижнегорского) района, там и были схвачены полевой жандармерией. Девушек, к тому времени переодетых в гражданскую одежду, снятую с убитых женщин, выдал военный загар — загоревшими были только колени, кисти рук и лоб с четким белым треугольничком от пилотки. Допрос на месте, потом в Сейтлерской тюрьме, где избивали до потери сознания.

Вскоре девушек перевели в камеры при станции, откуда в товарных вагонах отправили в Польшу, в рабочий лагерь. Спросив специальность, Раису направили работать в операционную уборщицей. Там смысленная девушка, неплохо разбирающаяся в хирургии, быстро завоевала доверие старшей медсестры, пожилой немки, не раз оставившей ее одну в операционной. Таким образом Раиса могла доставать и лекарства, и перевязочный материал для наших военнопленных, которые работали на железорудных шахтах. Но нашелся чужой среди своих. Предал.

Раю и Клаву отправили в Берлин, в Моабитскую тюрьму, о жестокостях в которой были наслышаны. Каждый из восьми этажей (три подземных и пять наземных) — это степень вины перед великой Германией. Чем

ниже спускали, тем большим врагом рейха тебя считали. На последнем, подземном этаже люди были прикованы цепями. Сегодня Раиса Федоровна горько шутит: «Дослужилась» до второго нижнего». И вновь — погрузка в вагоны, с виду обычные, а внутри разделенные на тесные темные клетушки. Куда везут, догадались сразу, об ужасах Освенцима уже знали.

Немногим посчастливилось выжить в этом лагере смерти. Деревянный барак, в который завели пленников, поразил Раису: с одной стороны он доверху был набит волосами разных цветов, а с другой — чемоданами, детскими колясками, инвалидными протезами. В этом бараке вновь прибывшим устроили душ: вначале окатили кипятком, а затем пустили холодную воду. Ошпаренные люди корчились от невыносимой боли, умирали. Раиса осталась жива, но после этого случая смерть стала привычной картиной. На левом предплечье девушки появился номер — 46235.

Пережитое в Освенциме до сих пор напоминает о себе Раисе Федоровне. Она порой так кричит ночью, что соседи стучат в стену. Во снах пожилая женщина вновь и вновь проживает те страшные дни... Издевательства охранников, зачастую соотечественников, побои и непосильная работа, голод и холод,

и болезнь, подкосившая ее на долго. Раю прятали, как могли и где могли — среди трупов и между деревянных опор в туалете, чтобы она не попала в больничный барак, в котором правил ангел смерти — известный доктор Менгель, прозванный так за опыты над людьми. Он лично приходил в барак и выбирал себе жертв. Однажды в поле его зрения попала и Раиса, у которой были парализованы ноги. Но ангел-хранитель девушки оказался сильнее ангела смерти. Уже слышна была советская канонада, немцы покидали лагерь, заметая следы своих зверств и уводя войска между рядами людей в полосатых одеждах, чтобы наши самолеты не бомбили.

Как-то в барак пришли советские разведчики, которые попросили не выходить из помещения, поскольку идет перестрелка. Разведчики ушли, а через некоторое время в барак зашел офицер Красной Армии, одетый в белый маскировочный комбинезон. Он стал посередине барака на трубу дымохода, и в этот момент людям показалось, что к ним спустился сам Бог. Они кинулись к нему, на 26 языках шепча молитвы, и стали отрывать кусочки комбинезона на память. Многие тогда лишились рассудка.

Горстка бывших узников решила идти навстречу нашим войскам. Неходячую Раю,

весившую всего 32,5 кг, несли на самодельных носилках.

Радость встречи была омрачена, свои встретили их как предателей, врагов народа. Начались проверки: концлагерь сменился фильтрационным лагерем, немецкая речь — русской. Все те же допросы, правда, без избиений. На стрессовую ситуацию нервная система откликнулась по-своему: Раиса начала ходить. Потом ее перевезли в проверочный лагерь в Башкирию, там ее обмундировали и в должности фельдшера отправили на Дальний Восток, в рабочие батальоны, сформированные из бывших узников. Здесь девушка попала в «собственность» к начальнику штаба (было такое негласное распределение женщин среди командного состава), который не побоялся официально зарегистрировать брак с бывшей военнопленной, за что и поплатился партбилетом. Однако муж не простил этого, начал пить, избивать молодую и к тому же беременную жену. Дошло до того, что Раиса решила повеситься, но ее, как и в детстве, спас сосед, вынул из петли.

А незадолго до случившегося Раиса направила запрос о судьбе своих родителей, оказалось, что они живы и живут в Керчи. Дочку они нашли уже в Чкаловской области, откуда родом был ее муж. Раису

увезли в Керчь, где она родила первенца, а затем познакомилась с матросом-фронтовиком Николаем Солдатовым. С Николаем Ивановичем они прожили вместе 57 лет, у них родились еще трое сыновей.

По специальности Раиса так и не смогла устроиться, работала на разных должностях (матросом, вахтером), растила детей. Ей очень долго было стыдно за свое прошлое, за то, что считали предателем. Самой дорогой наградой для Раисы Федоровны стал орден Славы III степени, который был вручен уже после войны. Для нее боевой орден – признание ее как солдата, защит-

ника Родины. А от номера на руке она избавилась после одной из встреч со школьниками, на которой какой-то старшеклассник поинтересовался: «А вам не стыдно носить эту память о том, как вы сдались в плен?»

Раиса Федоровна не может объяснить, какая высшая сила хранила ее всю жизнь, а главное – для чего. Возможно, для того, чтобы мы знали правду о той войне, горькую, не украшенную, жестокую... Помнили, что война – это прежде всего рабство. И не допускали рабства на своей земле.

Оксана ШЕРЕМЕТ,
г. Керчь

Будьте начеку!

*В который раз ночной порой
Я отгремевший слышу бой.
И, разогнав остатки сна,
В моем мозгу гудит война.*

*Бомбардировщиков полет
Никак уснуть мне не дает.
Я вижу втиснутый в кювет
Тяжелый гусеничный след.*

*Тогда хочу я криком стать,
Себя призывом распластать,
Все чувства слить в одну строку:
О, люди! Будьте начеку!*

Борис ДУБРОВИН

В.Ф. ИВАНЧЕНКО:
**Нужно было собрать
всю волю в кулак**

Стою в почетном карауле у Вечного огня. Яркое полыхает пламя. Здесь особенно тихо: тут покоятся те, кому мы обязаны мирной жизнью. Молча подходят люди. Здесь нельзя говорить громко. И чувства, и мысли рождаются негромкие, чистые, светлые. В трехминутном молчании чтят люди память о тех, кто ради нас отдал жизнь в суровые годы войны. Три короткие минуты молчания. Кто знает, что переживает в душе каждый?

Я ПОСМОТРЕЛА на седого мужчину, стоящего чуть поодаль, и вспомнились слова известной песни:

*Ты же выжил, солдат!
Хоть сто раз умирал,
Хоть друзей хоронил
И хоть насмерть стоял.*

*Почему же ты замер —
На сердце ладонь,
И в глазах, как в ручьях,
Отразился огонь?*

Он подошел поближе, снял шляпу и остановился в долгом молчании, понутив голову. Были заметны слезы в его глазах. В который раз он вспоминал грохот орудий, взрывы снарядов и лица боевых друзей, которые навсегда остались в его памяти молодыми.

К полыхающему огню подходили люди. Одни сменяли других, а он все стоял, задумавшись. Мне хотелось подойти, обратиться к нему, но я — на посту... После парада мне все-таки удалось познакомиться с ним. Его зовут Виктор Федорович Иванченко. Я узнала о том, что тревожит его душу, о тех воспоминаниях, которые не дают ему забыть страшные годы войны.

Он жил в селе Калиновка, которое славилось своей тихой и спокойной жизнью, узкими улочками, земляничными лугами и безграничными пшеничными полями. Виктор Федорович рассказал мне о том, что война настигла его в пятнадцатилетнем возрасте. Он учился в школе, гулял с друзьями, беззаботно смотрел на чистое не-

бо, которое потом пришлось защищать, рискуя собственной жизнью.

22 июня. Раннее утро. Он спал. Вдруг раздался гул взрывов, затряслась земля. Он соскочил с кровати в недоумении. С потолка посыпалась известь, упали шкафы, полки, книги, все вокруг перемешалось! Услышав крики матери, он бросился к ней, но пыль, стоявшая в воздухе, мешала ее найти. Забежав в детскую комнату, он увидел, что она прижала к груди дочь Валю и совсем маленького сыночка Ваню. Мать плакала, понимая, что она беспомощна. Виктор взял Валю на руки и потянул за собой маму. Они прижались к дверному проему, но казалось, что он просто не выдержит и развалится. Те минуты длились вечно. Больше всего ему хотелось закрыть глаза, а открыв — снова оказаться в теплой постели, увидеть улыбающуюся маму и братишку с сестренкой, которые шумно бегают и играют. Но нет, это невозможно. В этот момент нужно было собрать волю в кулак и держаться, но он был еще ребенком, и слезы, как маленькие росинки, стекали по пыльному лицу, превращаясь в сгустки грязи. Через несколько минут взрывы закончились. Он вышел на улицу и увидел

страшную картину: разрушенные дома, разбитые в щепки заборы, трупы людей и стоны покалеченных. Женщины кричали, дети плакали... Виктор понял — началась война...

Чуть позже голос Левитана объявил о начале Великой Отечественной войны. Всех мужчин и юношей, достигших восемнадцати лет, забрали на фронт. Виктор тоже хотел защищать Родину, но из-за возраста его не допустили к оружию. Он

Он спал. Вдруг раздался гул взрывов, затряслась земля. Он соскочил с кровати в недоумении. С потолка посыпалась известь, упали шкафы, полки, книги.

остался в селе, стал помогать матери по хозяйству. Вскоре он познакомился с замечательным парнишкой Егором. За короткое время они стали лучшими друзьями. Егор привел Виктора в партизанский отряд. Там обучили его военным хитростям разведчика, там он впервые взял в руки оружие.

В ночь на 8 декабря 1944 года на их отряд напали, начался обстрел... Фашисты снова пытались отобрать самое дорогое — жизнь родных людей. Егор попытался вырваться из обстрела, но его ранили. В этот момент Виктор почувствовал страх, который, словно яд, тек

по его жилам. Трупы товарищей, взрывы, крики и лежащий без движения лучший друг. Он собрался с силами и, выскочив из окопа, пополз к Егору. Добравшись, услышал слабое дыхание и понял, что друг умирает. Ненависть и отчаяние переплелись в нем, он хотел помочь, но не мог. Егора не стало... «Будь проклята война!!!», — в бессилии и ненависти кричал он, держа на руках тело друга...

Прошли годы, а Виктор Федорович до сих пор вспоминает те страшные дни. Гул пулеметной ленты, звук сирены и стоны умирающих товарищей — все это снилось ему каждую ночь. Мы благодарны ему за доблесть, которую он проявил, и за спокойный сон, который достался нам ценой многих жизней.

Эвелина КРОПОЧЕВА,
ученица 11 класса
ОШ I-III ступеней №19,
г. Симферополь

Ровесник

*Лицо спокойное, как мрамор.
Не скажешь — сколько парню лет.
Здесь ни морщинки и ни шрама,
И волоска седого нет.*

*Его обтянутые скулы
Улыбка тронула едва,
В глаза искристые взглянула
Безоблачная синева.*

*Когда толкуют о бесстрашье
И встанет прошлое, слепя.
Он про товарищей расскажет
И позабудет — про себя.*

*Быть может, жил себе в покое,
Когда встречали смерть бойцы?
Но он в войну прошел такое,
Пред чем бледнели храбрецы.*

Борис ДУБРОВИН

Егор Романенко

Е.П. РОМАНЕНКО:
«Людоловы» хватали парней и девчат, отправляли на работу в свой рейх

В 44-м в далекое крымское село матери Егора Романенко пришла похоронка. В ней сообщалось, что сын ее пал смертью храбрых, сражаясь за Родину. Многие пришлось ей пережить, пока не увидела сына живым и здоровым.

— ЕГОР Петрович, расскажите, пожалуйста, о своей малой Родине.

— Сам я местный, родился в селе Мироновка. Перед войной окончил семилетку, поступил в Белогорскую школу механизации сельского хозяйства, в учебе старался: а почему бы и не стараться?! Профессия у меня была самая лучшая, стал бы механизатором. А через год война нагрянула. Мужчины ушли на фронт, остались в селе одни старики, женщины, дети да мы, подростки. Притихла улица: ни тебе песен, ни игр, ни веселья, а тут и оккупанты заявили, сразу же ввели свои новые порядки.

— И что из себя представлял оккупационный порядок?

— На работу каждый день иди и не смей лишнюю минуту отдохнуть, только и слышно было: «работать» да «быстро». Крепко досталось всем от тех

порядков, особенно нам, молодым. «Людоловы» хватили парней и девчат, отправляли на работу в свой рейх. Прятались мы, да не всем удалось избежать угона в Германию. Все ждали победного «грома с Востока», и очень воспряли духом, когда он стал раздаваться все ближе и ближе. Мы даже на курган бегали смотреть, не идут ли наши танки, а за ними и солдаты.

13 апреля 1944 года к нам пришла долгожданная свобода, а 23 апреля нас призвали в армию. Прошли мы краткосрочную солдатскую науку, а 8 мая приняли присягу, сразу же нас отправили на помощь сражающимся за освобождение Севастополя. Но в бой вступать не пришлось. Город уже был освобожден от немецких оккупантов. Тогда нас отправили на уборку зерновых. Косили ячмень, пшеницу.

Потом мы двинулись через Карпаты на Венгрию, шли пешком, несли в руках разобранные минометы, снаряжение. В день проходили десятки километров, было такое, и в бой с немецкими войсками вступали. И мадяры стреляли из-за угла в наших солдат. Последним для меня был бой под Будапештом, у маленького городка Хотван 14 ноября 1944 года.

— Ранены были?

— Не без этого! Под Будапештом мы вырвались вперед, но, попав под шквальный огонь противника, залегли. Здесь и накрыла взрывная волна. Откопал меня, засыпанного землей, как потом выяснилось, мой земляк из села Зыбины Николай Нерода. Перевазав пробитую осколками голову, он вытащил меня на обочину дороги, в надежде на то, что подберут санитары. Я не подавал никаких признаков жизни. Воинская часть двинулась вперед, а моя мать получила весть о том, что ее сын погиб смертью храбрых.

Я очнулся в эвакуационном госпитале, где из моей головы был извлечен осколок, вырубивший кусок черепа. Хирург, который делал мне операцию, сказал, что воскрешением я обязан своему могучему организму: «После подобных ране-

ний выживает один из тысячи». Только через несколько месяцев, находясь на излечении в одном из госпиталей Донбасса, я сумел известить мать, брата и сестренку о том, что жив.

В военном архиве рядовой Романенко состоял в списке погибших. А спустя много лет, в районной Книге Памяти среди белогорцев-фронтовиков, отдавших жизнь за свое Отечество, оказалась его фамилия. Пришлось сделать поправку. А все потому, что он не любил и не любит афишировать себя. Даже

Притихла улица: ни тебе песен, ни игр, ни веселья, а тут и оккупанты заявили, сразу же ввели свои новые порядки.

боевые награды надевает исключительно в День Победы.

Долгое время Егор Петрович работал в сельской округе киномехаником. И, естественно, более всего отдавал предпочтение демонстрации фильмов о Великой Отечественной, чтобы не были преданы забвению те, кто с нее не вернулся. И до сих пор он, «похороненный» дважды, в строю ветеранов. Дай Бог ему здоровья!

Зенифе СЕЙТМАМУТОВА,
ученица 11 класса
Вишенской ОШ,
Белогорский район

Письмо домой

*Обнимала у военкомата,
Провожала на долгий срок:
— Не жалею ты меня, не надо,
Только правду пиши, сынок...*

*Минометом скосило юных,
И подняться боец не смог:
На балтийских бесцветных дюнах
Покраснел под бойцом песок.*

*В медсанбате боец очнулся,
Покачнулся над ним блиндаж.
На бок медленно повернулся,
Взял обгрызенный карандаш.*

*Потянулся рукою слабой —
Не упал карандаш едва,
Поразборчивей нацарапал
Обстоятельные слова:*

*Что все время он спит в постели,
Что в казарме всегда чистота,
Что до фронта на самом деле
Километров более ста.*

Борис ДУБРОВИН

Николай Толкачев

Н.Ф. ТОЛКАЧЕВ:
В карательном органе
Абвер-317 у меня
был завербованный
разведчик

Я родилась в 1997 году, о войне слышала только из книг, кинофильмов и рассказов бабушки. Моя мама тоже не видела войны, не может рассказать о ней, но я знаю, что война – это страшно.

Мой собеседник Николай Фомич Толкачев вспоминает свою фронтовую юность.

– Н ИКОЛАЙ Фомич, расскажите, пожалуйста, о своей семье.

– Родители мои были крестьянами, семья большая, девять человек детей! У меня было четыре брата, все участники Великой Отечественной войны, и три сестры. Хозяйство средняцкое: три коровы, две лошади, пять барашков, два поросятка и куры. Отец, участник Гражданской войны, служил в Красной Армии, вступил в колхоз в 1930 г., стал заготовителем фуража, ведал кормами, мать – рядовая работница, все хозяйство сдали в колхоз.

– Какое образование Вы получили до войны?

– Своим образованием я горжусь! В школу пошел с семи лет, она располагалась в соседнем селе Мошенино. Там закончил четыре класса. Но так сложилось, что по семейным

обстоятельствам мне пришлось покинуть отчий дом и продолжал учиться я в Невеле, где закончил семилетку. Потом вернулся в родной колхоз и стал бухгалтером.

– Николай Фомич, а Вы проходили срочную службу в армии до начала Великой Отечественной?

– Проходил. Так как призывников 1913 года рождения не хватало, меня призвали на полгода раньше (я родился в 1914-м). Правда, в призывной комиссии сказали: «У вас врожденный порок сердца. В армии можете служить разве что по согласию». Это согласие я и изъявил. Направили меня в полк связи, дислоцированный в городе Калинин на Волге, где я стал начальником радиостанции 6-ПК. Нас было два начальника и подчиненные, помогавшие обслуживать станцию. Это бы-

ла беспроводная станция, работавшая на азбуке Морзе. Дивизионная станция размещалась на тачанке, мы же свои радиостанции носили на собственных плечах. Ох, и тяжело это было, и очень неудобно! А потом меня отправили в Симферополь, где я, неожиданно для себя, был принят на службу в органы НКВД СССР.

– Так ли неожиданно это произошло?

– Для меня да. Ведь я парень из деревни, хотя по тому времени имел высокое образование. В отделе кадров меня приняла женщина-капитан, начальник отдела кадров, увела в отдельную комнату, где задавала различные вопросы. А после того как я сказал, что у меня в Симферополе никого нет и мне негде расположиться, вызвала коменданта и распорядилась выделить мне комнату в общешитии.

В начале 1938 года меня назначили дежурным по правительственным связям ВЧ: такими аппаратами имели право пользоваться только нарком, первый секретарь обкома партии и прокурор. У каждого из них аппарат стоял либо в кабинете, либо дома, если нужна связь с Москвой.

Но когда я отказался перейти на оперативно-следственную работу, то есть на выколачивание из подследствен-

ных признаний в том, в чем они не виновны, меня перевели в район бухгалтером и секретарем Куйбышевского райотдела НКВД.

В начале 1941-го меня оформили в Ленинградскую высшую школу НКВД. Но сами понимаете, какое образование... 22 июня 1941 года началась война. В это время я находился в Бахчисарае. А через неделю, 28 июня, у меня сын родился. Все семьи работников НКВД достаточно оперативно переправили через Керченский пролив и отправили в Куйбышев.

– Вы выехали вместе с семьей?

– Меня направили оперуполномоченным в Кировский район. Позже был получен приказ уничтожить объекты райкома, райисполкома, пунктов связи.

– Николай Фомич, расскажите о значимых для Вас событиях в этой войне, произошедших здесь, в Крыму.

– Очень тяжело говорить об этом. В декабре 41-го началась Керченско-Феодосийская десантная операция. Форсировали пролив на катерах, баржах и других плавсредствах. Страшно и вспоминать! Артиллерия, авиация врага... Мы, работники НКВД, вторым высадились на барже второго эшелона южнее Керчи. Ночью во время переправы баржа замерзла во льдах.

Чтобы не ждать налета вражеской авиации, мы приняли решение переправиться пешком, но неудачно: один из нас попал под лед. Это чудо, что мы смогли его спасти! Во время соединения с Феодосийским десантом пришлось принять участие в военных действиях. Спасибо родной авиации, прикрывшей нас с воздуха! Далее мы следовали во втором эшелоне со следующей задачей: достигнув Кировского района и райцентра Ислам-Терек, организовать райотдел НКВД.

8 мая 1942 года немцы провалили нашу оборону, бросив авиацию против 47-й и 51-й армий. Но, не победив их, переключились на 4-ю национальную. Началось паническое отступление солдат и офицеров 4-й армии. Следовало прекратить панику. Страшно, когда свои в своих стреляют. Слава Богу, я в этом участия не принимал. Но со стороны на это смотреть жутко. Наверное, это и стало причиной прорыва немцев: ведь из двух полков энкаведэшников, сдерживавших немцев и воевавших против отступающих солдат 4-й армии, из боя вышли единицы. Да и общее ослабление фронта... Угроза окружения 47-й и 51-й армий вынудила их сосредоточиться в Керчи для переправы, что создало огромную пробку. Это я видел собственными глазами. Невообразимо

страшно видеть, когда перегруженные катера и баржи тонут, люди идут ко дну, крики, паника. Кто на бочках, кто на досках, кто на камерах пытается переплыть Керченский пролив. А он шириной километров семь! Бочки тонут, камеры взрываются...

— **Как Вам удалось избежать пленения после провала Керченско-Феодосийского десанта?**

— Помогла команда катера, подошедшая подбирать летчиков, на тот момент очень ценных специалистов. Таким образом, мне удалось переправиться на косу Чушка, в Краснодар.

— **Но ведь на этом не завершилось Ваше участие в войне?**

— В первых числах февраля 1943 года я принял участие в высадке десанта на Малой земле под Новороссийском. В первом эшелоне высадилась морская пехота под командованием майора, погибшего при высадке десанта. Высаживались с барж и катеров около скалы: под причал ничего не было оборудовано. Просто прыгали в воду и выходили прямо в бой. Я высадился на второй день операции. Сразу пошли в наступление. Для подкрепления была брошена бригада, во главе с комиссаром Леонидом Брежневым. С ним я встретился на совещании. Очень умный, спокойный, четко ставил задачи и очень просил командный состав: «Берегите людей! Это зависит от вас,

комсостава, как вы организуете бой». Я о нем отзываюсь только с хорошей стороны.

В целом на Малой земле передо мной ставилась задача помочь в эвакуации населения с ранее оккупированной территории, чтобы собирать и помогать, выводить к причалу и отправлять на Большую землю, т. е. в Краснодар. Также организовывали своевременный подход и выгрузку барж с боеприпасами и живой силой.

В октябре меня отозвали в Краснодар, где состоялась встреча с министром госбезопасности Фокиным. Меня хотели забросить в крымский партизанский лес. Тогда у крымских партизан было создано три соединения: Южное, Восточное и Северное, в каждом по 2–3 бригады. Меня и еще двух товарищей в Крым переправляли в самолете. Когда мы перелетали Керченский пролив, нас накрыли вражеские зенитки. Летчик сказал: «Все, пропали! Будем кормить рыбу в море». Остается удивляться, как мы проскочили зону обстрела.

В два часа ночи мы благополучно сели на Зуйском лесном аэродроме. Там партизаны заранее развели костры, чтобы мы приземлиться могли. Так я вновь оказался в Крыму. К рассвету нас привели в Центральный штаб, размещавшийся в Южном соединении, в заповед-

нике. Принял нас Мокроусов, возглавлявший партизанское соединение в Крыму, рассказал о положении, как и что готовится в преддверии освобождения Крыма. И в то же время внимательно выслушал нас о том, как командование фронтом готовится к высадке на Керченский полуостров, в первую очередь о том, какая будет оказана помощь партизанам.

Прямо с совещания вместе с командующим Восточным соединением Кузнецовым Владимиром Степановичем отправился в старокрымский лес, где находился штаб соединения. Шли ночью, впереди проводник, за ним партизаны. Друг друга держали за вещмешки, привязывались, чтобы не потеряться. Но все же мы потеряли майора СМЕРШ Отдельной Приморской армии. Он где-то отстал, так его и не нашли. Его уже позже освободили из немецкой тюрьмы. Но вообще немцы ночью боялись в лес ходить, днем идут в бой, а как только ночь наступает, уходили или, в крайнем случае, на опушке располагались, ждали утра.

Все работники штаба жили в простых шалашах, да и тех было мало, ведь все базы и землянки разгромили еще в первое время.

Меня Кузнецов назначил заместителем командира и особо уполномоченным в 8-й пар-

тизанский отряд, недавно получивший пополнение преимущественно из молодежи, состоявшей из старокрымских подпольщиков, пришедших в лес. Впоследствии отряд был переименован в 5-й молодежно-комсомольский, командир Вахтин. Под его руководством еще три брата Стояновых служили.

Командиром бригады был назначен Куликовский Александр Александрович, мы его дядя Саша звали. Затем, когда сформировалась бригада, я стал замом по разведке у Куликовского и одновременно уполномоченным КГБ Крыма в восточной части. Моей задачей было – внутренняя и внешняя контрразведка.

– **Расскажите, пожалуйста, про Вашу деятельность в партизанском отряде.**

– 21 января 1944 года немцы начали карательную операцию против 5-го молодежного отряда в районе г. Бурус (между Старым Крымом и Судаком). Первыми они наткнулись на выставленную заставу. К сожалению, в бою погиб замечательный парень Юра Стоянов. Да и заставу немцы выбили достаточно быстро. А затем начали восхождение на гору. В этом сражении мы отбили одиннадцать атак! Они применяли столько огневых средств! Подтянули артиллерию, вызвали самолетную

поддержку. Но, потеряв около четырехсот солдат и офицеров, ничего с нами поделаться не смогли. Ночью мы благополучно ушли, а снег запорошил наши следы. За этот бой я был награжден медалью «За отвагу».

В туберкулезном санатории Старого Крыма главным врачом работал внедренный мною Иван Иванович Давыдов. Как-то он сообщил о том, что в старокрымской тюрьме содержится около 50 советских граждан, приговоренных к расстрелу. Руководство соединения приняло решение их освободить. Я разработал план операции. Предусматривалось, что два партизанских отряда будут направлены в город, а один перекроет дорогу между Старым Крымом и деревней Изюмовка. Наш 5-й отряд, хорошо знавший город, нападет на тюрьму и освободит пленных, а 4-й отряд 2-й бригады разгромит штабы карателей и заберет документацию, 3-й отряд 2-й бригады уничтожит воздушную связь, чтобы немцы из Старого Крыма не смогли связаться с Феодосией и быстро получить оттуда помощь. Войдя в город, наши отряды прошли все посты незамеченными. В ходе операции мы уничтожили около 150 немцев и освободили 56 человек!

Или, к примеру, в карательном органе Абвер-317 у меня

был завербованный разведчик. Его имя и фамилию я называть не могу. Это был местный житель из села. Слава богу, жив и сейчас. В это время из Севастополя прибыла карательная экспедиция для ликвидации Восточного соединения. Упомянутый разведчик сообщил, что с целью получения информации о месте дислокации, вооружении и количестве партизан фашисты устроили своему агенту ложный побег из тюрьмы для внедрения в соединение. Этот агент должен был за день собрать данные и тут же ночью вернуться в Феодосию и передать их. На этом основании будет проведен прочес.

И действительно, мне сообщают, что в 7-м отряде появился мужчина, якобы бежавший из Феодосийской тюрьмы. Ко мне привели перебежчика. При досмотре личных вещей сначала ничего не обнаружили. Лишь после того как распорол швы брюк, оттуда стали выпадать пароли на право прохождения назад, к немцам; аусвайс немецкий, в котором говорилось, что предьявителя документа нельзя задерживать на постах охраны. После того как местные парни признали во вновь прибывшем полиция, тот стал давать показания: как его готовили, как разрабатывали легенду, как забрасыва-

ли, какую информацию должен был получить... По приговору партизанского суда изменника расстреляли, немцы, не получив информацию, от прочесывания отказались. Так мне удалось сохранить жизни 1253 советских партизан.

Отчетливо помнится бой 12 апреля 1944 года. Немцы отступали с Керченского полуострова через Старый Крым по шоссе Изюмовка – Старый Крым. Было принято решение блокировать Изюмовку. Оказа-

После того как распорол швы брюк, оттуда стали выпадать пароли на право прохождения назад, к немцам.

лось, что отступает румынская часть. У нас в отряде служил румын по фамилии Браток. С его помощью мы захватили крытую немецкую машину, которую использовали в сражении. Кузнецов распорядился собрать 25 парней и встретить отступающую немецкую колонну. Мы с Павлом Костенко и начальником штаба отряда напали на передние машины разведки и командного состава, тем самым спровоцировали панику и создали пробку. В ходе операции было уничтожено около 250 фашистов, в том числе четыре офицера и один генерал, а также 10 грузовиков и две легковые машины.

– Как отметила Ваш вклад в Победу Родина?

– Я был награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны», орденами Красной Звезды, Отечественной войны

II степени, а также другими наградами.

Виктория ГРЕБЕНЩИКОВА,
ученица 8 «А» класса УВК
«Школа-гимназия №39»,
г. Симферополь

Огненная земля

*Мы стоим у старого причала,
Там, где швартовались корабли.
Память светлой чайкой прокричала
О легенде Огненной земли.
Словно взвыли ветры-ураганы
И запахи толом берега.
Здесь земля дымилась рваной раной
От снарядов лютого врага.
Здесь под шквальной яростью металла
Шел десант вперед на Эльтиген,
И бойцы бессмертье обретали
У его разбитых в щебень стен.
На века в Героевском поселке,
Окруженный зеленью густой,
Встал матрос на пьедестал высокий –
Словно символ памяти святой.
Чайка в тишине крылами машет
И шаги солдатские слышны.
Не твои ль ровесники на марше,
Не твои ль, герой, идут сыны?
С клятвою у памятника встали
На горе священной Митридат.
Родину отцы их защищали
И сыны достойно защитят,
В час любой достойно защитят.*

Николай ПУЧКОВ

**Э. ОСМАНОВ,
АБЛА ИБРАГИМ,
Э. И Б. МУСТАФАЕВЫ:**
**Наша семья воевала
во имя Победы**

Моя многочисленная семья в годы Великой Отечественной войны проживала в Крыму. И, конечно, война не обошла их стороной. Мужчины вносили свою лепту в дело великой Победы: на фронтах, в партизанских отрядах, в подполье...

Из-под огня

Мой прадед Эмир-Али Османов родился в селе Айрыгуль (ныне Солнечногорье) Бахчисарайского района. Закончил с отличием историко-географический факультет Крымского педагогического института, работал в школах Судака и Евпатории. В 1937 году его назначили директором образцовой Бахчисарайской школы №1.

Он встретил войну в городе Геническе Херсонской области в звании младшего лейтенанта. Командовал комендантским взводом 964-го стрелкового полка 296-й стрелковой дивизии. Участвовал в боях за города Каховка, Берислав, защищал Сталинград, форсировал Днепр. Освобождал Украину. Дошел до Берлина.

Прадедушка вспоминал, что при форсировании Днепра с ним произошел случай, который спас ему жизнь. Он не умел

плавать и очень боялся воды, а необходимо было переплыть реку. Подошла баржа. Немцы с другого берега простреливали всю поверхность Днепра. На берегу кто-то отвлек деда, и на баржу сесть он не успел. Эмир-Али остался на берегу, а баржа была потоплена прямым попаданием снаряда на самой середине реки...

За боевые заслуги мой прадед награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией». А в начале войны, 14.09.1941 года, о нем писала дивизионная газета «За нашу победу»: «Младшего лейтенанта Османова Э.А. знают как храброго и мужественного командира. О боевых делах его говорят все бойцы. Это он не раз мужественно сражался с фашистами и всегда выходил победителем».

О моем прадеде рассказывается в книге А. Велиева «Дженк офицерлери» («Офицеры вой-

ны»). Книга написана на крымскотатарском языке. Там описывается его биография и, в частности, эпизод, как дед спас от смерти бойца. Отрывок из книги: «Пулеметный взвод лейтенанта Османова Эмир-Али стоял прямо напротив врага. Недалеко от них стреляли во врага солдаты артиллерийского полка. В какой-то момент командир взвода артиллеристов Аблямит Аметов был ранен. Османов поспешил ему на помощь. Взяв его на спину, вытащил из-под огня. Отнес в медпункт. Османов спас жизнь своему другу. Через много лет, уже в Узбекистане, они нашли друг друга».

Закончил прадед войну в Берлине. Домой возвращался начальником военного эшелона, задачей которого было вернуть на Родину ценности, вывезенные немцами в Германию во время оккупации советской территории.

Он умер в 1983 году в Узбекистане. Ему не суждено было вернуться на родину.

Связной

Другой мой прадед Абла Ибрагим родился в селе Ходжикель (ныне Шевченко) Бахчисарайского района в 1895 году. В его семье воспитывались четыре сына и одна дочь. Когда началась война, деду было 47 лет. По состоянию здоровья его

Эмир-Али Османов

не призвали в ряды Красной Армии. Но это не помешало ему сражаться с врагом. Он был связным в партизанском отряде южного соединения. Собирал сведения о передвижении немецких частей, помогал искать продовольствие для партизан, неоднократно прятал на чердаке своего дома тяжелораненых бойцов Красной Армии. Хотя понимал: если фашисты узнают об этом, его семья будет расстреляна.

У моего прадеда была племянница Урье Сефергазиева. Он доверял ей доставлять доносения в партизанский отряд. Наделенная от природы хорошим здоровьем, крепкой волей, она как нельзя лучше подходила для таких поручений. Девушка

Абла Ибрагим

очень хорошо управлялась с лошадьми, была юркой и смелой и очень хорошо знала родные горы. Несмотря на непогоду и темное время суток, несмотря на страх быть пойманной, девушка носила донесения и передачи в отряд. Впоследствии она никогда не рассказывала об этом, хотя внуки очень просили. Наверное, тяжелые воспоминания детства были очень трудны для старой женщины.

После депортации в 1944 году крымскотатарского народа в далекий Узбекистан Абла Ибрагим хотел доказать, что его вины перед государством нет, что он участник партизанского движения, что он, как и многие крымские татары, внес свой вклад в Победу. Дед сде-

лал запрос в свою родную деревню. И через некоторое время получил подтверждение из сельскохозяйственной артели имени Шевченко о том, что он действительно был участником партизанского движения. Он умер в 1947 году, вдали от родины, в далеком Узбекистане.

Подвиг Биядина

*Из воспоминаний
моей прабабушки
Эмине Мустафаевой*

Родной брат моего мужа Биядин Мустафаев в годы оккупации 1941–1944 годов был подростком. Проживал с семьей в селе Улу-Сала Куйбышевского района. В село часто наведывались фашисты с карательными операциями, они очень часто разыскивали партизан (в то время в Крымских горах действовал не один партизанский отряд).

Рота автоматчиков окружила село. В центр села были согнаны все его жители. Женщин построили в одну колонну, мужчин (а в селе оставались только старики и подростки) — в другую. Моего младшего брата мама передела девочкой, чтобы немцы его не расстреляли. Приказ был такой: показать, где находятся партизаны, иначе все мужское население будет уничтожено. Чтобы люди

не погибли, вызвался показать Биядин. Его мать громко заплакала, понимая, что видит сына в последний раз...

*Из воспоминаний
Биядина Мустафаева*

Я повел немецких солдат вдоль глубокого оврага. Где находятся партизаны, я, конечно, знать не мог. Фашисты шли за мной. Начинало смеркаться. Нужно было бежать. Мы подошли к месту, где на склонах оврага росли редкие кустарники. В какой-то момент я натянул себе на голову фуфайку и кинулся кубарем в овраг. Помню только, как стреляли из автоматов разъяренные немцы, а я все катился и катился ко дну оврага радостный от ощущения того, что остался жив. За это время жители села успели спрятаться, и фашисты не смогли расстрелять ни одного чело-

**Эмине Мустафаева (справа)
с подругой**

века. Через два дня я вернулся к матери.

Эдем АБЛАЕВ,
ученик 11 «Б» класса
Митяевской общеобразовательной школы
I–III ступеней,
Сакский район

Разведка

*Я прошел, прополз, пролез, проскользнул
Сквозь колючую проволоку, сквозь караул,
Пролежал я до ночи в воронке ничьей,
Не заметил, что плюхнулся прямо в ручей.*

*Донесенье мое простучала радистка:
«Обнаружена база аэродрома...»
Это началось Морзе прерывистым писком,
Это кончилось бомб нарастающим громом.*

Борис ДУБРОВИН

Анатолий Евцихевич

А.И. ЕВЦИХЕВИЧ: Фашисты десанта не ждали

Анатолий Иванович Евцихевич – начальник Республиканского Управления связи Крымской АССР, заместитель начальника войск связи 51-й отдельной армии.

В ШТАБЕ 51-й армии я получил секретное задание. Мне надлежало с группой связистов принять участие в готовящемся на Керчь десанте. И в дальнейшем, используя кабель, проложенный еще до войны через Керченский пролив, обеспечивать войска, высадившиеся в Крыму, надежной связью с Таманским полуостровом и далее со Ставкой. Руководство фронта в то время не хотело пользоваться радиосвязью и требовало давать связь проводную.

В десантную группу кроме меня входили военный инженер 2-го ранга С.И. Пашков, начальник Керченской кабельной базы капитан М.С. Смирнов, лейтенант Ю.Н. Теплов, шофер Г.А. Зайцев, комиссар П.С. Гандюк и группа охранения.

В десант вышли в ночь под новый, 1942-й, год из Тамани на небольшом судне. Одновременно с нами движение через пролив начали десятки судов

различных водоизмещений, перевозившие личный состав штурмовых отрядов десанта. К крымским берегам двинулись и военные корабли. Они должны были поддерживать артиллерийским огнем десантников.

Ночь была темная. В то время в районе Керченского полуострова стояли необычные для Крыма морозы, и по проливу шла шуга. Слышно было в темноте шуршание льдинок о борта судна. Позднее морозы сковали пролив, и это привело к перебоям в снабжении наших войск боеприпасами, снаряжением и продовольствием, но помогло танкам и живой силе переправиться по льду в Керчь.

Фашисты десанта не ждали. Мы подошли к берегу в тот момент, когда над проливом раздался грохот орудийной канонады. Корабли и артиллерия начали обстрел укреплений гитлеровцев. Высадившись, мы быстро направились к зданию кабельной базы. Вбе-

жав во двор, поднялись на второй этаж жилого дома и застали там многочисленную компанию пьяных фашистов, отмечавших Новый год. С помощью группы охранения мы уничтожили их. Стало светать, не теряя времени, мы отправились в местечко Ени-Кале, где была кабельная будка. Перед нами стояла задача проверить, цел ли кабель министерства связи, проложенный через пролив.

Подойдя к будке, расположенной у самого берега, мы обнаружили, что фашисты могли заминировать вход в нее. Осторожно, обвязав дверную ручку телефонным кабелем, отошли в сторону, залегли и дернули за провод. Наше предположение оказалось правильным... Раздался взрыв. Дверь слетела с петель, мы беспрепятственно вошли в кабельную будку.

На кавказском берегу, на косе Чушка, в кабель для проверки уже включились военные связисты и ждали нашего звонка. Кабель оказался в полной исправности, и нам быстро удалось дать связь на Тамань.

Так была выполнена первая часть нашего задания.

По личному приказу наркома связи и начальника связи Красной Армии И.Т. Пересыпкина, наша опергруппа должна была, кроме установления связи, найти хотя бы один комплект аппаратуры ВЧ, с помо-

щью которой гитлеровцы осуществляли дальнюю связь по специальному четырехжильному кабелю, подвешенному на наших опорах. Эта аппаратура нужна была нашим специалистам, чтобы, ознакомившись с ней, найти способ подслушивания телефонных переговоров и перехвата телеграфных текстов гитлеровцев.

Фашистами было брошено большое количество автомашин и мотоциклов. Мы, не медля, на военной машине выехали в сторону Феодосии, вдоль столбовой линии индотелеграфа, выполненной из невысоких чугунных столбов. Эта поездка была рискованной. Машина часто попадала под обстрел, и, кроме того, мы каждую минуту могли нарваться на группы фашистов, отходящих от Керчи на запад. Но все обошлось благополучно. Километрах в 25–30 от города в районе домика линейного монтера Квасова, обслуживающего до войны линию индотелеграфа, удалось обнаружить комплект аппаратуры ВЧ, который позднее был отправлен на Большую землю и принес определенную пользу. За это нам была объявлена благодарность.

В городе гражданской власти еще не было. Но, так как я в то время был не только военным, но и начальником Управления связи Крыма, я, естест-

венно, занялся восстановлением разрушенных объектов связи города.

Первым делом с помощью товарищей мы стали разыскивать местных связистов, не сумевших эвакуироваться из Керчи. Их удалось найти, и вместе мы начали налаживать связь. Тогда здание городской конторы связи было еще целым. Мы подготовили к работе часть телефонной станции, городской радиоузла. Начала работать местная почта. Была организована сначала по радио, а затем и по аппарату Бодо связь с Краснодаром.

Во всем этом была большая заслуга связистов, работавших самоотверженно, не считаясь со временем. В восстановлении почтовой связи нам особенно помогла керчанка Н.И. Ермакова.

Организовав работу предприятий связи в Керчи, наша оперативная группа с той же задачей двинулась в Феодосию. Но добраться удалось лишь до Семи Колодезей... 17 января наши войска под натиском превосходящих сил противника были вынуждены оставить Феодосию.

Снова Керчь... В первый период после ее освобождения дела шли неплохо. Наладилась почтовая связь через пролив.

В городе начала выходить газета «Красный Крым». В Керчь стали поступать газеты, письма. Исправно работали радиоузел и некоторая часть восстановленной телефонной сети. Для воодушевления воинов армии и флота, сражавшихся за Крым, мы выпустили две серии почтовых цветных открыток, изобразивших красноармейцев и матросов, идущих в атаку на

Рядом, на соседних улицах, рвались бомбы, осколки изрешечивали стены конторы связи, но связисты не покидали своих рабочих мест.

фашистские позиции. На открытках были отпечатаны стихи крымского поэта Б. Сермана, призывающие разгромить врага. Эти открытки были разосланы по частям 51-й и Приморской армий.

Но примерно с начала апреля гитлеровцы усилили давление на фронте, проходившем тогда вдоль Ак-Монайского перешейка. Одновременно фашистская авиация начала массированные налеты на порт и город Керчь. Помню дни, когда по 300 самолетов висело над многострадальной Керчью. Под бомбовыми ударами рушились здания, гибли мирные жители. Окончательно разрушились средства связи.

В это труднейшее время связисты-керчане проявили максимум героизма и выдержки. Рядом, на соседних улицах, рвались бомбы, осколки изрешечивали стены конторы связи, но связисты не покидали своих рабочих мест. И лишь в момент особенно ожесточенной бомбежки пытались укрыться под лестницей первого этажа здания конторы. Хорошо помню, как прямое попадание до основания разрушило двух- или трехэтажный угловой дом, находившийся буквально в двадцати шагах от конторы связи, но дежурная смена кресса и телеграфа продолжала обслуживать связь.

Наконец крупная бомба угодила и в здание конторы, убив несколько человек из ремонтно-восстановительного батальона связи и разрушив здание. Мы вытащили из-под завалин все, что можно, и перебрались на западную окраину Керчи. Здесь, в брошенном доме, развернули небольшую радиостанцию «РСБ» и возобновили связь с Краснодаром. Фашисты засекали рацию и стали усиленно бомбить этот район. Жители обратились к нам с просьбой прекратить работу станции, чтобы не навлекать на них беды. Мы, не желая приносить несчастье и смерть советским людям, прекратили радиосвязь с Краснодаром, а

рацию перебазировали в каменоломни.

Дела на фронте становились хуже, фашисты остервенело рвались вперед. Бомбардировки города усилились до предела. Нам пришлось часть людей отправить в Аджимушкайские каменоломни, где они могли бы спастись от ожесточенных бомбежек. Плохо стало с пресной водой и питанием.

Я со своим помощником Ю.Н. Тепловым и несколькими воинами-связистами, перебрался в одну из штолен на горе Митридат. Здесь мы развернули уцелевший комплект Бодо и установили связь с Краснодаром. На горе Митридат мы находились до последнего. И когда фашисты уже ворвались в город, нам удалось переправить из штольни в распоряжение командования Керченской базы ЧФ с начальником связи тов. Давыдовым аппарат Бодо, а сами начали пробираться к переправе. До этого я успел еще телеграфировать наркому связи И.Т. Пересыпкину о том, что мы оставляем Керчь.

Эвакуация через пролив была очень тяжелой. Не хватало плавсредств. Фашисты бомбили пролив. Многие переправлялись самостоятельно, кто как может. Например, шофер управления связи Г.А. Зайцев и группа связистов переправились на плоту, сооруженном из пустых бензи-

новых бочек. Нелегко вспомнить ту ужасную переправу. Но нам все же удалось многих связистов отправить на косу Чушка. Я отплыл из Керчи вместе с секретарем обкома партии тов. Булатовым и тов. Ямпольским на торпедном катере генерала армии тов. Серова.

После сдачи города меня с группой связистов-крымчан направили в штаб партизанско-

го движения Крыма. Здесь наша группа руководила организацией связи с партизанскими отрядами и соединениями, действовавшими в горах и лесах Крымского полуострова.

В Керчь мы вернулись в составе Отдельной Приморской армии осенью 1943 года.

Архив Керченского историко-культурного заповедника

Окопные цветы

*В тишине перелесков и сопок,
Потаенною грустью полны,
Пламенеют цветы на окопах —
На заросших окопах войны.*

*Сколько неодолимой печали
И простреленной красоты
Перед тем, как сгореть, излучали
Умирающие цветы.*

*И на солнце с доверьем глядели,
Истлевая на срезах высот,
Словно верить они не хотели
В то, что небо им гибель несет...*

*Возле боли — цветения радость!..
Точно так же чисты и ясны,
После боя на бруствер взбирались
Поколенья военной весны.*

Борис ДУБРОВИН

Анатолий Фетисов

А.Ф. ФЕТИСОВ: Я оказался на Северном флоте в бригаде «морских охотников»

За свою жизнь Анатолий Федорович Фетисов прошел долгий путь от школьника, бегающего в военно-морской кружок, до командира пулеметного взвода, капитан-лейтенанта. Сегодня он возглавляет Совет ветеранов войны Краснознаменного Черноморского флота. Неутомимый организатор, душа ветеранского движения, отдает любимой работе все свои силы, энергию и знания.

— А НАТОЛИЙ Федорович, если я не ошибаюсь, Вы, будучи школьником, решили пойти учиться военно-морскому делу...

— У моего друга старший брат учился в морском училище. А потом, в 7 классе, мы, мальчишки, целой гурьбой после учебы в обычной школе ходили в военно-морской кружок: маты вязали, изучали семафорную азбуку и даже в походы ходили. В общем, меня это затянуло. А когда я был в 9 классе, мой учитель сказал, что идет набор в 1-ю военно-морскую среднюю специальную школу. Я туда и пошел.

— Как для Вас началась война?

— В июне 1941 года мы срочно сдали экзамены, и всех выпускников перераспределили по высшим военно-морским училищам. Я получил назначение в

училище имени М.В. Фрунзе и с первых дней войны оказался на Ленинградском фронте. И вот, помню, только сели мы в поезд, идущий в Ленинград, стали переживать, что не успеем доехать, как война закончится. Потому что были воспитаны в духе патриотизма.

— Тогда же, в Ленинграде, будучи курсантом, Вы и получили боевое крещение?

— Сначала в первый же день в Ленинграде нас одели в робы и направили на выгрузку угля в гавань. Но уже через месяц мы дали присягу, и отправили нас в истребительный батальон сводной морской бригады. Я участвовал в обороне Ленинграда с июля по декабрь 1941-го. И уже под Новый год наш батальон курсантов прошел Дорогой жизни по Ладожскому озеру и направился через Москву в Ас-

трахань. В начале 1942 года мы прибыли в Астрахань, где после двух месяцев учебы по приказу Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина наш курс передали в распоряжение командования Сталинградского фронта. А еще через два месяца переподготовки я был назначен командиром взвода в 148-й отдельный артиллерийско-пулеметный батальон.

И вдруг я смотрю, командир падает на меня... Я поспешил подхватить его, но грудь командира уже была разрезана осколком снаряда, и его сердце оказалось у меня на ладони. Живое сердце...

— Что Вас ждало на Сталинградском фронте?

— Были и бои местного значения, и дозоры. Тогда же получил ранение и попал в Астраханский госпиталь. А когда вышел из госпиталя, Сталинград уже был освобожден, поэтому получил направление на Южный фронт, в 248-ю стрелковую дивизию, 905-й стрелковый полк, заместителем командира пулеметной роты.

— Могли бы Вы вспомнить кого-нибудь из своих сослуживцев?

— Когда меня назначили командиром взвода, то приставили ко мне вестового Филонова. В его обязанности, поми-

мо прочих поручений, входило приносить из кухни котелок с обедом для командира и паек дополнительный. Так я этот допapak всегда отдавал, мне моего котелка вполне хватало.

— Анатолий Федорович, что в Вашем понимании хороший командир?

— Прежде всего, надо быть справедливым и исполнительным. А так я всегда старался

со всеми подчиненными разговаривать просто, по-человечески. Вот получил солдат письмо из дома, ходит хмурый, беспокойный, подойдешь к нему, поговоришь: «Ну, расскажи, в чем дело, что случилось?» Личное участие всегда было и остается очень важным.

— А хороший солдат?

— Если хороший командир, то будет и хороший солдат. Ведь если командир попросил, а не приказал, то и отношения совсем другие будут, человеческие.

— Сколько бойцов было тогда в Вашем взводе?

— 27 человек. И три станковых пулемета «максим». Фронт растянут, например, километра на два, его занимает батальон, в батальоне три-четыре роты. А уже рота состоит из четырех взводов. И вот я со своим заместителем на протяжении двух

Курсант 1-й военно-морской средней специальной школы Анатолий Фетисов

километров должен побывать в каждой точке, проконтролировать. И, уже будучи командиром, я ходил в ночной дозор.

— А приходилось самому за пулемет ложиться?

— А как же! Один лежит за пулеметом, второй ленту поправляет, а третий патроны подносит. И ни при каких обстоятельствах я пулемета не оставлял.

— Где Вы, как командир взвода, находились во время атаки?

— Впереди всех. Задача командира — поднять за собой бойцов. Вот командир роты всегда был на командном пункте, а у взводного — командный пункт только впереди.

— Вам когда-нибудь приходилось брать немцев в плен?

— Нет, я только видел пленных издалека после взятия Мариуполя. Мы тогда ехали в машине на встречу с командующим 44-й армии для согласования действий под Керчью. И когда проезжали лагерь немецких пленников, водитель замедлил ход. Их тогда, по-моему, на прогулку вывели. И я бы не сказал, что с ними плохо обращались, совсем нет.

— Анатолий Федорович, у Вас было личное оружие?

— Конечно, при себе всегда пистолет ТТ.

— Случались ли проблемы с продовольствием?

— Было такое. Но не забуду Ленинград в 1941 году. Я был тогда старшиной взвода. В столовую заходим, свет выключен. Зажигается, видим — длинный стол, хлеб разложен, кусочки малюсенькие — и все на местах. А ведь, когда шли, темно было... Нет, даже мыслей таких не возникало, время было другое.

— За годы боевых действий много встречали женщин-военных?

— Да, под Керчью. Я тогда уже был старшим лейтенантом и руководил группой разведчиков. Находились мы в районе косы Чушка, что на севере Керченского пролива, тогда сплошь уставленного артиллерийскими орудиями «катюша». Вот там мы

и повстречали женский атаманский полк. Они летали на самолетах У-2 и прикрывали наши операции с воздуха. Что примечательно, эти женщины первое время летали даже без парашютов. Видели мы друг друга только во время небольших перерывов. Что ж, мы ребята молодые, ходили знакомиться, на них посмотреть, себя показать, потому что самих девушек никуда не выпускали.

— **Анатолий Федорович, какие воспоминания для Вас, возможно, самые тяжелые из военных лет?**

— Однажды после очередной операции я докладывал командиру и начальнику штаба о результатах, а в это время над нами шел ожесточенный воздушный бой. Все взрывы, взрывы, но мы к этому уже и привыкли как-то... И вдруг я смотрю, командир падает на меня... Я поспешил подхватить его, но грудь командира уже была разрезана осколком снаряда, и его сердце оказалось у меня на ладони. Живое сердце...

— **Анатолий Федорович, скажите, во время войны у Вас не было ощущения, что мы воюем с неоправданно высокими потерями?**

— Нет! Все было обоснованно. Вот французы сдали Париж, объявили его открытым городом. Но французы — это французы. У них другая идеология.

Они — те же капиталисты, что и немцы. Ведь если бы мы объявили Ленинград открытым городом, немцы бы его затопили. То же самое с Москвой. Так что таких мыслей никогда не возникало.

— **А когда началась Ваша служба на флоте?**

— Волею судьбы в декабре 1943 года я из сухопутного полка попал на Азовскую военную флотилию. Там я с еще одним моим другом примкнул к Отдельному Кубанскому отряду военных кораблей. И, будучи артиллеристом дивизиона катеров, принимал участие в освобождении Таганрога, Осипенко, Мариуполя, Темрюка и Керчи. И за операцию по высадке десанта в хуторе Веселый я был награжден орденом Отечественной войны II степени.

— **Анатолий Федорович, как проходила Ваша военная служба на море в дальнейшем?**

— В апреле 1944 года после расформирования Азовской военной флотилии я оказался на Северном флоте в бригаде «морских охотников» в должности заместителя командира корабля. В те годы «морские охотники» высаживали десант и разведчиков в тылу противника, ходили в дозоры, совместно с торпедными катерами ставили мины у вражеских берегов и часто вступали в бой с катерами фашистов.

— **О Победе в Великой Отечественной войне Вы тоже узнали в открытом море?**

— Да, о Победе я узнал еще 8 мая, на катере, когда сопровождал командующего эскадрой кораблей Северного флота контр-адмирала Фокина. Он тогда и обратился к нам: «Ну,

сынки, радуйтесь! Война закончилась!»

— **Часто море вспоминаете?**

— Да, конечно, море не забывается. Особенно мне вспоминаются Северное и Баренцево. Никогда не забуду северного сияния...

Александра РЫБИНКИНА,
г. Москва

Присяга

*...Жизнь пройдет, а это не сотрется:
Присягают Родине сыны.
Пасмурно. Но словно вышло солнце —
Так глаза солдат просветлены.*

*С кумачом деревья зашептались
И застыли в гулкой тишине.
И теперь лицом к лицу остались
Родина и я — наедине.*

*Я клянусь: без устали повсюду
Охранять родимые края.
Я тебе достойным сыном буду,
Мать солдата, Родина моя.*

*Я клянусь: надежной защитой
Заслонить тебя в любом бою.
Никаким врагам не дам в обиду
Мать солдата, Родину мою.*

Борис ДУБРОВИН

Федор Чумак

Ф.И. ЧУМАК:

**Нам, пацанам,
очень хотелось
по-настоящему
пострелять в немцев!**

Беспризорник, сын полка, участник Парада Победы 1945 года в Москве, офицер-спецназовец, одновременно курсант и преподаватель высшего военного летного училища, заместитель командира авиационного полка, «кузнец» кадров – будущих защитников Родины. Таковы основные вехи жизненного пути коммуниста, полковника в отставке, председателя Совета Крымской общественной организации «Всеукраинский Союз советских офицеров» Федора Ивановича Чумака.

– Ф ЕДОР Иванович, Вы еще до войны хлебнули горя. Как стали беспризорником?

– Родился я в 1930 году в деревне Рогизна под Киевом в бедной многодетной крестьянской семье. Из первых детских лет навсегда запомнился жуткий голод, который заставил меня и старшего брата вместе с другими малолетками совершить два «налета» на Киев за куском хлеба, в результате чего я и брат оказались в приюте для беспризорников, расположенном возле Киево-Печерской лавры. Священнослужители лавры иногда встречались с нами и рассказывали о Божьих заповедях, о добре и зле. Через полтора года родители нашли нас и, собрав свои скромные

пожитки, вместе с нами переехали к родственникам в г. Ливны Орловской области.

– Помните, как жилось на новом месте?

– В Ливнах отец столярничал. Нам как многодетной семье выделили жилье в цокольном этаже пристройки к Троицкому собору. В этом же соборе мы участвовали в церковных мероприятиях.

В школе мне учеба легко давалась. Очень любил играть со сверстниками в казаки-разбойники. В общем, жили потихоньку...

– Когда появилась мечта стать летчиком?

– Это случилось в предвоенные годы. Однажды летом в Ливнах на городской стадион приземлился «кукурузник»: так

в народе назывался двухместный самолет-биплан У-2. Его впоследствии переименовали в ПО-2 в честь создателя – авиаконструктора Поликарпова. Кстати, Поликарпов – уроженец Ливенского края и дипломлетчика получил, обучаясь на своем же самолете У-2 под руководством Валерия Чкалова. Сейчас в Ливнах стоит памятник знаменитому авиаконструктору и открыт посвященный ему музей. Так вот, увидев «кукурузник», я и вдохновился. Сначала вступил в школьный авиамодельный кружок, строил самолетики и планеры. Вообще, в предвоенные годы советская власть уделяла очень большое внимание военно-техническому обучению и патриотическому воспитанию молодежи. Ребята учились летать на самолетах, прыгать на парашютах, водить автомобили в автошколах и т.п.

– **Город Ливны был захвачен немецкими войсками. Как жили в оккупации?**

– Немцы захватили город после жестокого артобстрела и бомбежек в ноябре 1941-го. Сразу же на стенах домов появились объявления о введении в городе комендантского часа и нового порядка. Гестаповцы выискивали среди населения коммунистов, евреев, активистов, заодно грабя людей и их жилища, отлавливали молодежь для отправки на работу в Германию.

Много раз видел повешенных на деревьях в городе. Был случай, когда мы с братом нарушили комендантский час и попались на глаза пьяному немецкому офицеру, который под пистолетом вел куда-то плачущую женщину. Сказав «хальт» и дав нам пинков под зад, немец повел нас вместе с ней. У перекрестка мы с братом разбежались в разные стороны, и только пули просвистели над моей головой.

Днем мы ходили по городу и окрестностям в поисках продовольствия и оружия. Тогда я научился стрелять из пистолета. Однажды на окраине города мы встретили мужчину. Он дотошно расспросил нас, где у немцев в городе штаб, зенитные батареи, бронетехника, склады. Мы поняли, что это наш разведчик. Все рассказали, что знали. Через несколько дней по немецким объектам ударили наши реактивные «катюши», и немцы удрали из города в одну ночь! Город Ливны был в оккупации примерно месяц. Однако, оставив его, немцы укрепились в нескольких десятках километров от города на заранее подготовленных в тылу оборонительных линиях.

– **Федор Иванович, как же Вы стали сыном полка?**

– До середины 1943-го Ливны были прифронтовым городом. Город располагался

на Орловско-Курской дуге. Там война приняла позиционный и затяжной характер. Стороны накапливали силы для будущей битвы. Часть населения города была эвакуирована, те, кто остался, помогали нашим войсковым частям.

Нам, пацанам, очень хотелось по-настоящему пострелять в немцев, и мы почти дошли до передовой! Но в одном из батальонов нам приказали идти домой. Мы притворились, что идти некуда: родители погибли при бомбежке. Нас пожалели, накормили. А потом дядя Вася, ефрейтор, нашел солдатское обмундирование, и мы стали жить с солдатами. Правда, нас троих распределили по разным ротам, но мы находили время поговорить друг с другом.

– **А что Вы делали?**

– Разносили письма бойцам, на волокушах таскали боеприпасы, выполняли разные поручения. Ближе, чем на тридцать метров, нам запрещалось подходить к окопам.

Летом 1943-го на Орловско-Курской дуге разыгралась мощнейшая битва. Под Ливнами немцы потеряли более 30 тысяч военнослужащих, а мы – 2,5 тысячи бойцов и командиров. Сам город практически полностью был разрушен немецкими арт-

налетами и бомбежками. В историю войны Ливны вошли как «мертвый город»...

Тогда, в 43-м, «серия» осколков прошла мою правую ногу, и я оказался в госпитале. После излечения по ходатайству командира Ливенский горвоенкомат направил меня на учебу в Орловское суворовское училище. Я был счастлив, что стану офицером! Был на седьмом небе! А мои друзья, Игорь Пахомов и Валентин Рябцев,

мы с братом нарушили комендантский час и попались на глаза пьяному немецкому офицеру, который под пистолетом вел куда-то плачущую женщину.

остались «сынами полка», прошли по фронтовым дорогам до конца войны и, демобилизовавшись, занялись мирным трудом.

– **Какой была жизнь в суворовском училище?**

– Жизнь в училище проходила в строгом порядке. Половину программы обучения составляли школьные общеобразовательные дисциплины, другую половину – военно-технические предметы и спортивные занятия. Мы учились ездить на велосипедах, мотоциклах, автомобилях, броневиках, танках. Учились плавать, ходили в походы, на экскурсии, в театр.

Нам преподавали психологию, этику, учили танцевать. В обязательном порядке каждый суворовец должен был уметь играть на музыкальном инструменте (я освоил фортепиано). Умею танцевать мазурку, не говоря уже о других танцах моего времени. Правда, мне кажется, что современные танцы на дискотеках – это не танцы, а какая-то вакханалия!

– Федор Иванович, Вы же участвовали в Параде Победы...

– Да, в составе Орловского суворовского училища. Парад проходил 24 июня 1945 года на Красной площади в Москве. От оставил незабываемые впечатления! Для подготовки к Параду нас разместили в школе-гимназии. Почти месяц мы занимались строевой подготовкой. Сначала тренировались в Сокольниках, затем на Центральном аэродроме прошла у нас предпоследняя репетиция и, наконец, генеральная – на Красной площади.

24 июня с утра стояла пасмурная погода, моросил мелкий дождь. Но настроение все равно было хорошим. На площади выстроились сводные полки фронтов, наркоматов обороны и Военно-морского флота, слушатели военных академий, курсанты военных училищ и войска Московского гарнизона. В состав сводных полков фронтов входили Герои Со-

ветского Союза, кавалеры орденов Славы, прославленные снайперы и наиболее отличившиеся орденосцы – солдаты, сержанты, старшины, офицеры. На Манежной площади и далее сосредоточилась боевая техника. «Коробка» суворовцев стояла за оркестром напротив Мавзолея В.И. Ленина.

Во время торжественного марша для суворовцев исполнялась песня «Мы – суворовцы, дети Родины...». Особенно волнующим был момент, когда двести бойцов под барабанный бой бросили к подножию Мавзолея двести немецко-фашистских знамен, захваченных в ходе сражений советскими войсками. В колонне суворовцев я шел в первой шеренге вторым правофланговым и хорошо видел лица Сталина, Ворошилова, Буденного, Калинина и других государственных деятелей. После Парада Победы нас на машинах перевезли в школу-гимназию, где нам устроили праздничный обед.

Парад Победы вызвал у нас душевный подъем и огромную гордость за нашу Советскую армию, Военно-морской флот, за советский народ, за всех, кто одержал эту победу!

**Анна ФЕДОРОВА,
Алена ФИРSOVA,
ученицы 10 «А» класса
гимназии №11 им. К.А. Тренева,
г. Симферополь**

Осколок Курской дуги

*В том Сорок Третьем –
Врозь сапоги,
Взрывом свалило с ног.
Рванный осколок Курской дуги
Врезался в позвонок.*

*Магии медиков вопреки,
Как в госпитальный год,
Рванный осколок Курской дуги
Плоть ветерана рвет.*

*Рванный осколок Курской дуги
В строчках, в любви, в судьбе.
С ним полстолетья –
Ада круги:
Насмерть прирос к тебе.*

*Ночью в душе не видно ни зги,
Будто бы все – металл.
Будто осколком Курской дуги
Сам постепенно стал.*

Борис ДУБРОВИН

Клавдия Резниченко

К.Д. РЕЗНИЧЕНКО: Только успела переодеться в гражданское, как немцы ворвались в дом

Клавдия Дмитриевна Резниченко. Фронтовичка. Полковник медицинской службы. Гражданский медик с более чем полувековым стажем работы. Долгожительница. В конце декабря минувшего года она отметила 100-летний юбилей. И, несмотря на столь солидный возраст, Клавдия Дмитриевна поражает и ясностью ума и еще больше – удивительной памятью, сохранившей до мельчайших подробностей события долгой жизни, тесно переплетенной с историей родной страны.

РОДНЫЕ и знакомые зовут ее ласково – Клава. На фронте к ней обращались совсем не по уставу – наш военфельдшер Клава. А по паспорту она – Клавдия Дмитриевна Резниченко. Родилась 25 декабря 1911 года в крестьянской семье на хуторе Избашева (ныне Одесская область). Семья по тем временам была самой обычной – родители и семеро детей. Клава была шестым ребенком в семье и младшей из трех сестер. «Училась я в детстве мало, – вспоминает Клавдия Дмитриевна. – Жили на хуторе, в школу ходить было далеко, да и гражданская война полыхала». Вскоре Резниченко переехали в расположенный неподалеку городок Березовка. Клаве как

раз исполнилось 10 лет. Девочка устроилась письмонощицей на почту.

В 1930 году Клава вместе с родителями, вслед за старшим братом Леонидом, переехала в Керчь. В то время город являлся крупным промышленным центром Крыма. Окончание строительства металлургического завода, существование большой сырьевой базы для металлургии создавали огромные перспективы для развития Керчи. «Тогда слава о Керченском металлургическом заводе гремела на весь Союз», – говорит Клавдия Дмитриевна.

Леонид работал на заводе, а Клава, как и в Березовке, устроилась работать на почту, которая находилась недалеко от заводской проходной. «Это

сейчас в Керчи людей мало, а тогда было очень много, — вспоминает довоенное время Клавдия Дмитриевна. — Я работала на почте. Нас было 7 или 8 писмоносиц. По очереди каждый день мы забирали из заводской типографии тираж газеты «Ударник» и несли его сначала на почту, а потом разносили по домам. Вот подойдет моя очередь, я получу пачки газет, а сама худенькая, сил не хватает все унести. Смотрю, рабочие с ночной смены возвращаются. Я им: «Дяденьки, помогите». Рабочие всегда помогали».

Клава работала и одновременно училась в вечерней школе. «Тогда много было организовано вечерних школ в городе, все приехавшие из деревень рабочие учились», — продолжает вспоминать Клавдия Дмитриевна. Девушка наверстывала упущенное. Училась только на «отлично», особую страсть питая к чтению. Любовь к хорошей литературе останется на всю жизнь. Это сегодня почти не видят глаза, а еще недавно Клавдия Дмитриевна уснуть не могла, не почитав на ночь.

Закончив с отличием семь классов вечерней школы, Клава поступила на годичные курсы медсестер, после чего была направлена на работу в заводскую поликлинику. Затем было трехгодичное обучение в Керченском медтехникуме (или,

как записано в военном билете, в трехгодичной школе медработников г. Керчи). Изучали не только специальные дисциплины, но и военные. Знали: если завтра война, им в числе первых вручат повестки. Так и случилось. Днем 22 июня 1941 года фельдшеру Клавдии Резниченко принесли повестку из военкомата. На следующий день девушка в звании военфельдшера (что соответствовало званию лейтенанта) была призвана в действующую армию. «Несколько дней пробыли в Симферополе на формировании частей, и я попала в пехоту — в 530-й СП 156-й СД», — вспоминает Клавдия Дмитриевна.

Боевое крещение военфельдшер Резниченко прошла на Перекопе. Чтобы представить то, как сражалась ее дивизия, стоит привести несколько высказываний П.И. Батова, в тот период заместителя командующего 51-й отдельной армией:

«Нашей 156-й дивизии предстояло вступить в единоборство с врагом, имевшим тройное превосходство в живой силе и артиллерии и абсолютное — в танках и авиации».

«156-я дивизия вышла из перекопских боев обескровленной, из ее ветеранов составилась бы не более чем полк».

«С Перекопа послали меня на санитарной машине отвезти

раненых в какой-нибудь госпиталь, — рассказывает Клавдия Дмитриевна. — Куда ни приеду — госпиталя эвакуируются. Наконец нашла один, на берегу грузили раненых. Подскочила к начальнику госпиталя: «Вот у меня раненые — заберите». Смотрю, а медперсонал раскрывает кровати. Кричу: «Что ж вы кровати крутите, людей надо спасать!» А тут еще и гражданские с детьми начали подходить, проситься на пароход. Я и за них вступилась: «Как вы можете детям отказывать и брать это железо». В общем поругалась с начальником госпиталя, и раненых у меня не взяли. Было это на побережье между Феодосией и Алуштой.

Повезла я своих раненых в Карасубазар, там больница была хорошая, но медработников — никого. Нашла сторожа: «Где медработники?!» «По домам разошлись», — отвечает. Я опять в крик: «Раненые измучились, у многих жгут наложен». Пришли несколько работников. Оставила им раненых (а было их очень много — полная машина) и назад, к переправе. Приезжаю: пароход уже отошел, а на берегу одни разобранные кровати лежат..

Приехали в Феодосию, машину с ранеными уже не помню, куда определила. Села под ка-

ким-то заборчиком. В шинели, на боку наган и санитарная сумка. И разрыдалась. Тут ко мне мужчина подбегает: «Клава, это ты? Чего ж ты сидишь?! В городе полно немцев! Идем переодеваться». Оказалось, мой однополчанин. Только успела переодеться в гражданское, как немцы ворвались в дом. Но жильцы меня спрятали, и пробыла я у них недели две. Потом нас человек сто собралось, и ре-

Нашла сторожа: «Где медработники?!» «По домам разошлись», — отвечает. Я опять в крик.

шили мы идти в Керчь, слышали, что ее немцы еще не взяли. Ночью идем по степи, а днем прячемся. Так и в Керчь пришли. У меня здесь сестра жила (трое сыновей у нее было — все на фронте погибли). У нее и дождалась прихода наших под Новый, 1942-й, год. И сразу в военкомат пошла».

Поначалу Клавдию направили оказывать медицинскую помощь десанникам. «Зима была жестокая, и столько было обмороженных людей после десанта! — вспоминает бывший военфельдшер. — Мы собирали их, организовали госпиталь в тех домах, что стоят за клубом Энгельса. Врачи у нас подобрались хорошие, даже профессора среди них были».

А вскоре Резниченко получила новое назначение – в 880-й пушечно-артиллерийский полк Резерва Главного командования на должность военфельдшера дивизиона. И в этой части Клава прослужила до июня 1946 года. Ровно пять лет – суровых, военных, наполненных горечью потерь и радостью больших и малых побед.

Остались в памяти бои за Кавказ, освобождение Донбасса и южной Украины, родной Одесской области, Молдавии, Румынии, Австрии, Югославии. Встреча с американскими солдатами, покоренными смелостью русской девушки, прошедшей всю войну на передовой. О сотнях спасенных жизней напоминают боевые награды – медаль «За боевые заслуги», два ордена Красной Звезды, медаль «За оборону Кавказа». Они бережно хранятся в старой солдатской пилотке. Сама Клавдия перенесла несколько контузий, говорит, легких. Больше в войну донимали не пули и не осколки, а малярия – никакие лекарства не помогали.

Победу Клавдии Резниченко довелось встретить в знаменитом Венском лесу. Судьба словно в награду одарила девушку за четыре года грязи, мерзлых окопов, крови, смертей...

Демобилизовавшись, старший лейтенант медицинской службы Клавдия Резниченко вернулась в Керчь. Работала сначала в первой больнице зав-физлечебницей, потом перешла во вторую больницу, где проработала фельдшером физлечебницы с 1954 по 1983 год.

Вырастила как родную дочь оставшуюся без матери племянницу, воспитала ее детей, вынянчила правнуков. И сегодня Клавдия Васильевна окружена такой редкой в наше время трогательной заботой родных.

Главный праздник для фронтовички, подполковника медицинской службы Клавдии Дмитриевны – День Победы. В этот день у нее собирается большая дружная семья. Когда-то в гости приезжали однополчане. «Теперь уж я одна такая, живучая», – говорит Клавдия Дмитриевна. Рецепт долгожительства, считает она, в необходимости постоянно трудиться. «Всю жизнь Каля как пчелка трудилась – и на работе, и дома, и на даче, – рассказывает внучка Татьяна Геннадьевна. – В быту и еде неприхотлива, очень любит овощи, много лет спала только на жесткой постели, ходила босиком. И в общении с ней легко. Отчего же ее не любить?»

Оксана ШЕРЕМЕТ,
г. Керчь

Пехота

*Неуязвимая пехота
С бегущих обожженных нив
На танки вспрыгивала с хода,
Броню собою заслонила.*

*Но после боя
Сквозь отсеки
Чужих траншей,
В крови, в пыли,
К санчасти, словно к древней Мекке,
Бойцы паломниками шли.*

Борис ДУБРОВИН

Леонид Лоскутов

Л.Д. ЛОСКУТОВ: Перед каждым боем давали наркомовские 100 грамм для бесстрашия, и это срабатывало

Нашим дедам и прадедам в своей жизни пришлось не только посадить дерево, построить дом и вырастить сыновей – им пришлось воевать во имя Родины. Один из таких людей – Леонид Дмитриевич Лоскутов. Когда мне представилась возможность пообщаться с ним, я ее не упустил, ведь участники Великой Отечественной войны в настоящее время становятся легендой мировой истории и истории нашей страны. В ходе нашего разговора я узнал много интересного о жизни этого человека, чем и хочу поделиться с вами.

– Л ЕОНИД Дмитриевич, откуда Вы родом?
– Родился я в Ленинграде 16 апреля 1926 года.

– А как попали на фронт?

– Это было в 1943 году. В боях на Курской дуге погиб мой отец. Нам пришла похоронка. Душа была переполнена болью за потерю отца и желанием отомстить немцам! Я написал в военкомат просьбу направить меня на фронт.

– Но ведь Вам было всего семнадцать лет...

– Поэтому в первой просьбе мне и отказали. Но я настолько хотел отомстить за отца, что пошел на хитрость и, прибавив себе год, вторично обратился с просьбой направить меня на фронт. Так как

время было беспокойное, проверить никто не стал.

– Куда Вы были направлены?

– Меня зачислили в школу снайперов в Омской области, город Калачинск. Из нее был отправлен на переформирование в Гороховецкие лагеря под Москвой. Там я попал на 1-й Белорусский фронт 61-й армии под командованием маршала Рокоссовского.

– Где Вы приняли первый бой?

– На Пинских болотах.

– Было ли у вас чувство страха перед боем?

– Перед каждым боем давали наркомовские 100 грамм для бесстрашия, и это срабатывало.

Леонид Лоскутов (справа) с другом

- Как долго длился бой?
- Он шел часа полтора-два.
- Какие чувства Вы испытывали после боя?

ласти почек. По дороге в военно-полевой госпиталь попали под бомбежку. И дальше не помню, как оказался в госпитале, где пробыл около трех месяцев.

Танк подбили, он загорелся быстро, как свечка. Я успел выбраться через лаз. Весь остальной экипаж погиб.

– Состояние было подавленное, ведь после подсчета оказалось, что погибших было больше, чем выживших. Многие получили ранения.

– А получали ли ранения Вы?

– Да, дважды. В первый раз под городом Воленберг был ранен в спину, левая сторона в об-

После выздоровления просил, чтобы меня не отправляли в тыл, а отправили обратно на фронт.

– Почему Вы не хотели в тыл?

– Хотелось попасть в Берлин, ведь до него оставалось 80–90 км. Но я был направлен на обучение в Северокавказское танковое училище в городе Казань. По окончании училища мне было присвоено звание лейтенанта.

– Почему Вас направили из пехоты обучаться на танкиста?

Леонид Лоскутов на танке

– В мирное время я работал на комбайне, а людей, которые разбирались в технике, обучали на танкистов. В итоге мы получили машины и были направлены на фронт.

– А где вы получили второе ранение?

– Уже под самым Берлином. Танк подбили, он загорелся быстро, как свечка. Я успел выбраться через лаз. Весь остальной экипаж погиб. Я попал под обстрел, потерял сознание. С поля боя ме-

ня вытащила санитарка. Снова госпиталь. И там мы, раненные, встретили долгожданную Победу.

По окончании войны Леонид Дмитриевич Лоскутов был награжден восемнадцатью медалями и четырьмя орденами – Красной Звезды, «За мужество», Отечественной войны I и II степени».

Дмитрий САФОНОВ,
ученик 10 класса ОШ
№21, г. Симферополь

Здесь задержали на мгновенье

*От мирно дремлющего Буга,
От Бреста, от Березины
Пружинной, скрученной туго,
Дрожат видения войны.*

*Траншей разорванных сплетенье,
Леском заросшее давно...
Здесь задержали на мгновенье,
Лишь на мгновение одно...
Ежи надломленные ржавы,
А берег выкрошенный крут...
Здесь на минуту задержали,
А здесь уже на пять минут.
Вот глыбу танка у оврага
Светло усыпала роса.
Здесь задержали контратакой
На целых полтора часа.
И здесь, где над речною сталью
Мелькает выводок стрижей,
На две недели задержали,
А здесь на двадцать девять дней.
У сизых роц, что, словно крылья,
Вздымаются издалека,
Дыханье сбив, остановили
И опрокинули врага.*

Борис ДУБРОВИН

Ф.А. ГРИЦАЙ:

**В подземном госпитале
еще находились
железные кровати и
несколько высохших
трупов**

Федор Акимович Грицай – лейтенант административной службы 1371-го стрелкового полка 414-й стрелковой дивизии. В Аджимушкских каменоломнях он нашел дневник политрука Александра Сарикова. Страницы, полуистлевшие от влаги, рассказали ему о многом.

В ЯНВАРЕ 1944 года наш полк после изгнания немцев из Тамани поступил на Керченский фронт. Стрелковые подразделения полка заняли оборону за селом Аджимушкой, а тыловые подразделения располагались в Аджимушкских каменоломнях. Я служил в штабе полка заведующим делопроизводством.

Об ужасах, которые творили фашисты с укрывшимися в каменоломнях военнослужащими и гражданскими, нам было известно давно, еще задолго до нашего поступления.

В одну из ночей (в каменоломнях всегда была ночь) я интереса ради пошел по катакомбам и добрал до госпиталя подземного гарнизона. Там я нашел дневник политрука Александра Сарикова.

Вернувшись к своему месту расположения и прочитав этот

дневник, утром я отдал его начальнику штаба полка, который по моей просьбе передал дневник в политотдел 414-й стрелковой дивизии. На другой день оттуда прибыла комиссия во главе с начальником политотдела, с врачами... Меня попросили показать место, где я нашел дневник и подземный госпиталь.

В госпитале стояли железные кровати, на которых лежали три высохших трупа (помещение было сухое) в гимнастерках. Судя по эмблемам на петлицах, двое из них были врачами.

Врач, тело которого мы нашли на кровати, умер на спине, левая рука с растопыренными пальцами застыла около рта... Труп врача, лежащего около кровати, был в точно такой же позе. Лица искажившиеся. Третий лежал лицом вниз, тоже с застывшими около лица рука-

ми. Комиссия пришла к выводу, что смерть этих людей произошла от отравления газами. Это подтверждал и дневник Сарикова, где было написано, что немцы применяли газ в катакомбах. Это же подтвердили гражданские.

После осмотра трупов все помещение детально обследовали, были найдены список комсомольцев и ведомость распределения воды по группам.

На подходе к этому госпиталю, с северной стороны, прямо на центральном проходе было целое захоронение. Видимо, в специально подготовленной для этого яме. Наружу из засыпанной ямы выступали конечности, ноги, колени, руки, все это, конечно, в высохшем состоянии, и когда нам приходилось ходить по проходу, то мы перешагивали через эти останки.

В катакомбах я вообще видел очень много обвалов, завалов, обрушений потолков. Завалы и обвалы были произведены немцами через пробуренные сверху шурфы, через такие же шурфы они запускали отравляющие газы внутрь катакомб.

Воду, как известно, гарнизон добывал в ходе вооруженных вылазок на поверхность из колодца около церкви села Аджимушкой. Сариков в днев-

нике пишет, что когда таким путем воду стало добывать невозможно, по расчетам одного техника-лейтенанта под землей пробили проход к подножию наружного колодца, и с водой в каменоломнях стало лучше. Но немцы узнали об этом от одного из сдавшихся военнослужащих и колодец взорвали. Вода заканчивалась... Тогда колодец вырыли внутри каменоломен.

Мы тоже пользовались водой этого подземного колодца, а также водой запаса подземного гарнизона. В частности, в одной из полевых кухонь оказалась на редкость чистая и хо-

По расчетам одного техника-лейтенанта под землей пробили проход к подножию наружного колодца, и с водой в каменоломнях стало лучше.

рошая вода. Было много разной посуды: бочек, термосов и пр., наполненных водой, но в полевой кухне вода лучше всего сохранилась.

Из дневника видно, что сам Сариков до призыва в армию был учителем, поэтому там он очень много места отводит детям и беседам с ними. Дневник он вел в «Полевой книжке командира» простым карандашом. Это было повествование, сплошь испещренное пометками. Начала записей не сохрани-

лось: первый листок был оборван наполовину, а несколько следующих истлели от влаги.

Сариков вел свои записи с апреля по июнь. Они обор-

вались на недописанных фразах...

Архив Керченского историко-культурного заповедника

Мой дневник

*С обложкою картонною тетрадка
Со мной испешеходила войну.
Строка к строке в полночи украдкой
Записывал, что вижу я луну,*

*Что летняя дорога перегрета,
Что облако клубится вдалеке,
И только другу как-то по секрету
Я рассказал об этом дневнике.*

*Как все, перешагнувшие атаку,
Я вытирал чужой шинелью штык
И вновь писал о зорях в буераках...
Атаку не записывал в дневник.*

*Я никогда не думал стать поэтом,
Но друг хрипел в предутренней тиши:
— Вот и прощаемся. Ты видишь это.
Ты и про это тоже напиши.*

Борис ДУБРОВИН

С. СЕЙТМЕМЕТОВ:

**Мы с Петром
из-за угла дома
наблюдали за боем**

Воспоминания Сейт-Вели Сейтмеметова – об одном из девяти героев, которые вели неравный бой с немцами в деревне Ашага-Джамин. Теперь она заслуженно называется в их честь – село Геройское.

КОГДА началась война, мне было 9 лет. Мы с родителями жили в городе Саки. Отец, мать и старший брат работали на Сакском химзаводе. Завод в 1941 году эвакуировали. После прихода немцев в город наша семья переехала жить в Ашага-Джамин. Военные годы были очень тяжелые... Я помню, чтобы как-то прожить, сельчане охотились на зайцев. Мы с моим другом детства Петром Бойко работали в сельской общине. Запрягали быков, пахали, бороновали землю, а летом выполняли другие работы.

В 1943 году мы однажды заметили, что к деду Харитону Бойко стал приходить какой-то незнакомый человек. Дед Харитон был родным дядькой Петра. Однажды он позвал нас к себе и сказал: «Петя, завтра утром пойдете на станцию Княжевич (сейчас это станция Яркая) и понаблюдаете, какие эшело-

ны и с чем проходят по железной дороге. Только будьте очень осторожны! Об этом ни одна душа не должна знать!» Вечером мы вернулись домой и рассказали деду, что видели. В эти «походы» мы отправлялись каждый раз после посещения этого незнакомоего человека.

В середине апреля 1944 года в нашей деревне произошла трагедия. Вот как это было... Мы с Петром ходили по полю и проверяли капканы, поставленные на зайцев. Это было между деревней Ашага-Джамин и станцией Княжевич. Со стороны станции появился танк. Он шел в сторону Джамина. Когда танк поравнялся с нами, он остановился и к нам навстречу вышел солдат. Мы сразу поняли, что это наш советский солдат. Подойдя к нам, он стал спрашивать, кто и что есть в деревне. Мы, пацаны, хорошо знали обстановку и рассказали, что в бывшем колхозном дворе живут расквар-

тированные немцы, там же во дворе мы видели пушку. Солдат вернулся, и танк пошел прямо в деревню Ашага-Джамин. Мы тоже побежали в сторону деревни. Еще не добежав туда, услышали гул. Видимо, это стреляли из танка. Потом послышались автоматные очереди. Прибжав в деревню, мы с Петром из-за угла дома наблюдали за боем.

Бой был тяжелым, неравным. Слышались крики, стоны, тяжело было смотреть. Потом, видимо, у наших боеприпасы закончились: началась рукопашная. Через некоторое время все стихло. Мы видели, как немцы кололи штыками наших солдат.

Неожиданно около нас появилась девушка-односельчанка. Звали ее Люба, она была постарше нас. Когда стало темно, мы втроем тайком пошли и стали осматривать солдат. Один из них подавал признаки жизни. Люба сразу сказала Петру принести какой-нибудь плащ. Мы знали, что у нас деревне живет женщина-фельдшер. Когда мы полуживого солдата занесли к ней в дом, при свете лампы я увидел, что у него как будто бы не было нижней челюсти. Фельдшер попросила нас разойтись по домам и держать все в тайне.

Во время войны немцы делали облавы и угоняли молодежь в Германию. Дед Харитон частенько вызывал Петра и меня и давал нам задание: оповестить все семьи, в которых были парни или девушки. Таким образом мы уберегали молодежь от угона в Германию. Некоторые люди спасали своих детей, выдавая их за больных, и когда приходили немцы, им говорили, что у ребенка высокая температура, наверное тиф, тогда фашисты уходили. Точно

И пойдете на станцию Княжевич и понаблюдаете, какие эшелоны и с чем проходят по железной дороге. Только будьте очень осторожны! Об этом ни одна душа не должна знать.

таким же способом с большим риском для своей жизни фельдшер закрыла солдата простыней, а когда немцы пришли в дом, сказала, что это старый человек, весь горит, может быть, тиф, и они покинули дом. Потом солдата переправили в госпиталь.

Через месяц – 19 мая 1944 года случилась еще одна трагедия – депортация крымских татар из Крыма.

Я вернулся в Крым через 26 лет. Прописался и работал в селе Лесновка (старое название Гарапашня) Сакского района.

В 70–80-е годы в Лесновке жил Герой Советского Союза Нарсеев. Как-то я ему рассказал про трагический случай в селе Ашага-Джамин. Выслушав меня, Нарсеев ответил, что спасенный в 44-м году солдат выжил, и был это Василий Ершов, его хороший друг. Оказалось, Ершов почти каждый год на 9 мая приезжает в Крым и несколько дней живет у него.

В 1970 году 7 мая вечером ко мне домой пришел Нарсеев. С ним был человек в плаще, с подвязанной нижней челю-

стью. Нарсеев ему умышленно обо мне ничего не сказал. Я стал рассказывать о трагических событиях в деревне Ашага-Джамин в апреле 1944 года. К концу моего рассказа у Ершова появились слезы на глазах. Он был сильно взволнован. Дрожащими руками начал снимать медаль, чтобы отдать мне. Я сказал ему: «Что вы, что вы, дядя Вася, не надо!» Вот такая трогательная встреча произошла у меня.

Записал
Игорь ФУЧКИН,
г. Саки

Зори

*Когда ты осколок в плечо получил,
Упал, обессиленный раной,
К тебе потянулись восхода лучи,
Щека твоя стала багряной.*

*Но люди, мне кажется, думают зря,
Забыв про бои и невзгоды,
Что розовощекая эта заря —
Простое явление природы.*

*Ведь падали рядом со мной москвичи,
И спят ленинградцы в могиле.
А зори в их кровь окунули лучи
И стали багряней, чем были.*

Борис ДУБРОВИН

Федор Ткачук

Ф.М. ТКАЧУК:

**Наши огнеметные
танки расстреливали
и выжигали в окопах
пехоту врага**

Федор Митрофанович Ткачук – младший лейтенант, командир танка 107-го танкового полка 55-й танковой бригады, участник обороны Центральных Аджимушкайских каменоломен.

Разведка боем

С января по середину мая 1942-го наша танковая бригада принимала участие в боях на Керченском полуострове.

На Ак-Монайском перешейке протяженностью до 20 километров до нашего прибытия происходили бои. Этот участок линии фронта был прорван двумя противотанковыми рвами – от Азовского до Черного моря. Немцев было очень много. Наша часть действовала в районе населенных пунктов Тулумчак, Ак-Монай, Кой-Асан и нанесла им громадные потери. В результате жестоких боев были разгромлены 22-я немецкая танковая, 18-я румынская пехотная дивизии и другие части, пытавшиеся отрезать нас справа от Арабатской стрелки.

В одном из боев в конце февраля 1942 года танк, которым командовал я (мехводитель Шульман, башенный стрелок Карякин), и танк под командованием замполитрука 1-го батальона прошли через минированный проход второго противотанкового рва и под огнем противника ворвались в их оборону. Мы прошли с боем вглубь тыла врага. Фашисты вели в это время на данном участке оборонительные бои против наступающих наших частей. Поэтому мы сумели с тыла открыть по врагу огонь, подавляя его огневые точки. Так как другие танки не могли нас поддерживать, мы, произведя разведку боем, возвратились обратно.

В этом бою мы вступили в единоборство с немецкими танками. Экипаж замполитрука погиб. На подходе к своим был

подбит и наш танк. Водитель Шульман погиб, а мы с Карякиным сумели пробраться к своим и сообщили результаты разведки боем. Другие танки в том же бою не имели возможности из-за сильно минированных проходов и огня противника пройти второй противотанковый ров и поддержать наш прорыв.

Высота 26,7

На данном участке фронта важное стратегическое значение имела высота 26,7, за которую нашей бригаде приходилось при поддержке пехотных частей в феврале–марте 1942 года вести жестокие бои. Дорого обошлась врагу эта возвышенность! Несколько раз она была усеяна трупами фашистов под напористым наступлением наших танкистов и пехотинцев.

Я расскажу об одном эпизоде боев. Утром 16 марта 1942 года за высоту 26,7 завязался жестокий бой. Я в этом бою был радиотелеграфистом на танке Т-34 командира 107-го танкового полка подполковника Голика.

Голик был человек спокойный, выдержанный, умный и добрый, его уважали и любили в полку, с ним готовы были на все. Я помню, как он по отдельности беседовал перед боем со многими экипажами танков, воодушевлял нас, говорил

не только об успехе в бою, но и о будущей победе. Он заверил, что фашисты на этот раз не удержат высоты. Хотя знал и чувствовал, что бой, как никогда, будет тяжелым.

Перед боем началась артиллерийская подготовка, а через некоторое время полк во главе с бесстрашным командиром пошел в атаку. На высоте 26,7 мы подавляли немецкие огневые точки, наши огнеметные танки расстреливали и выжигали в окопах пехоту врага. Цели достигли! Ценой многих жизней высота была взята...

Фашисты придавали большое значение этой высоте и всеми силами пытались ее удерживать, подбрасывали силы с других участков фронта.

Пехотные части, поддерживающие наступление наших танкистов, не всегда могли продвигаться вперед, чтобы закрепиться на достигнутых нами рубежах. Командир танкового полка товарищ Голик на поле боя выскочил из танка и сам повел в атаку одно из подразделений пехоты, командир которого, по-видимому, погиб. Подразделение первым закрепилось на высоте 26,7. Передав командование другому пехотному командиру, Голик ползком приблизился к нашему танку, который продолжал бой. В танке он был смертельно ранен осколком, который ото-

рвался внутри башни при ударе броней снарядом.

Когда мы возвращались с убитым командиром полка на исходную, увидели результаты страшного побоища.

Я хорошо помню погибшего в том же бою башенного стрелка-радиста сержанта Николая Ивановича Хацкевича, уроженца Борисовского района БССР, учителя по профессии. Это был скромный, но очень смелый человек! Он очень хорошо владел стрельбой из танкового оружия. Я восхищался его метким орудийным и пулеметным огнем! Если бы Хацкевич остался в живых, и не последовала бы Керченская трагедия (я имею в виду гибель не только воинов нашей армии, но и документов об их героизме), то он наверняка был бы Героем Советского Союза...

Каменоломни

Утром 8 мая 1942 года немцы, применяя большое количество авиации, переброшенной с других фронтов, перешли в наступление по всему Керченскому фронту.

На участке расположения нашей танковой бригады их наступление было задержано, и мы в тот же день перешли в контратаку. В живых остались несколько десятков человек, в том числе и я. Отступили по

направлению к Керчи, сдерживая натиск врага. Все знали, что дальше отступать некуда — позади море.

В районе Семи Колодезей 10 мая 1942 года я участвовал в рукопашном бою. Человек пятнадцать наших бойцов полностью уничтожили четыре груженые фашистами автомашины, пытавшиеся пресечь нам путь отступления. Там было свыше пятидесяти немцев!

В этом бою я получил ранение осколком гранаты в правую ногу. Товарищи в беде не оставили. С их помощью я постепенно отходил к Керчи. Неподалеку от Керчи опять участвовал в бою.

13—14 мая 1942 года немцы вступили в Керчь. В группе танкистов под руководством подполковника Бурмина мы четверо суток вели оборону осажденного фашистами завода им. Войкова в Керчи. Те, кто остался в живых после этих боев, прорвали окружение немцев и вошли в Аджимушкайские каменоломни. Они располагались в нескольких километрах от завода им. Войкова.

В каменоломнях на тот момент находилось очень много военных и гражданских. Формировались подземные боевые подразделения — батальоны, роты и так далее. Но дало о себе знать мое ранение в ногу, и я попал в госпиталь. Находился там до 26 мая 1942 года. А после

выписки вел оборону в подразделении, охранявшем центральный вход в каменоломни.

Положение в каменоломнях было ужасно тяжелым! Отсутствие воды, пищи, света, применение немцами отравляющих газов, постоянные взрывы сверху и обвалы внутри каменоломен, зловоние от трупов умерших людей, которых негде было хоронить... Несмотря на это, воины подземного гарнизона постоянно совершали дерзкие налеты, нанося врагу существенные потери.

В первых числах июня 1942 года по приказанию подполковника Бурмина я в группе из четырех человек участвовал в вылазке из каменоломен. Цель — разведка фашистских постов и приготовлений к очередным взрывам каменоломен, информация о расположении проволочных заграждений и др. Выполнив задание, поздно ночью мы возвратились к своим. После этого были собраны группы бойцов, которые совершали диверсии. Так повторялось почти каждую ночь.

Через пролив

7 июня 1942 года я вместе с капитаном Львицыным совершил очередную вылазку из каменоломен. Нужно было уста-

новить связь с воинами Малых Аджимушкайских каменоломен и с партизанами или же, по возможности, пробраться через Керченский пролив на Тамань и сообщить советскому командованию о судьбе подземного гарнизона.

Мы тайно, ползком, пробрались мимо фашистских постов, охранявших выходы из каменоломен, и преодолели проволочное заграждение. Но их собаки взяли наш след. Два дня мы с капитаном Львицыным уходили от немецкой погони,

Командир танкового полка товарищ Голик на поле боя выскочил из танка и сам повел в атаку одно из подразделений пехоты

прятались в воде неподалеку от берега моря.

Несмотря на то, что Керченский пролив был под постоянным контролем фашистской авиации, артиллерии, прожекторных установок, мы решили во что бы то ни стало пробраться на другой берег и выполнить приказ командования подземного гарнизона.

На берегу моря мы случайно встретили трех военных, которые скрывались от немцев уже несколько суток и искали возможность перебраться через Керченский пролив. Местные обещали им лодку для переправы.

Вечером 9 июня 1942 года, как стемнело, мы подошли к месту, где, по договоренности, должна была находиться лодка. Она в условленном месте оказалась, но очень маленькая и ветхая. Дыры заткнули снятым с себя бельем. На лодке мог плыть только один человек. Иначе она сразу погрузалась в воду.

Тот, кто был в лодке, греб доской, а остальные четверо держались одной рукой за борт, а другой гребли. Лодка часто наполнялась водой. И мы вычерпывали ее: в лодке были наши оружие, обувь, верхняя одежда. Когда один из нас окончательно выходил из сил и вот-вот мог пойти ко дну, он менялся местами с тем, кто был в лодке.

Трудно описать, как мне и капитану Львицыну, истощенным, более двадцати дней практически не пившим воды, раненым, перенесшим удушливые газы во время нахождения в пещерах, было тяжело целую ночь бороться с морской стихией.

К утру 10 июня 1942 года мы перебрались через Керченский пролив. Нас приняли, помогли прийти в себя, и мы доложили командованию нашей армии о том, что перенесли в подземелье Аджимушка и что ждет оставшихся там воинов, продолжающих сражаться с врагом.

**Архив Керченского
историко-культурного
заповедника**

Морской летчик

*Я пелу волн
Крылом сорву,
С девятым валом споря.
Я вижу
Моря синеву,
Но я не слышу
Моря.*

*А гнев его,
Его размах,
Лишь я успел промчатся,
Едва скользнул в моих глазах,
Чтобы в крови остаться,
Проникнуть в сердца глубину,
Там ожидая знака,
Когда последнюю начну
Смертельную атаку.*

*И враг увидит:
Я настиг,
И, задымив в просторе,
Он не поймет,
Что в этот миг
Заговорило море.*

Борис ДУБРОВИН

Т.П. КУЛЬШИЦКАЯ:

**Атмосфера была
тяжелая, и говорили
как-то страшно: война,
война, война...**

Почти 60 лет прошло, как окончила Керченский металлургический техникум Тамара Петровна Кульшицкая (Лось), но до сих пор каждая встреча с альма-матер, теперь уже политехническим техникумом, волнительна для нее. Здесь до войны учился ее отец – Петр Иванович Кульшицкий, не вернувшийся с фронта рабочий госметзавода им. Войкова. Студенткой техникума в 1951 году стала и Тамара. Для девушки, чье детство пришлось на лихие военные годы, техникум был по-настоящему вторым домом. Поэтому и воспоминания о годах учебы, о преподавателях самые теплые, самые искренние. Недавно Тамару Петровну пригласили к себе ребята из студенческого клуба им. П.М. Ягунова. Им, волнуясь и с трудом сдерживая слезы, она рассказала о своем военном детстве.

ТАМАРА Кульшицкая родилась в сентябре 1935 года в Керчи. Отец работал прокатчиком на заводе им. Войкова, мать занималась домашним хозяйством и детьми (в 1939 году у Тамары родилась сестра Валя). Перед войной семья жила в Аджимушкае. С этим поселком, которому суждено было войти в историю героической обороны Керчи в 1942 году, и связаны основные воспоминания о войне.

«Я хорошо помню начало войны, – рассказывает Тамара Петровна. – У нас была корова, и мама продавала молочные

продукты в заводском поселке. В тот день она прибежала домой встревоженная. Потом все собрались в доме у бабушки. Атмосфера была тяжелая, и говорили как-то страшно: война, война... Мы, дети, почувствовав тревогу взрослых, притихли. Еще запомнилось, как пришел отец и сказал, что завод вместе с семьями рабочих эвакуируют на Урал. Мама отказалась уезжать. Она тогда ждала третьего ребенка (брат родился 29 сентября 1941 года), да и не хотела оставлять свою больную маму. Так мы остались в Аджимушкае. Отец ушел на фронт».

Еще одно незабываемое впечатление детства — бомбежки. «Бабушка жила на центральной улице поселка, и оттуда было хорошо видно, как горит город, завод Войкова, — вспоминает Тамара Петровна. — Когда начинался налет, взрослые выгоняли нас из дома и прятали под заборы из мелкого камня, которыми тогда ограждали огороды. Вскоре бомбежки стали такими сильными, что население начало уходить в каменоломни.

Что тогда собой представляли каменоломни? В начале помещения, как склепы, в них темнота. Вдоль по входу изредка горели факелы на палках. А дальше были большие выпиленные помещения — вроде больших квадратов, они были огорожены. Вот в каждой такой «квадрат» ставили кровати, столик, на котором горела керосиновая лампа. Люди в каменоломни тащили с собой лежаки всякие, доски, перины, подушки, чтобы детей прятать и хоть как-то в сырости согреться. Потом это все так в каменоломнях и осталось».

А однажды в каменоломнях появился отец. Часть, в составе которой воевал артиллерист Петр Кульшицкий, с боями отходила с Перекопа на Керчь, к переправе. «Была недолгая остановка в Булганаке, и отец отпросился на несколько

часов домой. Ему дали лошадь, и он прискакал в Аджимушкой. Очень хотел посмотреть на новорожденного сына. Он очень ждал сына. Мечтал: вот Тамара будет инженером, Валя — врачом, а если сын родится, то будет летчиком...»

К зиме большое семейство — Тамара с мамой, сестрой и братом, бабушка Акилина Ивановна Кацыка, жена мамино брата Евгения Кацыка с 4-летней дочерью Людмилой — перебрались из каменоломни в бабушкин дом. Между ним и соседним домом был вход в каменоломни, причем образовался он случайно. На этом месте провалился тяжелый танк. Стальную машину вытащили, а провал остался. Его расчистили и периодически там прятались. Здесь уже не было удобств. Кровати никто не тащил, разве что доски какие-то, чтобы на них сидеть или лежать. В провал Кульшицкие перевели свою главную кормилицу — корову.

«Немцы пришли в середине ноября, а уже Новый год мы встречали с нашими, — вспоминает Тамара Петровна. — Зима 1941—1942 года очень суровая была. Пролив стоял. Говорили, что войска по льду идут. Солдат было много. У нас три комнаты, и все были забиты ими. Солдаты прямо на полу лежали, отдыхали. А бабушка, помню, пекла пирожки и всех

кормила...» В мае 42-го Аджимушкой вновь оказался в эпицентре боевых действий. «Мы прятались от бомбежек в провале возле бабушкиного дома. Бомбили Аджимушкой и днем, и ночью. Однажды в наш дом попала зажигательная бомба. Никто, к счастью, не пострадал. Многие тогда из города, поселка Войкова пришли в каменоломни. А вскоре в Аджимушке появились и немцы, — рассказывает Тамара Петровна. — Не такие, как в 1941-м. Нелюди... Начали замуровывать входы, взрывать.

Как-то ранним утром пустили газы. Люди начали кашлять, глаза слезились. Нас, спящих детей, не могли разбудить. Кое-как растормошили, и вся толпа двинулась к провалу. Я помню, что дым выходил сиреневыми клубами. А когда он улетучился, в воронку прыгнули два немца, у каждого в руке было по гранате. Народ назад отпрянул. Мама на одной руке маленького Лешку держала, а в другой — на веревке корову. А мы втроем перед ней стояли и за ручки держались. Увидела мама немцев и крикнула: «Бегите, дети!» Мы полезли вверх. Как — не помню. Потом мама рассказывала, что ее люди вытолкнули вместе с коровой.

А на улице — перестрелка. Мама ринулась сначала к бабушкиному дому. Когда через огород бежала, немцы заметили и бросили гранату. Маму с Лешкой отбросило под изгородь, а корову убило. Все бежали туда, где сейчас дачи в конце Аджимушкой (там были чья-то усадьба с большим садом и колодец со сладкой, самой лучшей в поселке водой).

Добрались до сада, а там людей полным-полно — мало-

Я помню, что дым выходил сиреневыми клубами. А когда он улетучился, в воронку прыгнули два немца, у каждого в руке было по гранате.

летние, раненые, женщины с детьми. Мальчишек-подростков немцы заставили воду из колодца вытаскивать и поить лошадей. Тех, кто с малыши детьми, погрузили в машину, а остальных построили в колонну и погнало.

Оказались мы в Булганаке. Расселились кто где мог: в скирдах, в поле, на квартирах. На третьи сутки мама решила сходить в Аджимушкой, узнать о судьбе больной матери. С трудом пробралась. Везде были патрули. А нашем в доме играл патефон, двор был устлан маминими шарфами. Немцы по ним, как по ковровым дорожкам, хо-

дили к погребу, туалету. А в саду стояли румыны. Им мама сказала, что в доме ее мама. А ей ответили: «Твоя мама – партизанка. Ее немцы убили и вон в ту яму бросили» и показали на погребок в конце огорода.

Позже маме рассказали, что в доме были два наших то ли солдата, то ли офицера, бабушка их накормила и потихоньку из дому выпустила. А немцы все равно увидели. Вытащили ее за волосы во двор, облили керосином (в доме немецкие летчики стояли) и подожгли. Люди слышали, как она кричала. Так погибла моя бабушка.

Как мы выживали в Булганке – не знаю. Мама всегда говорила, что в голодные годы нас выручала рыба. Женщины ходили в Кут (сейчас Юркино), там старые рыбаки насыпали каждой по ведру рыбы. Те шли домой, часть рыбы оставляли себе, а часть несли в город, меняли на баночку проса или кукурузы.

А осенью немцы стали выгонять население из тех сел, что за Аджимушкаем. До Керчи-2 мы шли пешком, а оттуда нас

в вагонах для скота перевезли в Сейтлерский район. Там и освобождение встретили. А в начале мая 1944 года вернулись в Керчь...»

Когда началась война, маме Тамары Петровны – Домне Ивановне Кульшицкой – было 29 лет. Ценой невероятных усилий и, наверное, невероятным везением ей удалось сохранить всех детей. Тяготы военной и послевоенной жизни отразились на ее здоровье. Она рано, в 40 лет, умерла. А Тамара, Валентина и Леонид выучились в техникумах и вузах. У всех была хорошая работа. Сестра и брат трудились в НИИ Харькова и Донецка. Тамара Петровна более 40 лет проработала на ЖРК. Ветеран труда. Награждена орденом «Знак Почета».

«Выжили, ребята, выжили, – обращаясь к студентам, заканчивает свой рассказ Тамара Петровна. – И главное для себя уяснили: при любых условиях необходимо учиться. Только так можно состояться в жизни».

Оксана ШЕРЕМЕТ,
г. Керчь

При свете керосиновых ламп

*Лампы керосиновые мирно
Трогают оружие в тени.
За стеклом встают
По стойке смирно
Часовыми полночи – огни.
Дышится заглохшею войною*

*В шорохе набрякшей тишины.
То желтеют лампы предо мною
Смутными копилками войны.*

*Два бойца, мерцающие сталью,
С карты не спускающие глаз,
Бронзовыми статуями встали,
Но железа требует приказ.
И в глазах начальника заставы,
Что подходит к карте на стене,
Я увидел
Вставшего Дибраву –
Ротного, что сгинул на войне.*

*Голос сух, спокоен и негромок,
И глаза прищурены едва...
Вслушайся, неведомый потомок,
В эту ночь,
В поблекшие слова.
Что весь мир?!
Представь хотя бы волос –
Волосок тревожной тишины,
И услышишь близящийся голос
Никому не видимой войны.*

Борис ДУБРОВИН

Советские воины срывают вывеску с полицейского участка в Почтовом переулке, г. Керчь, 1944 г.

Разрушенные сооружения одного из цехов завода им. Войкова, г. Керчь

Вид набережной, г. Керчь, 1942 г.

Керченская улица с частично разрушенными одноэтажными строениями, по улице идут жители со своим скарбом, 1942 г.

Здание частично разрушенной табачной фабрики, г. Керчь, 1942 г.

Советский солдат ведет автоматный огонь во время боя за освобождение Керчи от гитлеровских захватчиков, 1943 г.

Советские воины идут по набережной освобожденной Керчи, 1944 г.

Вид керченской улицы, разрушенной фашистской бомбардировкой, 1944 г.

Руины завода им. Войкова, разрушенные доменные печи, г. Керчь, 1945 г.

Советские воины срывают фашистскую вывеску с клуба им. Энгельса, г. Керчь, 1944 г.

Метеорологи докладывают метеосводку экипажам 46-го женского полка ночных бомбардировщиков

Экипаж самолета МБР-2 ВВС ЧФ. Слева направо: штурман Василий Корниенко, летчик Николай Астахов, радист Александр Крылов, 1942 г.

Генерал-майор В.И. Книга, командир 72-й кавалерийской дивизии, 1942 г.

Экипаж танка Т-34, 1-й танковый батальон. 63-й Таманской танковой бригады. Командир танка – гв. лейтенант А.Г. Мишин, механик-водитель – старшина Г. Зорин, радист-стрелок – сержант Э.Г. Кац, заряжающий – сержант В.В. Жиров

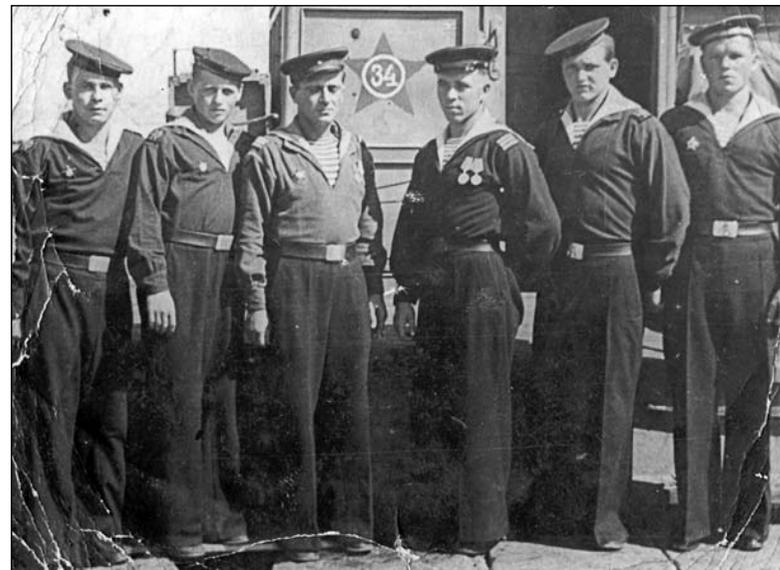
Бойцы 9-й отдельной моторразведроты на улице Керчи в день освобождения – 11 апреля 1944 г.

Бронбойщики Щеглов и Скуратов в засаде, в районе Аджимушкских каменоломен, 1943 г.

Военные корреспонденты. Крымский фронт. Второй слева – поэт Б. Серман, 1942 г.

Экипаж катерного тральщика КТЦ-222

Группа участников освобождения Керченского полуострова, 1941 г.

Офицеры 481-го СП 320-й СД, участники Керченско-Феодосийской десантной операции, 1941 г.

Три офицера, 1942 г.

Медсестры Керченской военно-морской базы. Справа В. Якута – участница Керченско-Феодосийской десантной операции, 1941 г.

У землянки военков. Справа налево: кинооператор Леонид Котляренко, корреспондент ТАСС Марк Туровский, кинооператор Аркадий Левитан, фотокорреспонденты ТАСС Макс Альперт и Евгений Халдей, кинооператор Семен Стояновский (погиб в дни боев за Вену), военный водитель Макар Зябликов. Поселок Капканы, г. Керчь, 1944 г.

Зенитчики, пос. Маяк, 1943 г.

Казачи 72-й кавалерийской дивизии, 1942 г.

Горнострелковое подразделение лейтенанта Ковалева выполняет задачу по доставке боеприпасов на передовую, используя в качестве транспорта домашних ослов, Крым, апрель 1944 г.

Советские истребители И-153 «Чайка» над Севастополем, 1941 г.

Командующий Приморской армией генерал-майор И.Е. Петров (второй справа) и командир 345-й стрелковой дивизии полковник Н.О. Гузь (третий справа) на переднем крае одного из участков Севастопольского оборонительного района, 1942 г.

Советские морские пехотинцы ведут бой в районе Севастополя. Краснофлотцы вооружены советскими пистолетами-пулеметами ППШ-41, самозарядной винтовкой СВТ и трофейными немецкими пистолетами-пулеметами MP-40

Главный старшина морской пехоты Черноморского флота А. Аникин, 1942 г.

Морские пехотинцы Черноморского флота читают газеты, г. Севастополь, 1942 г.

Один из производственных цехов Севастопольского подземного военного спецкомбината №1

Лидер эсминцев «Ташкент» сближается с эсминцем «Сообразительный» для перегрузки эвакуируемых из Севастополя, 1942 г.

Советский санитарный транспорт «Абхазия». Судно было потоплено в Сухарной балке Севастополя 10 июня 1942 г. в результате немецкого авианалета, бомба попала в кормовую часть

Зенитчики бронепоезда «Железняков» (бронепоезд №5 Береговой обороны Севастополя) у 12,7-мм крупнокалиберных пулеметов ДШК (пулеметы установлены на морских тумбах). На заднем плане видны 76,2-мм орудия корабельных башенных установок 34-К

Эсминец «Ташкент» швартуется с подводной лодкой «Д-5» Черноморского флота, г. Новороссийск, июнь 1942 г. Подводная лодка 2-го дивизиона подводных лодок 1-й бригады подводных лодок «Д-5» (командир – капитан-лейтенант И.Я. Трофимов), вероятно, готовится к своему третьему транспортному походу в Севастополь с грузом снабжения для осажденного города

Женщины и дети, эвакуированные из Севастополя, сходят с борта эсминца «Ташкент» в порту Новороссийска, 1942 г.

ЛИЦА ПОБЕДЫ

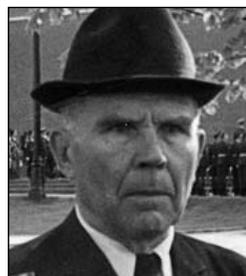
К.В. Аверкиев

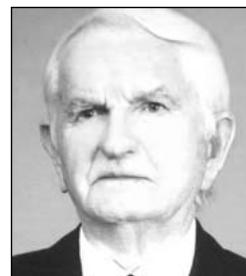
Н.Л. Вишневская

В.И. Вострухина

Ф.Л. Гаврилов

Г.В. Галанин

Н.Д. Ганичева

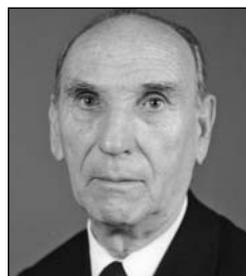
Н.М. Кобец

В.А. Костовский

М.А. Крук

Г.В. Кушниренко

Л.Т. Лозовая

А.Г. Лубенцов

М.П. Радченко

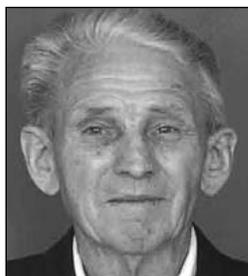
М.И. Разогреев

К.Д. Резниченко

Е.В. Селищева

В.Н. Сериков

Р.Ф. Солдатова

Н.Ф. Толкачев

Абла Ибрагим

И.П. Клименко

Е.П. Латышев

Л.Д. Лоскутов

Эмир-Али Османов

Е.П. Романенко

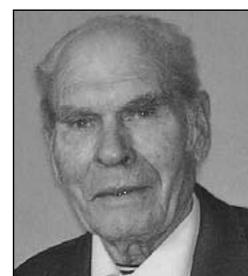
В.Н. Синенко

А.А. Соколовский

А.Ф. Фетисов

М.Ф. Чечетов

Ф.И. Чумак

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....	3
М.П. РАДЧЕНКО: Аджимушкой далекий на проводе!.....	8
И.П. КЛИМЕНКО: Подобрал самых опытных разведчиков и отправился на территорию противника.....	16
В.А. КОСТОВСКИЙ: В 16 лет создал подпольную группу.....	21
В.Н. СИНЕНКО: Тетя спрятала своего малыша в холодной духовке плиты.....	30
Л.Т. ЛОЗОВАЯ: Все немецкие самолеты узнавала по звуку.....	36
Н.М. КОБЕЦ: Впереди шел солдат с автоматом на груди, за ним – плененная немецкая часть.....	41
А.Г. ЛУБЕНЦОВ: Горели люди, горели танки, горела земля.....	44
Г.В. КУШНИРЕНКО: Сержант щелкнул затвором и громко крикнул: «Хенде хох!».....	52
Е.П. ЛАТЫШЕВ: Один из солдат ухватился за меня и начал тянуть ко дну.....	56
М.И. РАЗОГРЕЕВ: От колодок сначала ноги поыворачиваешь, а потом ничего – привыкаешь.....	60
Ф.Л. ГАВРИЛОВ: Шла активная агитация против немцев, но мы не винили весь народ.....	66

Н.Д. ГАНИЧЕВА: Мы были детьми, пропустившими свое детство.....	72
Г.В. ГАЛАНИН: На фронт ушел в 17 лет добровольцем.....	79
В.И. ВОСТРУХИНА: Вернуться? Но как тогда посмотреть в глаза раненым? Нет. Только вперед, к воде.....	86
А.А. СОКОЛОВСКИЙ: Страшно было умереть в самом конце войны.....	90
В.Н. СЕРИКОВ: Снаряд, которым нас подбили, оказался нашим спасением.....	96
Г.Ф. ЩУКИНА: Спросонья не поняла, о какой войне идет речь. Подумала: кто-то из соседей поссорился.....	100
Е.В. СЕЛИЩЕВА: Перевязывая раненых, я и не заметила, как нас окружали фашисты.....	106
М.А. КРУК: Мы сняли фашистский кормовой флаг и нашли сейф с документами.....	114
К.В. АВЕРКИЕВ: Очень переживали, что война закончится, а мы так и не успеем подвиг совершить.....	124
М.Ф. ЧЕЧЕТОВ: Я уничтожил всех, кто хотел убить меня и моих товарищей.....	129
С.Н. БАРЛИТ: Пять суток я рыскал по степи, как затравленный зверь.....	135
Н.Л. ВИШНЕВСКАЯ: Дядя повел меня с братьями смотреть, как горит Евпатория.....	141
Р.Ф. СОЛДАТОВА: Девушек выдал военный загар.....	147
В.Ф. ИВАНЧЕНКО: Нужно было собрать всю волю в кулак.....	155
Е.П. РОМАНЕНКО: «Людоловы» хватали парней и девчат, отправляли на работу в свой рейх.....	159

Н.Ф. ТОЛКАЧЕВ: В карательном органе Абвер-317 у меня был завербованный разведчик.....	163
Э. ОСМАНОВ, АБЛА ИБРАГИМ, Э. И Б. МУСТАФАЕВЫ: Наша семья воевала во имя Победы.....	171
А.И. ЕВЦИХЕВИЧ: Фашисты десанта не ждали.....	176
А.Ф. ФЕТИСОВ: Я оказался на Северном флоте в бригаде «морских охотников».....	182
Ф.И. ЧУМАК: Нам, пацанам, очень хотелось по-настоящему пострелять в немцев!.....	188
К.Д. РЕЗНИЧЕНКО: Только успела переодеться в гражданское, как немцы ворвались в дом.....	194
Л.Д. ЛОСКУТОВ: Перед каждым боем давали наркомовские 100 грамм для бесстрашия, и это срабатывало.....	200
Ф.А. ГРИЦАЙ: В подземном госпитале еще находились железные кровати и несколько высохших трупов.....	205
С. СЕЙТМЕТЕВ: Мы с Петром из-за угла дома наблюдали за боем.....	209
Ф.М. ТКАЧУК: Наши огнемётные танки расстреливали и выжигали в окопах пехоту врага.....	213
Т.П. КУЛЬШИЦКАЯ: Атмосфера была тяжелая, и говорили как-то страшно: война, война, война... ..	220
ФОТОГАЛЕРЕЯ.....	226
ЛИЦА ПОБЕДЫ.....	248

• **«Аргументы недели»** –

общефедеральное издание с представительствами практически в каждом регионе России, в странах СНГ, Европы, США и Китая.

• **«Аргументы недели»** –

газета, не связанная с олигархическими структурами, политическими партиями и не финансируемая государством.

• **«Аргументы недели»** –

не клон «Аргументов и фактов». Однако газету делает команда, создававшая «АиФ».

• **«Аргументы недели»** –

Аудитория каждого номера превышает 1 млн. человек. (По данным TNS Gallup Media, категория «руководители» среди читателей составляет 19%.)

• **«Аргументы недели»** –

Сайт www.argumenti.ru ежемесячно посещают 2 миллиона человек.

• **«Аргументы недели»**

доставляются в Администрацию Президента РФ, Правительство РФ, во все министерства, Государственную Думу и Совет Федерации, в органы власти всех субъектов РФ, в офисы крупных российских и международных компаний.

• **«Аргументы недели»** –

информационный партнер Счетной палаты Российской Федерации, Ассоциации юристов России и Российского союза налогоплательщиков.

**ГОВОРЯТ ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ.
ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ.
КРЫМ**

**Сборник интервью и воспоминаний
участников Великой Отечественной войны**

Редактор
Елена Козина

Авторский коллектив
Оксана Шерemet, Александр Гадеev, Дарья Хоришко, Александра Рыбинкина, Елена Головина, Фериде Зинабадинова, Кристина Булат, Андрей Киров, Владислава Доронина, Елена Батракова, Александр Гаркуша, Дмитрий Люлев, Елизавета Герасимова, Софья Гальченко, Юрий Резник, Николай Горюнов, Алексей Суроткин, Роман Корсак, Максим Бочкарев, Игорь Фучкин, Ольга Гокова, Регина Абдурахманова, Юлия Вишневская, Эвелина Кропочева, Виктория Гребенщикова, Эдем Аблаев, Анна Федорова, Алена Фирсова, Дмитрий Сафонов, Зенифе Сейтмамутова

Корректор **Елена Соколова**
Дизайн обложки **Александр Щукин**
Компьютерная верстка **Юлия Токарева**

В книге использованы воспоминания фронтовиков и фотографии из архива КРУ «Керченский историко-культурный заповедник», фотографии портала «Военный альбом» — waralbum.ru

Подписано в печать 16.04.2012
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Newton».
Печать офсетная
Бумага . Усл. печ. л.
Тираж 5 тыс. экз. Заказ №

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в ГП «Издательство и типография «Таврида».
95040, г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44